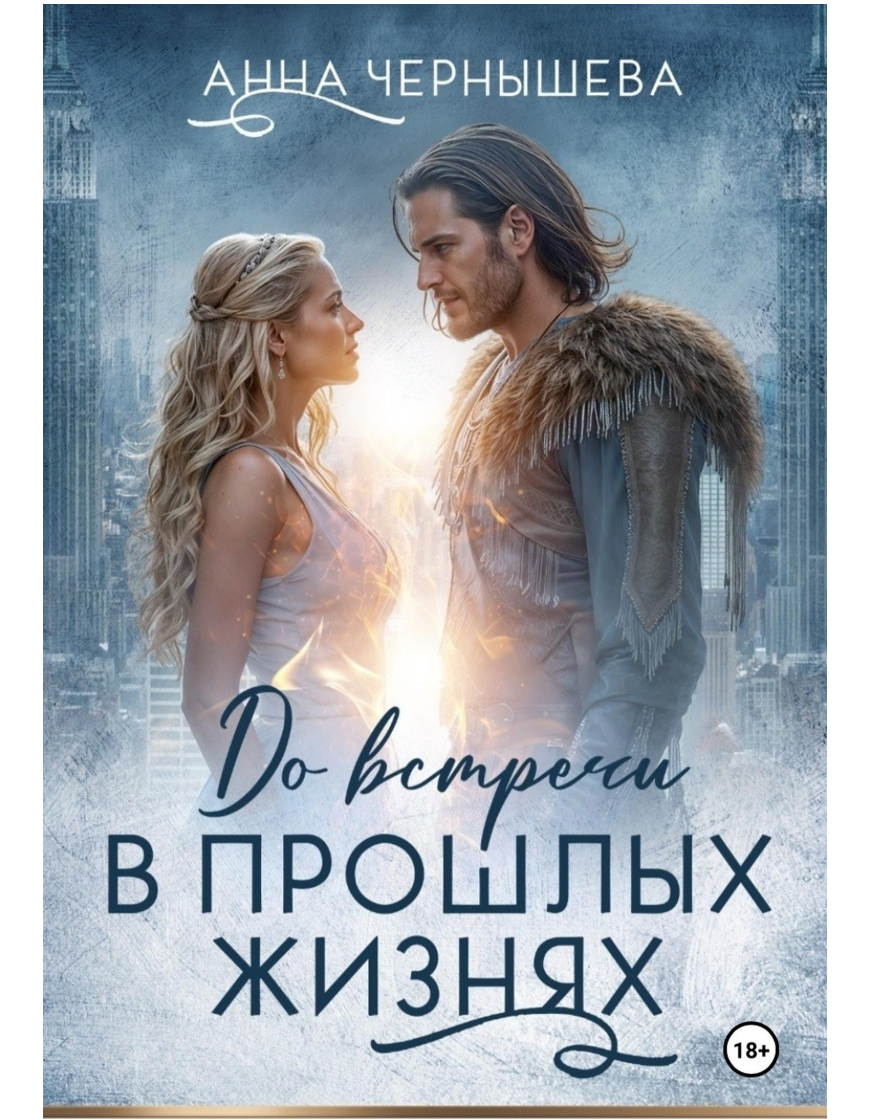

АННА ЧЕРНЫШЕВА

До встречи
В ПРОШЛЫХ
ЖИЗНЯХ

18+

Анна Чернышева
До встречи в прошлых жизнях
Серия «Карма», книга 1

<https://litres.ru/74418678>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я вижу сны, в которых со мной раз за разом случается бешеная любовь и трагическая смерть.

Я не верю, что это просто сны.

Прошлые жизни? Может быть.

Но беда в том, что мужчина из этих снов преследует меня и сейчас. И одержимость им пугает до чертиков.

Неужели кого-то из нас ждёт смерть в этой жизни? Или мы сумеем распутать кармические узлы и обрести свободу друг от друга? И стоит ли она той цены, которую придётся заплатить?

Осторожно: горячие сцены с первой главы!

Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	84
Глава 8	97
Глава 9	109
Глава 10	124
Глава 11	140
Глава 12	155
Глава 13	169
Глава 14	184
Глава 15	197
Глава 16	216
Глава 17	229
Гл	242
Конец ознакомительного фрагмента.	243

До встречи в прошлых жизнях

Пролог

Алёна, 2025

Сон слетел с меня, будто бы его и не было. А я пыталась уловить ускользающий шум моря, топот копыт по пыльной степи и ощущение поцелуя на губах.

Разве можно видеть такие реалистичные сны? Время на телефоне показывало три утра, и до работы оставалось ещё целых пять часов. Можно попробовать уснуть и погрузиться в сон, где косы мои полощет ветер, а под задом ритмично отстукивает ритм твёрдое седло. И нет ни дедлайнов, ни проектов, ни мужчин. Я - ветер. Я - сама свобода!

И если бы я могла заглянула вперёд, чтобы узнать, что принесёт с собой этот сон — я бы, не раздумывая, погрузилась в него снова. Потому что это видение — не просто очередной сумбурный набор штампов. Это была моя прошлая жизнь.

Глава 1

IV век до нашей эры

Причерноморье, Большая Скифия

Я смотрела в его магические глаза и не могла оторвать взгляд. Этот новенький охранник появился у входа в мой шатёр только вчера, и сразу обратил на себя внимание. Его бледные глаза, почти на грани с бесцветностью, напоминали разбавленный топаз с золотыми искорками. Темный, почти чёрный ободок у этих топазов делал взгляд пустым и притягательным одновременно.

И прямо сейчас они светились любовью и радостью, и я испытала жгучий укол ревности. Всегда думала, что такой редкий цвет глаз не может быть тёплым и расплавленным от страсти — только холодным и расчётливым. Но всё же мускулистый воин как-то умудрялся передавать любовь к моей служанке одними глазами, что невероятно меня разозлило.

Я нехотя оторвала взгляд и подозвала служанку, чтобы разорвать этот порочный обмен взглядами. Она тут же склонилась передо мной и передала в руки просимое — погасший масляный светильник, который надо было заново разжечь. Но ум её был занят другим. Готова поспорить, что она всем телом чувствовала его присутствие и торопилась вновь занять своё место, чтобы впитывать лучи этих невозможных глаз, устремлённых на неё с любовью и обожанием.

Но моя рука не дотянулась до светильника всего полпальца, и этого хватило, чтобы он упал прямо на её стройные ноги, обтянутые невесомым шелком, и кипящее масло выплеснулось наружу, обжигая гладкую плоть. Запахло жареным.

Я усмехнулась одними уголками рта, потому что накидка скрывала нижнюю половину моего лица, оставляя видимыми только непроницаемые глаза. Я знала, что им далеко до его загадочного взгляда. В моих тёмно-карих глазах нет ничего необычного: у всего моего племени были такие, и у племени моего мужа тоже. Он взял меня замуж не за красивые черты или цвет глаз, а за молодое тело, способное рожать. Две его жены не справились с этой обязанностью, и их тела упокоились глубоко на дне моря. Настала моя очередь доказать своё право на жизнь рядом с одним из самых могущественных главнокомандующих в истории нашего народа. За всё, как известно, нужно платить.

Топазы его глаз стали ещё бледнее, когда он бросился на помощь своей обожжённой любимой. Две служанки кудхтали над ней, выпроваживая из шатра мужчин, чтобы поскорее снять пропитанные маслом одежды с расплавленной плоти. Мне же от запаха стало дурно и я, кивнув двум преданным охранницам, вышла вон.

По степи гулял ветер, перекатывая высушенные беспощадным солнцем шары травы, которые скрывались за горизонтом. Прямо за моим шатром, стоявшим на краю обрыва, плескалось бескрайнее синее море. В дни шторма оно чер-

нело и тогда волны почти доставали до края скалы, закидывая солёные брызги прямо на мягкие войлочные стены моей палатки.

Было начало осени, и наше племя прикочевало к морю, где погода была мягче и приветливее к людям, чем на северных границах наших пастбищ. Полукруглые войлочные шатры раскинулись вдоль побережья, чтобы у каждого высокопоставленного воина был свой кусочек моря. Кочевники победнее и простые пастухи селились дальше, разбивая стоянки в глубине полуострова. Там они могли пасти овец и лошадей, не прогоняя их через зимнее стойбище. И туда же прибывали торговцы из соседних племён, чтобы обменять награбленное в походах добро на мясо, шерсть, вино и пшеницу.

Рядом раскинулся самый высокий в племени шатёр, и он принадлежал моему мужу. Оттуда доносился его недовольный голос, распекающий подчинённых. Солёный морской ветер растрепал мои волосы, которые я сегодня оставила распущенными. С момента, как я увидела сегодня глаза моего нового охранника, присланного повелителем, в голове мгновенно созрел план. Столь же дерзкий, сколь и невыполнимый. Но я знала, как всё проверить. Потому что жить мне осталось — до весны. Вряд ли я увижу когда-нибудь северные земли, куда мы откочёвывали каждое лето, спасаясь от изнуряющей жары и перебираясь на свежие пастбища, если не предприму что-нибудь прямо сейчас.

Четыре года я выжидала, изучая повадки своего мужа. То, чего не смогли понять многочисленные военачальники, я уловила уже ко второму году жизни бок о бок с ним. И если женщина в нашем племени не могла выбирать свою судьбу, то она должна была уметь наблюдать и быть умной, чтобы выжить. Я умела и то, и другое.

Перед входом в мужнин шатёр стояли два охранника, которые при виде меня скрестили свои копья. Я метнула глазами вправо, молчаливо велев им убираться. Они подчинились, бесшумно исчезнув с пути.

Пройдя сквозь многочисленные занавески, свисавшие у входа в шатёр, резко свернула вправо, в комнату, отделённую плотным войлоком от места, где муж принимал подчинённых.

Там, на ложе из набитых шерстью матрасов и шёлковых простыней, были разбросаны маленькие подушечки и пустые курильницы.

Достав пучки медовых трав из сундучка напротив, я разложила их вокруг ложа. Потом капнула душистого розового масла на курильницы и подожгла тонкий фитиль.

Голос с той стороны занавески осёкся, уловив призывный запах ароматного масла. Я услышала тяжёлые шаги — это все лишние выходили из шатра, повинаясь жесту своего хозяина. Затем я притаилась в тёмном углу, как тень, и стала ждать.

И он меня не разочаровал. Двигаясь грузной походкой по-

жилого человека, который уже вряд ли вскочет на лошадь, мой муж вошёл в опочивальню. Я быстрым ветром скользнула к нему сзади и закрыла ладонями глаза, призывно прижавшись к спине мягкими полукружьями груди. Простая мера предосторожности, чтобы он ненароком не убил меня от неожиданности.

— О мой тигр, — прошептала я в самое ухо. — Позволь доставить тебе наслаждение, которое ты так жаждешь в эту минуту.

Я мурлыкала и призывно тёрлась о его спину своим телом, выписывая зигзаги, словно змея. Он кивнул.

Тогда в моих ладонях появился шёлковый шарф, который нежно скользнул на его глаза. Мгновенное напряжение в его плечах, а потом расслабление. Что ж, разрешение получено. Теперь он — в моей власти.

Подтолкнув его к ложу, я с удовольствием увидела, как неловко он бухнулся на колени и часто задышал. В меня влилась первая порция возбуждения, наполняя пьянящей властью. Меня воспаляла та свобода, которой он платил за наслаждение. Могущественный воин, правитель целого племени и сборного войска кочевников стоял сейчас на коленях перед моими ногами и дрожал от предвкушения. Я распахнула полы своей шелковой туники, под которой уже не было шаровар. Позволила ему вдохнуть аромат моего возбуждения и даже прикоснуться губами, но потом резко отодвинула от себя. Ещё не время.

Точными движениями освободив мужа от одежды, я уложила его на ложе и принялась колдовать над дряблым телом. Умелыми руками растирая усталые мышцы, я напевала колдовскую мелодию, которой меня научила знахарка из рода моей матери. Она много мудрости передала мне, беседуя ветреными зимними вечерами. Даже тогда, когда уже не могла видеть, но всё ещё умела говорить.

С её помощью я смогла быстро поработить своего мужа, бесстрашного правителя, на его же ложе. Из робкой девственницы я быстро превратилась в львицу — в ту, которая сама решает, когда быть любовным утехам и как их провести по тонкому лезвию наслаждения, смешанного с подчинением. И поэтому её невозможно застать врасплох.

Этот великий воин и бесстрашный мужчина терял голову от страсти на моём ложе и бесстыдно упивался запретными удовольствиями, скрытыми меж моих ног, касаясь их губами и языком. А после шептал, утомлённый нашей схваткой:

— Если ты когда-нибудь об этом расскажешь, я убью тебя вот этими же руками.

Я же заливисто хохотала в ответ и загадочно улыбалась одними уголками губ. Я была бы сумасшедшей, если бы позволила кому-нибудь узнать, какую власть я приобретаю над ним в опочивальне.

Никто никогда не узнает, что храбрейший из мужчин мог расслабиться, только почувствовав себя в моей власти.

Прямо сейчас он, связанный по рукам и ногам, извивался

на шёлковых простынях, ослеплённый шёлковым шарфом. Удушливый запах роз смешался с моим мускусным запахом, а я властвовала над его телом, используя его как наездница. Затягивая его удовольствие и ускоряясь, когда он терял интерес, я три раза подводила его к пику скачки, прежде чем дала ему излиться.

Обессиленный, он распластался на ложе и счастливо улыбнулся. Я же, не меняя позы и не выпуская его из объятий, налила в руки ещё драгоценного масла с запахом мускуса и принялась массировать его мышцы, а потом завершила ритуал, мягко касаясь кожи кончиками пальцев, чтобы он вздрагивал от удовольствия. Добившись полного расслабления, я дождалась, пока он уснёт. Развязала его глаза, накрыла простынкой и вышла из шатра.

Солёный ветер растрепал волосы, выбившиеся из-под платка, и я полной грудью сделала вдох. Неутолённая похоть ныла между бёдер, натруженные мышцы ног гудели. От меня пахло розовым маслом и терпким потом. Увидев меня, охранники снова заступили на своё место у входа в шатёр военачальника. Ни один мускул не дрогнул в их лице, потому что их предшественники уже поплатились за свои двусмысленные ухмылки.

Особо доверенная служанка доносила, что меня боятся и презирают за жестокость. Настоящая женщина, по мнению воинов, должна быть мягкой и податливой, молча сносить все обиды и прощать своего мужа. Ну что ж, все мягкие и по-

датливые жёны моего повелителя уже давно пошли на корм рыбам. Если бы на моём месте был кто-то из этих мужчин, я бы посмотрела, какими бы они были.

И всё же эти колдовские глаза не шли у меня из головы. Сопровождаемая незримыми, как тени, охранницами, я спустилась к самому морю и прошла по песку вдоль всей нашей стоянки, пока самый последний штёр не исчез из виду. Мне нужно было подумать и побыть в уединении. Не доходя до скалистой пещеры, которую я нашла ещё в прошлую стоянку, я остановилась и уселась прямо на песок. Прикрыла глаза и прислушалась к шуму волн. Солёные брызги долетали до моего лица, которое я открыла, подставив ветру и солнцу. Пахло водорослями и морской пеной. Песок под моими ногами был крупный, легко осыпавшийся с кожи, стоило его только стряхнуть, и состоял из мелких-мелких раковин давно погибших существ. Когда-то они жили, кормились, дышали. А теперь — всего лишь пыль под моими ногами.

Просидев так довольно долго, я устала молиться. Сегодня ни ветер, ни вода, ни внутренний голос ничего не сказали. Спасение моей жизни перекладывалось только на мои хрупкие плечи.

Поднявшись, я краем глаза уловила, как от скалы беззвучно отделились две моих тени. Эти девушки были со мной с самого начала — мать настояла, чтобы рядом со мной с самого рождения всегда были две девочки, которых воспита-

ли воинами и умелыми убийцами. Пока я изучала женские премудрости, они тренировались и охотились, а когда мы все вместе выросли, то их включили в моё приданое.

«Не доверяй никому, Арга» — любила повторять моя мать. — «В племени твоего мужа у тебя будут только они. Береги их».

И я берегла, зная, что они жизнь отдадут за меня. Поэтому верила им, как себе. Они сопровождали меня в шатёр и по знаку оставили одну.

После происшествия с кипящим маслом там прибрали, а охающая служанка осталась лежать в углу, на раскатанном тюфяке, набитом соломой. Я подошла к ней, взглянув в замутинные от боли глаза. У меня было средство помочь ей.

— Позови охранника, что дежурил сегодня утром, — распорядилась я, открывая свой дорожный сундучок, набитый снадобьями.

Спустя мгновение светлоглазый вошёл в шатёр и тут же устремил свои чудесные бирюзовые глаза на мою служанку. Поморщившись, я спросила у него:

— Кто она тебе?

— Наречённая, — ответил воин, на секунду отведя взгляд от пострадавшей. Он равнодушно мазнул по мне бесцветными глазами, и вновь впился в её лицо, перекошенное от боли.

— Любишь? — с вызовом спросила я. Все, кто знал меня чуточку лучше, уловили бы в моём тоне угрозу. Но не он.

— Что вы от меня хотите, госпожа? — спросил он, а я

невидимо улыбнулась под накидкой.

— Сегодня ночью одна из моих девушек проводит тебя в условленное место. Там ты узнаешь, что от тебя требуется. И если ты всё сделаешь правильно, то она получит лекарство, от которого заснёт и не будет чувствовать боли до утра. Ты всё понял?

— Госпожа, я выполню всё, что вы прикажете. Только дайте ей лекарство сейчас! Вы видите, как она мучается?

Страдание в его глазах сделало золотые искорки ярче, а тёмный обруч слегка посветлел. Я не могла оторваться от этого зрелища, наблюдая за игрой света.

— Так ты не отступишь от своего обещания, когда узнаешь, что за дело я тебе поручаю? — вкрадчиво спросила я, загоняя в ловушку.

— Нет, — твёрдо ответил он и впервые осмысленно взглянул на меня. Я затанула момент, изучая выражение его лица.

— Хорошо, я дам ей лекарство прямо сейчас. Чтобы ты видел цену своей преданности.

И я накапала прямо в рот страдающей служанке сонное зелье, которое избавляет от боли и уносит в страну снов. Через пару минут всё было кончено — страдальческие складки на лице разгладились, тело обмякло и она уснула.

Воин коротко кивнул, развернулся и вышел. А я осталась сидеть, продумывая детали своего плана. До полуночи осталось всего несколько часов.

Когда наступила темнота и на небе зажглись яркие низко

висящие звёзды, а у границ нашего лагеря сменился караул, одна из моих теней пришла к охраннику с голубыми глазами и молча велела следовать за ней. Она запретила ему брать оружие и проводила ко мне в дальнюю пещеру, той же дорогой, что я ходила днём.

В пещере было темно, а я притаилась за одним из выступов, дожидаясь шагов и пытаюсь различить их за шумом волн.

Но я так и не услышала, как они подкрались. Просто свод пещеры загородили два силуэта, и лунный свет перестал падать на каменный пол. Я посмотрела на свою тень и велела ей охранять нас, чтобы никто из лагеря даже приблизиться не смог к этому месту. Та послушно кивнула и вынырнула в ночь.

Воин же, зажмурившись, открыл глаза и постарался разглядеть меня посреди тьмы. Но не тут-то было. В пещере не было ни одного источника света, кроме света Луны, падающего снаружи. Я же знала её наощупь, двигаясь бесшумно, словно кошка.

Подкравшись сзади, я содрала с его головы шлем, почувствовав терпкий запах мужского пота. Втянув его в себя, осталась довольна. Легонько подтолкнула вперёд, принуждая уйти вглубь, в самую темень. Поступь мужчины осталась уверенной, несмотря на тьму и неизвестность. Он хороший воин, — пронеслось у меня в голове. Тем лучше.

— Что вы от меня хотите, госпожа? — прошептал он.

— Дай мне сына, — произнесла я, обвинив его телом и приблизившись своим ртом к самому его уху.

Он отпрянул, убрав руки за спину и всем телом давая понять, что не хочет меня касаться.

— Дай мне сына, и я вылечу твою наречённую, — жарко прошептала я, воспламеняясь от его близости. Он совсем не походил на моего мужа. Его плоть была твёрдой и упругой под моими пальцами, вцепившимися в его руку.

Он молчал.

— Или убью, если в следующий раз она окажется такой же неловкой, — добавила я спустя мгновение.

— Я родственник вашего мужа, госпожа, — промолвил он, отстраняясь.

— Я знаю. Именно поэтому ничего страшного не случится — наследник будет его крови, — возразила я.

Как он смеет возражать мне?

— Все знают, что мой муж бесплоден. Две жены не смогли родить от него. Ни одна наложница не понесла за всё время, что он мужчина. Только он сам не догадывается, что он пуст и бесплоден, как камень, а все вокруг уже давно это поняли.

Я только что высказала то, что нельзя было произносить вслух. Самая страшная тайна, охраняемая лучшими воинами племени, не может пройти мимо женского уха. Из уст в уста передаются интимные тайны, в которых не могут признаться самим себе даже самые влиятельные люди мира.

— Но если вы понесёте, госпожа... — начал возражать

воин, но я раздражённо перебила его:

— Если я понесу его сына, то все злые языки будут поспрамлины. А две его жены окажутся бесплодными на самом деле, как оно и есть. А я рожу сына, у которого будут такие же глаза, как у тебя и как у моего мужа.

На всё племя были только два светлоглазых человека: мой муж и этот молодой юноша, его дальний родственник. Какие такие древние крови перемешались в их жилах, что природа выдала такой чудесный оттенок глаз, который я никогда ранее не встречала? Все наши народы, кочующие от Великого моря до Северных лесов, были смуглы и темноглазы. Даже беря невольницами белокожих русинок, жительниц Севера, они не могли перебить тёмную породу наших мужчин. И вот — два светлоглазых воина в одном племени. Это не могло быть совпадением. Это был мой шанс, знак от судьбы, и единственный путь к моему спасению. С помощью молодого воина я могла не только выжить, но и укрепить своё положение в племени. Это был самый правильный выход.

— А если это будет не сын? — неуверенно спросил он, выравнивая дыхание после того, как я позволила своим рукам вволю погулять по его телу.

— Если будет дочь, то ты дашь мне ещё одного ребёнка, и ещё. Пока не будет сын.

Моя рука спустилась вниз и нашла соблазнительную выпуклость. Потеревшись грудью о его спину, я промурлыкала в самое ухо:

— Никто ничего не узнает. Когда ты выполнишь свою задачу, ты будешь свободен. И я освобожу твою наречённую от службы, чтобы вы смогли пожениться. Или уйти. Как захотите.

Я впиалась в его шею, пахнущую терпким запахом юного тела, и ощутила жар в самом низу живота. Мои женские энергии уже начали свой танец, и я знала, что сегодня в моём чреве, наконец, зародится жизнь. Словесного согласия не требовалось — тело уже предало юного воина, и он, ещё не осознавая, уже плясал под мою дудку.

Глава 2

2025 год, Самара

Алёна

Будильник зазвонил, и я еле разлепила глаза. Между ног сладко тянуло, а тело налилось свинцом. Я поднесла к глазам руки, но вместо унизанных кольцами тонких пальцев увидела свои, белые руки со свежим маникюром. Выдох. Я дома.

Повернув голову к окну, увидела чистое голубое небо и горы на той стороне реки. Знакомый пейзаж, никаких степей и моря. Ну что ж, день обещает быть ясным, а это значит, что надо вставать и заняться утренней рутиной.

Кипяток с лимоном, пока кофемашина визжит и воет на всю кухню. Душ. Пенка, тоник, крем. Сурья намаскар на йогковском коврике ровно на десять минут. Потом кофе и яйцо всмятку в чистой кухне, лицом к окну. Рассвет, поднимающийся где-то за моим домом, окрашивает горы в ярко-розовый цвет, и я заряжаюсь этим видом на весь день.

Потом укладка, костюм, каблуки, пальто, поиск ключей от машины. Так, что ещё? Ничего не забыла? Сумочка, тёмные очки. Два пшика из модного флакона. Последний взгляд в зеркало, улыбка самой себе, и я побежала.

На парковке кто-то колотил носком ботинка по шине машины, перегородившей выезд владельцу авто. Я отвернулась, радуясь, что сегодняшняя жертва — не я. Моя машинка

заводится быстро, и пока она прогревается, я разрешаю себе углубиться в телефон. На редкость тёплый сентябрь неожиданно сменился холодом, и нос по утрам подмерзал. Но печка и тёплое пальто выручали, поэтому я влилась в поток утренних машин в хорошем настроении.

— Привет, Алёна, — пропела на ресепшне милая де-вушка. Кажется, Мария. Или Дарья? Они менялись у нас в рекламном агентстве с периодичностью в три месяца, как времена года. Приходили с азартным настроением придумать что-то гениальное и обязательно успешное, но через несколько месяцев исчезали, напуганные ритмом работы и количеством капризных клиентов. Только единицы переходили сначала в отдел продаж, а потом, если повезёт, то и в креативный отдел. Все учились в университете маркетингу и были почти что на одно лицо.

Утреннее собрание прошло энергично, все разобрали свои задачи и разошлись по рабочим местам, и у меня наступила первая передышка за утро. Обычно я просила Марию-Дарью (или как там её зовут) сделать мне некрепкий кофе и обдумывала свой следующий день. Если кто-то не успевал вклиниться в это время, около десяти утра, в моё завтрашнее расписание, то отодвигался на следующее утро. День был расписан по минутам.

Сегодня в ежедневнике значился обед с подругами. А это значит, минимум два часа перерыва на обязательную болтовню и обмен сплетнями. Поэтому стоило все важные дела

раскидать за два часа.

Я занимала должность креативного директора, утверждая рекламные кампании для клиентов и организовывая финальные презентации. Шла я к этому долгих десять лет, начав с позиции простого копирайтера. Теперь же в моей команде было более десяти человек и отдельный кабинет в одной из высоток делового центра.

Наскоро раскидав входящие, я засела за просмотр макетов. Два часа пролетело незаметно, и вот уже пора было выходить на обед. Я посмотрелась в зеркало — там по-прежнему отражалась подтянутая кареглазая блондинка с пышными светлыми волосами чуть ниже плеч. Добавив капельку румян и освежив помаду, я кинула телефон в сумочку и, оставив пальто на вешалке, спустилась на лифте вниз. Ресторан находился в соседнем здании, поэтому машина не понадобилась.

— Дорогая, отлично выглядишь, — пропела Наташа, подставляя лицо для поцелуя.

— Спасибо, и ты тоже, — вернула я комплимент.

Затем подтянулись Катя и Марина. Мы сделали заказ и принялись обсуждать общих знакомых. Наша встреча традиционно назначалась на четверг, когда можно было немного выдохнуть и начать планировать выходные. Катя с Мариной были замужем, имели каждая по ребёнку, мы же с Наташей были свободными независимыми девушками. Ну, как девушками. Дело уже шло к сорока, и наша свобода начина-

ла казаться слегка затянувшейся. Поэтому разговоры крутились то вокруг поклонников, то перескакивали на жалобы в сторону школы и учителей. В общем, обычная женская болтовня, ничего такого.

— Алёна, не оглядывайся, — внезапно прошипела Наташа, многозначительно поглядывая куда-то мне за спину и чуть ниже склоняясь над столом. Я тут же напряглась. — Там ОН.

Я занервничала. Кто он? Максим из ночного клуба в прошлые выходные или Ярослав, который ухаживал за мной почти полгода. А может?.. Да ну, не может этого быть.

— Кто он? — не выдержала я. — Ну, не томи.

— Алёна, прям ОН! Невский! — и я похолодела. Таким тоном она могла говорить только про одного человека — а именно моего бывшего мужа, которого я не видела уже почти десять лет.

— Он один?

Наташа многозначительно покачала головой и закатила глаза вверх.

— Сидит с какой-то бабой и жуёт салат. И бросает на тебя косые взгляды.

Встречаться со своим бывшим, особенно случайно, стало у меня нехорошей традицией. Как правило, он появлялся на моём горизонте именно тогда, когда жизнь налаживалась. И стал поистине предвестником неприятностей. Вот и сейчас я поняла, что готова на всё, лишь бы избежать неприятной

встречи.

— Натуй, прикрой меня перед девочками. Мне срочно нужно сбежать, — прошептала я ей, на шаривая руками сумочку. Проверив, на месте ли телефон, я встала и пошла на выход не оглядываясь. Нет, даже не думай на него посмотреть. Нет!

Но на повороте, перед дверью, я все же бросила осторожный взгляд через плечо и тут же поймала его ответный прямой взор. Быстро отвернувшись, толкнула плечом стеклянную дверь и сбежала.

Желудок голодно урчал, а впереди было целых полтора часа свободного времени. Ни съесть свой обед, ни расслабиться перед второй половиной рабочего дня он мне не дал. Поэтому в офис я вернулась злая и заказала себе доставку, тщательно борясь с воспоминаниями. Они приходили внезапно и захлёстывали, словно цунами.

«Ты самая красивая девочка из всех, кого я встречал». Томный взгляд, мускулистые руки на моей талии.

«Вернись ко мне, Алёна». Глаза, обещающие так много. И даже когда лжёт, он не отводит их в сторону.

А потом — мои слёзы и острый нож в груди, который поворачивается сам, стоит мне только подумать о нём. Нет! Нужно работать. Только так придёт забвение.

Я смогла погрузиться с головой в новый проект и проработала до самого конца рабочего дня. А потом, ни на кого не глядя, схватила свои вещи и почти выбежала из офиса,

чтобы ни с кем не столкнуться. Прыгнула в машину и вернулась домой, надеясь вечером доработать то, на чём так и не смогла сосредоточиться.

Мандраж от случайной встречи почти прошёл и я смогла взять себя в руки. По дороге передумала насчёт вечера и поехала в спортзал. Сумка со всем необходимым всегда лежала в багажнике, и я нагрузила своё тело сначала кардио, а потом и силовой тренировкой, чтобы прочистить голову. Выходила из фитнес-центра уже спокойная и сосредоточенная. Спорт всегда помогал.

Вернувшись домой, погладила одежду на завтра, съела протеиновый йогурт с целой миской салата и уже приготовилась спать, когда телефон на столе завибрировал.

«Привет, Алёна» — высветилось на экране от незнакомого номера. А я похолодела. Только не он.

Я отвернулась, решив не отвечать. Воткнула наушники, включив аудиокнигу, и приготовилась засыпать. Пусть лучше я буду следить за чужой мыслью, чем думать о том, что на по ту сторону экрана он ждёт моего ответа.

«Я знаю, что ты меня сегодня видела. Ты прекрасно выглядишь!»

Три минуты.

«Я не надеялся тебя встретить, но очень рад, что судьба сама нас столкнула»

Пять минут.

«Можешь не отвечать, но я знаю, что ты читаешь. Просто

знай, что я тоже о тебе думаю».

Боже мой, какой же ты гад! Гад! Мне хотелось закусить зубами подушку, выть от злости, бить кулаками об стену, лишь бы его слова не вызывали в душе целую бурю чувств: от злости до щемящей нежности. От боли до сладкой радости от того, что он вновь объявился. И, хуже того — от возбуждения, внезапно разлившегося по телу.

«Спокойной ночи, и если надумаешь ответить, пиши хоть в три часа ночи. Я всё равно не засну».

Я закрыла руками лицо и тяжело вздохнула. Нет, этого не может быть. Он не может снова появиться, чтобы меня разрушить. Я уже не соберу себя по кусочкам, потому что слишком поздно. И мне слишком много лет, чтобы я вновь велась на его сладкие речи.

Этот гад хорошо умел подбирать слова. Успешный московский адвокат, он очень тонко чувствовал, что женщина хочет услышать в каждый конкретный момент. Как часто я это видела: он находил слова в любой ситуации. Он умел умаслить даже самых злобных фурий: от усталой гардеробщицы в театре до самодовольной чиновницы в каком-нибудь департаменте. Его речи обладали магией, которой я была не в силах сопротивляться.

В конце концов я подняла руку, взяла телефон и просто выключила его. А потом голосом попросила Алису продолжить мою аудиокнигу. Шах и мат тебе, предатель. Не знаю как ты, а я совершенно точно собираюсь спать.

Утром я первым делом отправила в блок номер, с которого писал Данила. После сна всё казалось уже не таким драматичным, и я немного расслабилась. Всё зависит от меня. Я не хочу снова впускать его в свою жизнь, и значит, не впущу. Хватит себя накручивать и шарахаться собственной тени.

Привычно собравшись на работу, я весь день, как заведённая, разгребала завалы. К сожалению, в моей профессии они создаются искусственно неграмотными заказчиками, слишком требовательными клиентами или неопытными сотрудниками. И предусмотреть признаки приближающегося аврала — моя прямая обязанность.

А потом, под самый конец рабочего дня, курьер принёс цветы. Шикарный букет в моём любимом сочетании: охапка нежных роз с веточками эвкалипта, и ничего лишнего. Разворачивая записку, я затаила дыхание. И тут же выпустила весь воздух, прочитав: «Приглашаю сегодня на вечернюю прогулку. Максим».

Мне моментально полегчало. Вечер окажется заполнен, а значит, мысли о бывшем не смогут вновь меня одолевать. Я постараюсь не думать о том, что он снова в городе и может меня где-то подкарауливать.

Я сделала селфи с букетом и отправила фото Максус с благодарностью. Искренне поблагодарила и в ответ получила короткое: «Заеду в офис к шести». Я отправила смайлик и воспряла духом.

С Максимом меня связывали странные отношения. Он много лет за мной ухаживал, дарил цветы, приглашал на свидания. Но замуж не звал. Этакий спасительный круг в минуты печали. И сейчас он в очередной раз спасал меня от самой себя. Он был холост, свободен, весел и богат. И нам было хорошо вместе.

Когда я выпорхнула из офиса и нырнула в его машину, меня обдал аромат элитного парфюма. Машина всё ещё пахла тем особым запахом, которым обладает только новенький автомобиль из салона. Чмокнув небритую щёку, я улыбнулась и скомандовала:

— Давай сначала в парк! Хочу гулять, а потом поесть.

Макс с сомнением покосился на мои туфли.

— Ну давай хоть ненадолго! Я устала сидеть весь день в офисе...

В этом весь он. Слишком хорошо меня знает и плохо переносит женское нытьё.

Прогуляли мы и правда недолго. Цепляясь за руку своего спутника, я доковыляла до машины и мы поехали в ресторан. И уже там, сидя у окна над моей любимой карбонарой, я почувствовала, как волосы на затылке встали дыбом. Я часто задышала, пытаюсь прогнать противное ощущение. Но по коже всё равно пополз холодок, и я привалилась к спинке дивана. Только на одного человека моё тело реагировало подобным образом.

Резко обернувшись, я поймала на себе пристальный

взгляд Данилы. Он сидел с какой-то дамой, и я тут же усмехнулась: это такое странное дежа вю? Он обедает с дамами в каждом ресторане города, или только там, где появляюсь я?

Еда резко потеряла свой вкус. Я зависла над бокалом, а потом почувствовала, как ноги сами несут меня прочь. Прочь из-за стола.

— Максим, прости, я на минутку, — бросила я и поспешила укрыться в дамской комнате.

Там я долго смотрела на себя в зеркало, пытаюсь восстановить дыхание. Как всегда в минуты волнения, по щеке пошли красные пятна. Я намочила одноразовое полотенце и осторожно приложила к щекам. Дождалась, когда из глаз исчезнет затравленное выражение и уверенно толкнула дверь на выход. Там стоял он.

Толкнув меня внутрь, он закрыл дверь на щеколду и нагнулся на меня. Попятившись, я упёрлась задом в край столешницы с раковинами и поняла, что бежать некуда.

— Ты меня избегаешь? — улыбнулся Данила, глядя мне прямо в глаза. Его светло-голубые глаза смеялись, и сам он светился какой-то искрящейся радостью, которую я, увы, разделить не смогла.

— А ты меня преследуешь? — с вызовом спросила я, но отвести взгляд не смогла. Он, как всегда, околдовывал меня, вбирая всё моё нутро одними только глазами.

— Да, потому что по-другому ты не выходишь на связь, — его рука коснулась моей ладони, напряжённо сжимающей

столешицу. Пальцы ритмично гладили тыльную сторону, посылая сигналы удовольствия во все уголки моего тела.

подавив дрожь возбуждения, которое разлилось в воздухе туалетной комнаты, я прошептала:

— Я не хочу тебя видеть, Невский, — пробормотала я, безуспешно борясь с собой. Он по-любому уже заметил и быструю жилку на шее, и расширенные зрачки. Данила всегда считывал моё возбуждение с первого взгляда.

— Прости меня, — прошептал он, приближаясь к моему лицу. — Ты знаешь, я всегда избегал привязанностей...

И эти слова, наконец, вывели меня из оцепенения. Словно ярость, поднявшаяся из глубины души, придала мне сил.

— Да пошёл ты! — с чувством произнесла я, оттолкнув его крупное тело и одним движением отпирая щеколду и распахивая дверь.

Один-ноль, Невский. Сегодня я победила.

Вернувшись за столик, я сделала большой глоток и улыбнулась Максиму. Почти спокойно.

Он уже заказал десерт и с кем-то разговаривал по телефону, судя по всему, по работе. Я по-быстрому расправилась с карбонарой и постаралась выкинуть мысли о бывшем из головы. Пусть идёт к чёрту.

Краем глаза я заметила, как он со спутницей покинул заведение и расслабилась. Вот теперь можно и отдохнуть. Максим, как всегда, смешно шутил и в лицах рассказывал о новом клиенте, которыйставлял невообразимые требова-

ния. Мы смеялись, общались, и я была очень рада его обществу.

Выйдя из ресторана, я ощутила, насколько сильно похолодало. Осень по-серьёзному брала дело в свои руки, и одинокие жухлые листья, которые ветер гонял по асфальту, только добавляли уныния. Тёплое нутро машины казалось уютным и камерным после уличного холода.

Макс затормозил у подъезда и выключил фары. Мы ещё немного поболтали, а потом потянулся ко мне и поцеловал. Его большая ладонь опустилась на мои лопатки, притягивая к себе, а дорогой парфюм ударил в нос. Обстановка была интимная, но я почувствовала ровным счётом ничего. Ни возбуждения, ни предвкушения. Ни грамма тех эмоций, которые совсем недавно сотрясали меня в присутствии Данилы. А ведь он почти не касался меня...

— Прости, Максим, сегодня кофе не будет, — пробормотала я, отстранившись от его губ. — Я устала, и у меня... в общем, я не могу.

Я мило улыбнулась, и, не дожидаясь его реакции, вылезла из машины. Хлопнула подъездная дверь, выпуская припозднившуюся бабульку с собачкой, и я нырнула в ярко освещённый подъезд. Так низко я ещё не падала, чтобы лгать ухажёру насчет «этих дней». Похоже, с появлением Невского жизнь снова пошла кувырком.

Дома, уже почистив зубы и запустив сериал на ноутбуке, я обнаружила на экране телефона сообщение:

«Ты же знаешь, что чем дольше будешь от меня бегать, тем хуже будет потом. Ты никогда не могла мне сопротивляться, не сможешь и сейчас. Я изменился, Алёна. Правда. И единственное, чего не хватает в моей жизни — это ты. Поэтому я не сдамся. Спокойной ночи, Златовласка».

Чёрт. Чёрт! Чёрт!!!

Глава 3

IV век до нашей эры

Причерноморье, Большая Скифия

Тяжело переваливаясь с ноги на ногу, я гордо несла свой живот вперёд. С момента, как муж узнал о том, что в моём чреве зародилась жизнь, я стала истинной владычицей в племени. Стоило мне только произнести жалобу или выразить недовольство, как виновник тут же жестоко карался.

Первая беременность за столько бесплодных лет совсем затмила мужу разум. Он окружил меня плотной охраной и слугами, готовыми по первому зову исполнить любое моё желание. Если бы кто-то оказался виновен в том, что я (да не допустят такого духи!) потеряла бы ребёнка, то его участь была бы поистине ужасна.

Холодные ветры, дующие с моря, вот-вот сменятся воздухом, который пахнет весной. Впереди — день весеннего солнцестояния, и даже в шуме волн уже слышится дыхание тепла. Мой повелитель велел не сниматься со стоянки до наступления родов, и сейчас нёс бремя этого решения. За долгую зиму все приморские пастбища оказались вытоптаны, и впереди маячил призрак голода.

Поэтому было решено снарядить несколько самых сильных воинов для охраны овец и лошадей, и отправиться на летние пастбища без остального племени. Светлоглазого

родственника мой муж направил командовать отрядом, потому что за длинную зиму он успел завоевать расположение своего повелителя.

И сейчас я, раздражённая своим состоянием, которое вынуждена терпеть из-за мужской прихоти, я скучала. Почти всю осень я скрывала весть о наступившей беременности от своего любовника с бирюзовыми глазами, чтобы продлить наши игрища. Только с ним мне хотелось быть рядом, только его руки горячили мою плоть. Мужу же доставались жалкие остатки, которые я доносила до его ложа. Впрочем, он об этом никогда не узнает.

— Госпожа, повелитель зовёт вас к себе, — с поклоном передал приказ своего господина юный слуга, и, не посмев заглянуть в моё лицо, тут же ретировался.

Поплотнее запахнув тяжёлую овечью шубу, расхажившую на огромном животе, я развернулась, спрятав неудовольствие на лице. Ещё рано. Ещё не настал тот миг, когда я буду повелевать всеми этими людьми. Сначала нужно родить сына и проследить, чтобы он выжил.

Войдя в жарко натопленный шатёр, я увидела, что мой муж ждёт меня к обеду. Когда несколько месяцев назад он прекратил со мной супружеские отношения, боясь навредить ребёнку, он внезапно открыл во мне интересную собеседницу. И теперь жаждал общения.

Я же, страдая от отсутствия его голубоглазого родственника, находилась в дурном расположении духа. За ту осень,

что мы с юным любовником провели в пещере у моря, я поняла, что никогда уже не смогу отпустить его. И теперь, глядя в светлые глаза мужа, потускневшие со временем, я искала в них отблески глаз совсем другого мужчины.

Почти не притронувшись к еде, я сидела, грузно привалившись к стене шатра и подложив под поясницу подушки, и поглаживала живот руками.

— Я велел гонцам собираться в дорогу, пусть захватят с собой последние шкуры на обмен и помогут Дефтару закрепиться на новых пастбищах, — вдруг проговорил муж, облизывая толстые жирные пальцы после куска сочной баранины с лепёшками. — Уже должны были ускокать.

Имя моего тайного мужчины вырвало меня из забытья, в которое унесли беспорядочно скачущие мысли.

— Ты думаешь, они там будут голодать, мой господин? — лениво спросила я.

— Припасы заканчиваются не только у нас. Пусть у мальчика будет вся необходимая помощь, — сказал супруг и жестом подозвал меня к себе. — Присядь у моих ног, дай прикоснуться к сыну.

Я нехотя приподнялась и медленно подползла к мужу. Он обнял меня сзади и положил руки на живот. Даже не вытер после еды. Фу!

— Ворочается, — довольно проговорил он после нескольких минут. — Сильный будет.

Помолчал, потом продолжил.

— Я также послал к Дефтару моего доверенного друга Савлина. Пусть заменит его на севере, а юноша вернётся назад. Он из моего рода, и должен находиться при мне. Признаться, я думал сделать его моим наследником, пока в твоём чреве не зародилась жизнь. Теперь же пусть будет подле тебя и охраняет мою семью. Я уже немолод, и если к моменту, когда меня призовут предки, мой сын будет ещё мал, то Дефтар поможет ему удержать власть над племенем.

На этих словах я задержала дыхание, надеясь, что муж не уловил биение сердца, которое вдруг пустилось вскачь при мысли о том, что любимый скоро будет рядом. Всё складывалось даже лучше, чем я представляла.

В тот вечер я укладывалась спать с улыбкой на лице. Даже Игнур, наречённая Дефтара, не раздражала меня своим присутствием. Я нарочно держала её близко к себе, чтобы контролировать каждый вздох. И если она открыто скучала по жениху, то мне приходилось скрывать свою тоску, отчего ей доставалось ещё больше моего гнева и раздражения.

— Игнур, ты слышала, что твой жених возвращается? — елеинным голосом спросила я её. Вспыхнувший блеск глаз и невольная улыбка выдали её с головой, а я снова почувствовала раздражение. — Смотри, чтобы к его приезду была здоровая, а то он будет пенять мне, что опять за тобой недоглядела. Мало ли, что ты ещё на себя уронишь?

Страх волной распространился по шатру от испуганного тела служанки, а я удовлетворённо прикрыла глаза. Хоть ка-

кая-то отдушина!

Когда отряд во главе с Дефтаром вернулся к племени, степь уже зазеленела. Мой живот раздался вширь, сделав из меня поистине необъятную бочку. Я и гордилась им, и злилась одновременно. Скорее бы уже долгожданный сын покинул моё тело и стал отдельным человеком. О духи, я клянусь любить его, хранить и оберегать, только бы вновь стать себе полноценной хозяйкой!

При виде Дефтара, ловко держащегося на коне, я ощутила прилив возбуждения. Что за дурацкое правило не касаться жены, пока она в тягости? Я была согласна на любого мужчину, даже на мужа, у которого с Дефтаром одни глаза на двоих. Можно притвориться и представить, что это он доставляет мне удовольствие.

Но бирюзовые глаза с золотыми искорками искали в толпе не меня. Они шарили по лицам, не останавливаясь, а когда нашли то, чего желали, то зрачки их расширились и по лицу разлилась радостная улыбка. Игнур! Сука!

Но я быстро овладела с собой. Шёлковая накидка, скрывающая лицо, была отличным прикрытием для тайных мыслей. Поприветствовав вновь прибывших, я удалилась в шатёр и разлеглась среди подушек. Сил практически не оставалось, и я то и дело ложилась спать, когда живот тянуло особенно сильно.

Этой же ночью начались схватки, и к утру родился креп-

кий здоровый ребёнок. Сын. У меня всё получилось!

Всё племя ликовало и праздновало рождение долгожданного наследника! Вокруг меня неотлучно находились прислужницы, которые исполняли любое моё желание. Отныне я возвысилась так, как ни одна другая женщина в племени. Я не отпускала Игнур, сделав её своей самой близкой служанкой. Нельзя допустить, чтобы они с Дефтаром встречались, даже тайно!

Три дня и три ночи пировали мужчины. Я слышала звуки их веселья: пьяные крики и песни заканчивались звуками очищения желудка, после чего они снова бросались к своему вонючему пойлу. Жаль, что мне ещё сорок дней сидеть безвылазно в своём шатре!

На пятый день после рождения сына, который неотлучно находился при мне, за мной прислали стражника. Муж хотел видеть меня и ребёнка.

Бережно укутав наследника в войлочное одеяло из верблюжьей шерсти, я самолично понесла его в шатёр к повелителю. Сердце билось быстро-быстро, предвкушая перемены. Только что-то необычное могло заставить мужа прервать моё послеродовое заточение. И это — либо гибель, либо возвышение.

В шатре пахло лекарствами и рвотой. Повелитель лежал на мягких подушках бледный и часто-часто дышал. В глубине души зажёгся огонёк надежды. Совсем допился, старик? Нет уже былого здоровья и могущества. Но я старатель-

но спрятала ухмылку под вуаль и приняла смиренный вид.

— Подойди, Арга, — просипел муж и расслышала свистящие хрипы в его груди.

Я, смиренно склонив голову, подошла и осторожно опустилась на колени. Подошёл стражник — забрать ребёнка — но я не отдала.

— Духи говорят, что мне недолго уже осталось, — просипел он. — Выслушай же моё последнее наставление.

Я кивнула, опустив взгляд. Самые мои смелые мечты начали сбываться.

— Открой личико. Выйдите все вон! — прохрипел умирающий муж.

Я, дождавшись, пока все до единого покинут шатёр, отцепила вуаль от шапочки и посмотрела ему в глаза. И отшатнулась. Он неожиданно сильно схватил меня за руку, и заставил приблизиться к самому лицу. Чтобы не задавить драгоценного наследника, я осторожно положила его на кошму у своих ног.

— Что, дочь ишака, ты думала, я не узнаю, откуда у тебя сын? — с ненавистью шипел он мне прямо в лицо. — Ни одна женщина не понесла от меня за всю мою жизнь! Ты думаешь, ты особенная?!

Я смотрела в сверкающие злобой глаза и чувствовала смрад на своём лице от гнилого дыхания покойника. Волна страха захлестнула с головой, но я не позволила себе ни тени отчаяния на лице. Ни один мускул не дрогнул, и глаз я не

отвела. Такие красивые, бирюзово-золотистые глаза, и такие злобные!

— Как у тебя только хватило наглости спутаться с чужим мужиком за моей спиной? Совсем страх потеряла? — у мужа уже что-то булькало в горле от натуги, но я не отводила глаз и молча ждала, чем всё закончится. И мои усилия оправдались.

Умиравший внезапно отпустил мою руку и обессиленно уронил свою на ложе. Потом взглянул на меня из-под прищуренных глаз и губы его тронула лёгкая улыбка.

— Я не ошибся в тебе. Только ты одна из всех трёх дур сообразила, что от тебя требуется. Ты думаешь, Дафтар просто так появился у тебя в охране? Не у одной у тебя глаза на нужном месте и мозги имеются.

Он замолчал, переводя дух. Я же, не двигаясь, смотрела в его лицо и не могла поверить, что всё это происходит наяву и со мной. Ангел смерти уже присел ко мне на плечо, и я уже чувствовала когти от его лап на своей шее. Но, кажется, сегодня он улетит ни с чем.

— Я думал, что если и ты окажешься пустышкой, то Дефтар станет главой племени вместо меня. Но он ещё молод и горяч, а сын мой слишком мал, чтобы управлять войском и исполнять обязанности вождя.

Он снова замолчал, а я мысленно подгоняла его: скорее, скорее! Скажи уже всё, что ты задумал! И я не буду душить тебя шнурком, который припасла у себя в рукаве.

— С такой дьяволицей, как ты, мой сын будет в безопасности. Ты будешь при нём правительницей, и Дефтар станет тебе помогать. Надо же, дочь суки, ты даже глазом не дёрнула, когда я тебя раскрыл! Именно такая мать и нужна моему наследнику!

Презрение смешивалось в его голосе с восхищением, и я позволила себе лёгкую полуулыбку.

— Только помни, о хитрая шакалица: никаких шашней с Дефтаром! Если мужчины племени прознают про вашу грязную тайну, вы все трое будете мертвы в тот же миг. Если кто-то хоть на минуту усомнится, кто твой сын на самом деле, ты заплатишь за это жизнью!

— Так если и ты и я догадались, о мой повелитель, о твоей способности продолжить род, то что мешает другим сделать то же? — задала я вопрос тихим голосом. Малыш под боком начал похныкивать, и я взяла его на руки, чтобы легонько покачать.

— Ты сама будешь следить за тем, чтобы злые языки ничего попусту не болтали. Я признал своего сына, признал и тебя и моего племянника. К моменту твоего правления злые языки должны быть вырезаны, а все сомневающиеся — лежать на дне моря. Ты меня хорошо поняла?

Я кивнула, медленно осознавая происходящее.

— А сейчас опусти ребёнка и позови всех назад.

Я, словно кошка, на цыпочках прокралась к выходу из шатра, готовая застать любого, кто посмел подслушивать.

Но дисциплина у мужа была строгая. Никто не посмел ослушаться, и кроме немых стражников у входа никого не было. Отправив слугу с зовом, я вернулась в шатёр, где под боком у мужа лежал свёрток с наследником. Он положил на него руку и ждал, когда все ближайшие приближённые займут свои места на подушках.

Когда все расселись, муж прокашлялся, и властно произнёс:

— Сим признаю своего сына и наследника и нарекаю его именем Сагнур. Мать его, Арга, в случае моей смерти назначается правительницей племени до момента, как Сагнуру исполнится тринадцать лет. При нём будет неотлучно находиться главнокомандующий — Дефтар, в его подчинение отдаю войско и все дела, связанные с управлением воинами.

Если кто-то посмеет сказать что-то против моей воли, тому сразу вырезать язык и кидать на корм падальщикам. Любой, кто не примет власть Сагура и его матери, подлежит смертной казни. Да проклянут духи того, кто не подчинится моей воле!

И он произнёс короткую молитву духам степи. Мужчины произнесли вслед за ним и прикрыли лицо руками в знак солидарности.

Я внутренне ликовала.

Этой же ночью повелитель скончался. Я поручила сына прислужницам, повелев принести его в середине ночи на кормление. Грудь налилась молоком и распирала платье, и

мне всё время хотелось есть. Но приходилось выполнять волю умершего и соблюдать погребальный обряд.

Войдя в шатёр, где предстояло всю ночь находиться подле тела усопшего, я огляделась. Тело уже прибрали, закутали в вышитый саван. У изголовья лежало оружие и монеты, у ног — миски с фруктами и пшеницей. Рядом — незажжённый факел, которым подожгут костёр и проводят повелителя в последний путь.

Я уселась на колени и принялась молиться. И впервые в жизни искренне благодарила своего мужа за то, что предпочёл оставить мне жизнь. Он мог, не раздумывая, забрать её, но решил, что лучше меня никто не защитит его наследника. Того, в чьих жилах всё же текла кровь его рода. Сагнур — значит, сильный. Хорошее имя выбрал он для моего сына.

Ближе к полуночи шатёр стали покидать приближённые и оставили меня одну. Тело уже затекло от одной позы, и я позволила себе немного размять спину.

— Ты обещала отпустить нас, — внезапно услышала тихий голос сзади, от которого мурашки пошли по спине. Дефтар.

Я ещё не видела его с того момента, как он вернулся. Повернувшись на голос, я оглядела его с ног до головы. Он возмужал, плечи раздались вширь, взгляд светло-бирюзовых глаз стал твёрже и сильнее. Прекрасного отца для моего сына подослали ко мне духи.

— Я не властна над волей покойного, — также тихо про-

молвила я. — Он назначил тебя главным над войском, и ты не можешь отказаться. Разве не за тем ты приехал в наше племя от своей матери?

— Я могу управлять войском и жениться на Игнур, — возразил он мне, и я услышала, как часто он задышал. Волнуется. Это хорошо. Значит, ниточка, за которую я дёргала всё это время, ещё прочна.

— Ты можешь управлять войском и делать то, что прикажу тебе я, — в моём голосе зазвенел металл. — А Игнур послужит мне гарантом, что моя воля будет исполняться.

Медленно поднявшись с колен, я подошла к нему вплотную и запрокинула голову. Потом ладонью нежно коснулась его щеки, поросшей, жёсткой щетиной, и пальцами обвела губы.

— К тому же тебе было хорошо со мной. Погляди на сына, которого я родила. Разве не готов ты теперь отдать жизнь за него?

По моим пальцам прошёл разряд тока, и он дёрнулся, почувствовав силу моего желания.

— Тебя слишком долго не было рядом со мной. Всё изменилось, Дефтар, — я неотрывно смотрела в его глаза и ловила золотистые искорки, которые вспыхивали в самой его глубине. Будто себя саму, я знала его наизусть. Сейчас в нём борется гнев и желание, и в моей власти сделать так, чтобы одно уступило место другому. Но не сейчас. Не у смертного ложа моего супруга. Я отдам ему все почести и наконец-то

начну жить по своим правилам.

Глава 4

2025, Самара

Алёна

Очнувшись ото сна, я долго смотрела в потолок. Из головы не выходила бескрайняя степь, синее море и ощущение, что моя грудь полна молока. Поглядев на неё под тонким шёлком пижамы, я убедилась, что моя грудь по-прежнему держит свою форму и никаких молочных рек не предвидится.

Сон — если это был он — оставил странное послевкусие власти и вседозволенности. Будто бы на языке я всё ещё ощущала привкус команд и приказов, а сердце ярко пело от того, что я всемогуща. Ещё никогда я не смотрела такие яркие сны. Всегда какие-то обрывки — то пещера на берегу моря, то влажный летний вечер на бульваре под свет газовых фонарей, то особый запах притираний и эфирных масел.

Помотав головой, я вспомнила вчерашний день. Данила — это плохо. Это очень, очень плохо. Он был моим кошмаром на протяжении долгих лет и вот явился вновь.

Я вспомнила, каким он был тогда, когда мы познакомились. Молодой яркий преподаватель, который взялся вести «Семейное право» на третьем курсе университета. Все девчонки тогда были в него влюблены, а я смотрела на них слегка свысока. Никогда не любила быть, как все.

Я не подкарауливала его у дверей деканата, не выспрашивала номер телефона под предлогом дополнительных занятий. Я молча слушала его лекции, вставала и шла на следующее занятие. Но в глубине души я следила за ним, зная, что только выделяясь среди других студенток, смогу привлечь его внимание.

— Кузнецова, задержитесь, есть вопросы по реферату, — деловым тоном попросил как-то Данила Олегович после лекции.

Сердце попрыгнуло, но виду я не подала. Собрала тетрадку, ручки, телефон и подошла к нему.

— Вот здесь я выделил моменты, которые вы никак не расшифровываете. И я не понимаю, вы это бездумно списали с источника или просто не стали расписывать. Переделайте, пожалуйста, и сдайте до следующего семинара.

Я пробормотала «Угу» и, не глядя на него, забрала реферат. Заталкивая его в сумку, услышала:

— У первокурсников по Римскому праву будет практический семинар с публичным судом. Мне нужны судьи в помощники. Я пригласил Соколова и Красавину. Вы сможете им помочь?

Подняв глаза к его серьёзному лицу со стёклами очков без оправы, я автоматически кивнула.

— Тогда мне нужен ваш телефон. Диктуйте, — и я послушно продиктовала ему свой номер.

Это было начало.

Помотав головой, я вынырнула из воспоминаний и поплелась на кухню ставить чайник. После вчерашнего вечера и странного сна голова была как в тумане. Вечер с Максимом, потом Невский. Его проклятые смски... Я, действительно, не могу больше от него скрываться. Не я. И не в этом городе. Мой единственный выход — встречать его с открытым забралом и раз за разом доказывать ему, что его психологические штучки на меня больше не действуют. Я все их выучила наизусть, и на каждой эмоциональной качельке показалась по полной. С меня хватит.

Принимая душ, суша волосы и накладывая макияж, я мысленно подбадривала себя и прогоняла внутри мысленные диалоги с ним. Ну что такого он может мне сказать? Ничего нового. Он снова набегался где-то там и вернулся, потому что его ко мне тянет. Всё. Я слышала это уже минимум два раза. Неужели не смогу спокойно выслушать в третий и послать его на... юг?

Вооружённая кофе и тостом, который забросила в бумажный пакет и доедала в пробке, я добралась до работы. В офис я заходила во всеоружии, полностью погрузившись в мысли о предстоящих делах.

Завершив планёрку и проверив выполнение вчерашних задач, я откинулась на кресло и заглянула в телефон. Новых сообщений не было. Я выдохнула и улыбнулась. Всё хорошо.

— Алёна, зайди ко мне, — заглянул мой руководитель и я пошла за ним в его кабинет. Там уже сидели двое моих

сотрудников.

— Присаживайся. У нас образовался входящий клиент, — начал речь Евгений Борисович, обращаясь к нам троим. — Заказ сложный, потому что завязан на личном бренде. Тут нужен будет полный фарш: брендинг, стратегия, продвижение в медиа, подключение СМИ и пиар-службы. Только это даст результат. Но — я не уверен, что клиент готов к такому масштабу и готов платить. Скорее всего, там дела на уровне «А что, мне придётся вести соцсети? Сделайте это за меня». Необходимо подключить тяжёлую артиллерию и донести до него суть работы с нами.

Я кивнула. Тяжёлая артиллерия — это я. Спокойно рассказать, какие мы даём результаты, гарантии, чем действительно полезны клиенту и мягко подвести к покупке — это была моя стезя. И если надо поймать крупного клиента, то отправляюсь всегда лично я.

— До конца дня Маша и Вика подготовят тебе презентацию, всю аналитику по его узнаваемости, цитируемости, присутствию в медиапространстве. Заодно пробьют его реальное положение финансов. К пяти вечера у вас встреча, он уже предупреждён.

— Девочки, презентацию жду к трём, чтобы успеть, если что, поправить, и добраться до места встречи. — Я встала и направилась к выходу, чувствуя азарт и подвох. Я уже догадывалась, что это был за клиент. Решил играть по-крупному? Я высосу из тебя все денежки, можешь не сомневаться.

К концу дня у меня уже было полное досье на Невского. Он представлял крупную юридическую фирму из Санкт-Петербурга «Богданов, Невский и партнёры», и приехал открывать филиал конторы у нас. С нашей помощью хотел прокачать личный бренд, чтобы привлечь первых клиентов. Понятное дело, что клиенты к юристам приходят по сарафанному радио, но публичность и медийная поддержка, которая гремит на весь город — солидное подспорье там, где репутация решает всё.

Закинув в сумку ноутбук, в четыре я выехала из офиса. Решив дать себе немного времени и прогуляться перед встречей, я припарковалась и немного посидела на набережной, глядя на реку. Собравшись с мыслями, поднялась и пошла к ресторану.

— Ты имеешь нездоровую страсть к ресторанам, Данила Олегович, — вместо приветствия сказала я и опустилась за столик у большого, от пола до потолка, окна.

— И тебе здравствуй, Алёна, — улыбнулся он одними губами. — Я заказал тебе кофе без сахара и твой любимый крем-брюле.

— Благодарю, — удержалась я от того, чтобы сказать, что кофе я сегодня уже пила. Это будет смешно и по-детски, а я давно уже не ребёнок.

Он отхлебнул из своей кружки горячий напиток и продолжил:

— Приехала отговаривать меня от работы с твоим агентством?

— Нет, отчего же, — с вызовом ответила я, открывая ноутбук. — Я приехала ободрать тебя как липку. Поэтому даже не думай отказываться.

— У меня солидный бюджет на продвижение от компании, поэтому можешь не стесняться, — расслабленно улыбнулся он. — Но учти, никакой туфты я не потерплю. Каждый уплаченный рубль должен быть отработан.

И он двусмысленно уставился на меня, приподняв бровь.

Я же смогла удержать на лице спокойное выражение, хотя кулак под столом сжался. Так невыносимо хотелось ударить его в отбеленные зубы или двинуть каблуком в причинное место, что пришлось опустить глаза. Иначе он бы точно прочёл там, что я испытываю в этот момент целую бурю эмоций.

Официантка принесла кофе, и я схватила за него, как за спасительную соломинку. Отхлебнула, разбила ложечкой карамельную корочку на десерте и с наслаждением зачерпнула сладкую сливочную массу. Размяла на языке, наслаждаясь вкусом. Я и правда обожала крем-брюле, и это был тот десерт, с которым меня познакомил именно он. Поэтому я не ела его очень давно.

Взяв себя в руки, я подвинула к нему презентацию и стада излагать наши идеи по поводу его продвижения как адвоката по уголовным делам. Имея юридическое образование, я понимала, что на самом деле ему нужно, и какого рода извест-

ности он добивается. Поэтому мои предложения были точны и били чётко в цель.

Я раскрывала его на пакет для VIP персон с ежемесячными вложениями на кругленькую сумму. В итоге он, практически не торгуясь, согласился. Я торжествующе улыбнулась.

— И это всё? Я думал, у вас есть пакеты и подороже, — поддел он меня, но я не поддалась на провокацию.

— Это только начало, Невский. Вот увидишь, работа со мной тебе дорого обойдётся, — парировала я. Он кивнул, расплатился за кофе и десерты и протянул мне руку.

— Прогуляемся? Я давно не был в городе, — протянул он руку, помогая мне встать.

Проигнорировав раскрытую ладонь, я поднялась.

— Мне нужно домой, — коротко сказала я, глядя ему в лицо.

— Ну, я думал, что ты выдержишь характер и не сбежишь от меня так рано, — поддразнил он. — Ты отлично держишься, как взрослая самостоятельная девочка. Все эмоции в кулаке, прошлое давно забыто. Разве не так?

— Я не поддамся на твои манипуляции, Невский, — холодно парировала я.

— Данила. Можешь звать меня просто по имени, — улыбнулся он, а в ушах эхом прозвучало воспоминание из другой жизни.

«Можешь звать меня просто по имени», — прошептал он

и снял мои трусики.

Я усилием воли отогнала непрошеное воспоминание и ответила:

— Я буду звать тебя так, как захочу. Моя помощница пришлёт тебе договор на подписание. Момент, с которого первый платёж будет у нас на счету, и начнётся наша работа. А пока — моё рабочее время кончилось. До свидания, Данила Олегович.

Я схватила сумку и медленным шагом, без спешки, еле переводя дыхание, вышла из ресторана. Он остался стоять и буравил взглядом мою спину. Умница, Алёна. Ты справи-лась. Так держать!

Вечером, слоняясь по дому и пытаясь себя чем-то развлечь, я, наконец, сдалась и набрала Наташку.

— У тебя свободен вечер? — спросила я и получила утвердительный ответ. — Приезжай, и захвати с собой чего-нибудь к чаю. Только безалкогольного. Мне нужна ясная голова.

Через полчаса подруга уже вешала своё пальто у меня в прихожей и, румяная с холода, доставала из бумажного пакета полезный вечерний перекус. Креветки, кальмары, камамбер, авокадо, рукколу и отступление от правил — хрустящий багет из пекарни.

Вскипятив чайник и поставив на стол ароматный чай с облепихой и шиповником, я уселась напротив, раздумывая,

с чего бы начать.

— Ну, не томи, — поторопила меня Наташа. — Он снова тебя преследует?

— Да, — наконец призналась я. — Всё, как обычно. Только в этот раз он ещё и на работе припёр меня к стенке. Собирается стать нашим клиентом и получит неограниченный доступ ко мне в рабочее время.

— А передать его кому-то не получится?

— Конечно, я передам. Но, зная Невского, я уверена, что у меня это не выйдет.

— Алён, ну неужели ещё не всё у тебя? Ну в прошлый раз он так сильно тебя уделал, я думала, там умерло уже всё!

— Я тоже так думала, — вздохнула я. — И я не понимаю, что происходит. Почему я так на него реагирую? Только на него!

Я отхлебнула чай и уставилась в окно. Мысли, как жёлтые листья, порхали с ветки на ветку, а я пыталась их поймать в один связный рассказ.

— Ведь сколько мужиков вокруг! И замуж зовут, и ухаживают, и просто внимание уделяют. Но — всё не то. Ни один не цепляет так, как надо. А этот гад только одно слово скажет — и у меня мурашки по телу!

— Да, я никогда этого не понимала. Почему ты, такая красавица, с шикарной квартирой, машиной, с образованием и карьерой, никак не найдешь своё счастье? Ведь самые лучшие мужики вокруг тебя!

Сама Наташка тоже была одинока, но имела уже взрослого сына и была разведена больше десяти лет. Она порхала с цветка на цветок, нигде особенно не задерживаясь, но замуж больше не хотела. Разница между нами была в том, что её большая любовь уже давно перегорела, и она в неё не верила. Жила в своё удовольствие, проводила время в театрах, на выставках, бегала на свидания с мужчинами. В целом вела точно такую же жизнь, как я, с одним только исключением. Она смирилась с тем, что её вторая половинка нашлась и даже успела разочаровать, и жила с чувством выполненного долга. Я же упорно искала мужчину, который вызовет во мне хотя бы долю тех эмоций, которые будил Невский.

— Я, Наташ, как будто проклята. С каждым новым поклонником наступает момент, когда я верю, что — всё, это оно. Я нашла того самого, с кем мы будем счастливы и умрем в один день. Но потом я начинаю сравнивать его с Невским. И всегда он выигрывает! Никто не может с ним сравниться. Не так пахнет, не так смеется, не те подарки выбирает. Я так устала от этого, — еще минута, и я расплачусь. Слова рвались из глубины души и открывали передо мной ту истину, в которой я не хотела признаваться себе самой. Никто не сравнится с Невским. Уже десять лет никто не может и близко к нему приблизиться.

— А ты точно уверена, что не хочешь быть с ним вместе? — заглянула она мне в глаза.

Я отрицательно помотала головой, разглядывая вкусно-

сти, разложенные на столе. Но ни морепродукты, ни вкусный бутерброд не привлекал. Внутри тела как будто бы образовалась сосущая пустота, которую я ощущала, как раковую опухоль. Она саднила и пульсировала, не давая забыть что он рядом. В одном со мной городе. Возможно даже, что в соседнем доме.

— Не смогу. Он снова предаст, и снова убежит в момент, когда я наиболее уязвима. Не понимаю, почему он так делает. Ты же знаешь, какой он умный. Он знает каждое движение моей души, предугадывает мои реакции! Но просто стать надёжным, тем, кто не предаст и будет стоять за тебя до конца — нет. Я не смогу быть с ним рядом, зная, что в любой момент я снова могу оказаться одна на развалинах своей жизни...

Наташка знала Невского столько же, сколько и я. Мы вместе учились в университете, и она была свидетелем моего романа от самого начала до самого конца. Поэтому именно ей я позвонила, чтобы поделиться своими мыслями. И мне и правда стало легче.

Роман с преподавателем был чем-то неслыханным, поэтому мы с Дániлой Олеговичем всё тщательно скрывали. И только моя верная Наташка была в курсе, только ей я могла изливать душу и рассказывать всё без утайки.

Девчонки из группы, конечно, заметили особое отношение симпатичного препода к Кузнецовой и завидовали, пытаясь понять причину постоянных олимпиад, ознакомитель-

ных поездок в суд и прочих активностей, на которые он меня подбивал, чтобы быть рядом. Они из кожи вон лезли, чтобы попасть в группу его «особых» студентов, которым доверялось чуть больше, чем всем остальным. Я и пара других избранных писали ему исковые заявления, просматривали решения судов и подкидывали аргументы. Это было интересно, волнительно, и очень душевно. Все девочки из его «актива» были влюблены в блестящего преподавателя.

Но началось всё это только на пятом курсе. Целый год с момента, как он сохранил номер моего телефона, он хранил молчание.

И вот, как-то раз, с незнакомого номера пришло сообщение:

«Ты готова к завтрашней поездке?»

Моё сердце замерло и пропустило удар. Я всё ещё не верила, что это он. Поэтому не ответила.

«Почему молчишь?»

«Я не общаюсь с незнакомцами»

«Это твой преподаватель. Сохрани номер.»

И я, конечно же, сохранила. Он сам написал! Первый! Боже, мне хотелось прыгать на стену от радости. Интересно, он всем студенткам писал сообщения, или только мне?

— Алёна, я наверное, пойду. Ты как, ничего? Сможешь одна уснуть?

Я вынырнула из воспоминаний и торопливо проговорила:

— Да-да, я в порядке. В конце концов, через год мне уже

будет сорок. Когда, если не сейчас, быть в порядке?

Наташка расцеловала меня, накинула пальто, обулась и вышла. Внизу её ждала машина, а я побрела умыться и искать то, что можно почитать перед сном.

Выбрав наугад книжку, я раскрыла её на закладке и углубилась в чтение. Это оказался любовный роман. Нет, это не то, что мне нужно. Погрузиться бы сейчас в какое-нибудь полезное чтиво про рекламу или личный бренд. Освежить память, почерпнуть новых мыслей. Но мысли упорно возвращались к Невскому. Я никогда не умела предугадывать его шаги, а защищалась только игнором. Вот и сейчас предусмотрительно выключила телефон и постаралась уснуть.

Глава 5

IV век до нашей эры

Причерноморье, Большая Скифия

— Выйдите все вон! — скомандовала я прислужницам и охранникам-мужчинам, приставленным к моему сыну. — Дефтар и две мои тени — останьтесь.

Властным жестом я выпроводила всех из шатра, оставшись наедине с Дефтаром. Почти. Две мои незримые тени прятались сзади, готовые в любой момент защитить хозяйку.

— Ну что, главнокомандующий Дефтар, ты доволен? — промурлыкала я, обходя его кругом и едва касаясь кончиками грудей спины. — Твой сын — наследник, ты сам — повелитель войска. Я — правительница при сыне. Не об этом ты мечтал, когда покидал дом матери и ехал в её родовое племя?

Моя ладонь, будто бы невзначай, погладила бугристые мускулы на руках, поправила волосок, спадающий на лоб. Я доставала светлоглазому юноше до плеча, и оттого чувствовала себя рядом с ним маленькой и хрупкой.

— Не об этом я мечтал, Арга! Не жить во лжи и ублажать ненасытную потаскуху! — прошипел он. Его голос походил на рычание собаки, когда она предупреждает прохожих о том, что готова напасть.

— Разве можно так говорить о своей госпоже, м? — про-

мурлыкала я, игнорируя его злобу. Она радовала меня, потому что была выше его обычного равнодушия. — Ты сохранишь своё место подле меня, если будешь как следует исполнять все мои пожелания.

Дефтар сделал еле уловимое движение и схватил меня за подбородок, приблизив своё лицо к моему:

— Послушай, ты... Дочь осла! Ты — всего лишь женщина, и я смогу придушить твою тощую шейку всего одним движением руки... — он прервал свои злобные слова, потому что моя рука нежно обхватила его мошонку и чуть сжала.

— Не сможешь, — прошептала я в изогнутые губы и провела по ним языком. — Никто на свете больше не сможет ублажить тебя так, как я...

И мы, обхватив друг друга руками, сплелись телами в неистовом поцелуе. Его ненависть служила топливом для возбуждения, и устоять он не смог. Как не мог отказаться от наших утех тогда, когда мы прятались в пещере от лишних глаз.

Ненавидел ли он меня? Да! Любил ли? Нет! Хотел ли? Очень! И вот этот сплав ненависти и желания действовал на меня, как наркотик. Я смотрела в его бирюзовые глаза, тоннула в них и чувствовала, как по позвоночнику ползёт огненный столб энергии жизни. Только в такие моменты я чувствовала себя живой.

Оторвавшись от поцелуя, он схватил меня рукой за горло, а другой вытащил длинный кривой нож из кожаных ножен.

Секунда — и у моего горла прижато ледяное лезвие.

Я улыбнулась. В тот же миг, в который он потянул нож за рукоятку, у его боков стояли две мои неуловимые львицы. Отравленные короткие лезвия были прижаты к его горлу с двух сторон, а рука, держащая кривой нож, заблокирована musculistsкими руками.

— Я же сказала, что ты не сможешь убить меня. Этого не позволят мои тени. Да и как ты посмеешь нарушить наши родовые законы? Убив мать своего ребёнка, ты навсегда покроешь себя позором и лишишься счастья в следующих жизнях.

— А ты? Ты сама? Не боишься, что я найду тебя во всех последующих жизнях и лишу тебя всего?

— Не боюсь. Мой муж всё знал! — выплюнула я ему в лицо ту правду, которая чуть не убила меня в ту ночь, когда умер мой муж. — Он специально привёз тебя в племя, чтобы я зачала наследника! Он выбрал тебя, как и я — по цвету глаз. Чтобы никто даже подумать не мог, что наследник — не его плоть и кровь. Он знал, что бесплоден! И он ждал, чтобы я сама догадалась, как спасти свою жизнь и дать ему сына. Поэтому я — невиновна! Так хотели духи!

Я шептала ему в лицо, а сама гладила его безупречный торс руками, умело воспламеняя страсть и наблюдая, как его тёмные зрачки расширяются, поглощая бирюзовую радужку и гся золотистые искры. Всё ещё обездвиженный моими тенями, он был вынужден терпеть и наблюдать за мной, оста-

ваясь скованным.

Подав знак глазами, что его можно отпустить, я молча наблюдала, как мои девушки отобрали у него оружие и отпустили. Оставшись без защиты, он возненавидел меня ещё больше.

Я же, зная, как сломать эту стену отчуждения, опустилась на колени. Глядя снизу вверх, прошептала:

— Ты можешь сделать со мной всё, что хочешь, господин. Этой ночью — прочь все запреты, только ты и твои желания.

Этот мужчина был полной противоположностью своему дяде. Если тому для расслабления нужно было подчиниться женщине и почувствовать, что он сам ни за что не отвечает, то Дефтару нужно было повелевать женщиной, управлять любовной схваткой и указать мне на моё место. У его ног.

Увидев, что он готов к танцу страсти, я закрыла глаза и полностью отдалась ночи. В конце концов, я мечтала об этом несколько месяцев.

Утром, спрятав следы от его сильных пальцев на своей шее и надев торжественную вуаль на лицо, я собрала совет старейшин племени.

— Уважаемые, я собрала вас для того, чтобы вы, как самые старейшие и досточтимые мужчины, решили судьбу слабой женщины. Великая Сульнур поведаст вам о видении, которое было ниспослано ей этой ночью.

Все притихли. У меня на руках молча спал младенец, сза-

ди расположились мои верные тени. По правую руку на подушках сидел хмурый Дефтар, который не смотрел ни на меня, ни на ребёнка. Старейшины заполнили шатёр повелителя по кругу и напряжённо ждали.

С колен тяжело поднялась главная жрица племени — Сульнур, чьи одежды были расшиты мелкими золотыми ракушками. Ей позволялось ходить без вуали на лице, и она носила на голове особый золотой обруч, который указывал на её священный статус. Её одежды были украшены богаче, чем у самого повелителя.

— Этой ночью мне было послано видение. В нём на белоснежном жеребце наш повелитель, почивший сорок лун назад, вновь показал свой лик. Он был зол и лицо его омрачилось гневом.

Все ахнули, поползли шепотки. Дефтар, подняв правую руку, положил конец разговорам.

— Он указал на восток, откуда были видны клубы пыли от тысяч жеребцов под сёдлами наших врагов. Они, прознав о племени, которым управляет женщина и младенец, собирают многотысячное войско, чтобы разграбить наши сундуки и захватить пастбища.

Ропот вновь поднялся под стенами шатра, и вновь умолк, подчиняясь руке Дефтара.

— Он велел защитить его женщину и его сына! — голос Сульнура прогремел над головами присутствующих, и она вытянула руку, указав перстом на меня и сына. Я же, склонив

голову в безмолвном почтении, молча ожидала решения своей судьбы.

— В нашем племени, у нашего народа есть священный обычай, который защищает женщин, ставших вдовами.

Я со своего места видела, как некоторые старейшины согласно покачали головами и стали перешёптываться между собой.

— Вдову обязан взять в жёны следующий по старшинству член рода её мужа, будь то брат или племянник.

Я скосила глаза вправо и увидела, как у Дефтар напряглись скулы и заходили желваки на лице. Только бы чего не выкинул в гневе...

— Повелитель завещал править своему сыну под защитой своей жены и племянника. Сегодня же он велел мне провести обряд бракосочетания между его вдовой и племянником Дефтаром, не дожидаясь конца траура, который наступит через одну зиму и одно лето...

Дефтар вскочил на ног, вокруг него зашевелились старейшины и поднялся гвалт. Одни кричали, что это невозможно и нужно ждать окончания траура, другие требовали убить Дефтару, так как он не должен был становится правителем.

Сульнур крикнула зычным голосом:

— Молчать! Я ещё не закончила!

Все, наконец, усьились и замолчали.

— Правителем остаётся сын и наследник покойного повелителя, великий Сагнур. Дефтар, который должен взять в

жёны овдовевшую Аргу, остаётся главнокомандующим и не может стать повелителем по нашим законам. Но дети, которые появятся от этого брака, смогут быть наследниками Сагнура, — жрица перевела дух и продолжила. — Повелитель указал на восток и велел собирать шатры, чтобы отогнать стада на северные пастбища. Если выполнить его волю немедленно, то мы спасём многие жизни.

Она, наконец, закончила села на подушки. Воцарилась тишина.

— Твоё видение, Сульнур, очень своевременно, — Дефтар взял слово и грозно оглядел всех присутствующих. — Но я не давал согласие на женитьбу ни Арге, ни её покойному супругу, нашему повелителю. У меня уже есть наречённая, и зовут её Игнур. Я обещал её отцу взять её в жёны и не могу забрать своё слово обратно.

— Ты, Дефтар, — проскрипел верховный старейшина, который до этого молчал слушал и смотрел на реакцию окружающих, — волею повелителя отвечаешь за жизнь членов нашего племени. Ты — главнокомандующий, и обязан управлять войском. Ты — человек, связанный долгом перед целым племенем и перед своим родом. Ты теперь не можешь выбирать. Сульнур права, такой древний обычай существует, и он направлен на защиту вдов и сирот.

Я сидела, затаив дыхание. Верховный старейшина обладал непререкаемым авторитетом и его суждение имело решающую роль.

— Нарушение обычая тут только одно — свадьба до истечения срока траура. Но уж если так хочет наш повелитель, то так тому и быть. А Игнур ты можешь взять второй женой, если захочешь, и если Арга, как главная жена, разрешит.

Остальные молча склонили головы, выразив тем самым согласие с верховным.

Моё сердце ликовало. Всё вышло даже лучше, чем я хотела. Уловив движение справа, я увидела, как Дефтар поднялся на ноги и стремительно вышел из шатра. Спрятав ухмылку в вуали, я подняла глаза на присутствующих и промолвила:

— Я благодарю вас за скорое и справедливое решение. Как вдова нашего усопшего господина и мать его наследника, я подчиняюсь вашей воле.

Грациозно поднявшись, я повернулась и вышла из шатра через второй вход. немного отойдя, я кивнула теньям и приказала одной из них:

— Проследи за ним, чтобы не наделал глупостей, — и та мгновенно исчезла.

Я, качая чутко спящего сына, пошла с ним к берегу моря. Совсем скоро мы покинем эту стоянку и я уже не буду слышать шума волн, так любимых мною. Я хотела насладиться им сполна, впечатать в слух и сознание этот ритм, пляску волн и шипение, с которым они откатываются назад, катая за собой гальку.

Обернувшись, я увидела Сульнур, которая стояла, воздев руки к небу, и молилась, устремив лицо на восток.

Направившись к шатру, я прошла мимо, не останавливаясь, а она прошептала так, чтобы слышала только я:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь!

Ухмыльнувшись, я прошла мимо и не ответила. Необходимо было приготовить всё для свадебного обряда, и у меня ещё было много дел.

На берегу моря, в свете девяти разожжённых костров, совершался обряд, которого я желала всем сердцем. Прекрасный мужчина с бирюзовыми глазами был обещан мне в мужья перед всем племенем. Сульнур, в своём самом торжественном облачении, с крошечными кусочками зеркал, нашитых на длинную мантию, читала слова древней молитвы духам земли, воды, воздуха и огня.

Я, с ног до головы покрытая длинной шёлковой вуалью, кусала губы, предвкушая брачную ночь. В моём чреве уже набирался сил следующий сын этого светлоглазого мужчины, и я вновь сделала всё для того, чтобы спасти жизнь и ему, и себе. Срочный свадебный обряд был просто необходим.

Но об этом не знали еще ни сам Дефтар, ни Сульнур, ни старейшины. Завтра мы снимемся со стоянки и уедем вглубь полуострова, спасаясь от летней жары, засухи и выдуманных врагов. А сегодняшняя ночь станет защитой моему нерождённому сыну и его законным оправданием.

Слева от меня дёрнулся Дефтар, которому взрезали вену и теперь тёплая алая кровь капала в подставленную церемо-

ниальную чашу. У меня уже был шрам на руке от другого свадебного обряда, поэтому я перенесла болезненный рывок ровно, без звука. Когда наша кровь соединилась, ему дали отпить из чаши первым. Я же, когда пила солёную вязкую жидкость, не спускала с него глаз, улыбаясь и дерзко утверждая над ним свою власть.

Прямо перед началом свадебной церемонии обе мои тени и двое охранников из свиты покойного мужа притащили вырывающегося Дефтар в мой шатёр, где я расчесывала волосы, которые готовилась заплести в церемониальные косы.

— Госпожа, он пытался бежать, — коротко сказал один из охранников, а Дефтар дёрнулся, удерживаемый верёвками, накинутыми на его запястья. — Два коня, две седельные сумки. Он и девица Игнур, ваша служанка.

Я кивнула и отпустила охранников, велев ждать за пределами шатра.

— Зачем ты опозорил мою служанку, украв её на виду у всех? — промурлыкала я, отлично зная ответ.

— Ты сама знаешь! Я не буду всю жизнь плясать под твою дудку! Я люблю другую, неужели же тебя это не унижает? Подбирать объедки с её стола? — попытался он меня оскорбить. Но напрасно.

— Ты не видишь дальше собственного носа, Дефтар. И никогда не видел. Вот почему не быть тебе повелителем племени! К крепким мышцам должен прилагаться ещё и разум, — и я легонько постучала по его голове согнутым пальцем.

Он дёрнулся, но тени держали его крепко.

— Отпустите его, негоже будущему мужу стоять связанным перед своей женой. А ты, — вновь обратилась я к нему, — можешь заставить меня плясать под свою дудку. Если станешь моим мужем. Тем более, что ... твоя дудка мне тоже очень по душе.

Я улыбнулась, но не дала ему возразить и продолжила:

— Ты будешь иметь жену-правительницу, твой сын итак уже наследник и будущий правитель племени. И у нас будут другие дети — я ещё молода, а семья твоё крепко. Мы будем единоличными правителями племени. Не о такой ли жизни ты мечтал? Ты ведь честолюбив, Дефтар. Ты не остался в племени матери на правах младшего сына обычного воина. Ты захотел возвыситься и поехал на поиски приключений. Так возьми же всё, о чём ты мечтал, Дефтар! Что тебя так смущает? Что у тебя будет умная жена, которая просчитывает все шаги наперёд? Так иные правители убили бы за такое ценное сокровище. Или тело твоё жаждет презренную девку, простую служанку, которая не даёт тебе познать себя без брачного обета?

У Дефтара на лице дрогнул мускул, и я рассмеялась.

— Так вот оно что, дело в одной маленькой девчонке, которая и мизинца моего не стоит? Ну так что ж — угоди мне и я разрешу тебе взять её второй женой. Просто протяни руку и возьми всё то, что ты так сильно желал, Дефтар!

Я смотрела ему прямо в глаза и тонула в них, удивляясь

их магической власти. Боже мой, если у меня будут сыновья с такими же светлыми колдовскими глазами, то мы покорим вместе весь мир! Как он этого не видит? Как можно быть таким слепым?

— Если ты даёшь мне обещание, что Игнур станет моей второй женой — то я пойду с тобой сегодня к кострам и отведаю вкус твоей крови.

— И больше не будешь сбегать от меня? — поддразнила я его.

— Да! — твёрдо ответил он и впервые прямо посмотрел мне в глаза. Внизу живота стало мокро и я, не удержавшись, погладила пальчиком его полные губы.

— Спасибо, — прошептала и сделала знак рукой. — Тогда иди готовься, потому что уже совсем скоро взойдёт Луна!

И он вышел, оставив меня возбуждённую, раскрасневшуюся, мечтающую о той ночи, что ждёт после священного обряда. Я вознесла молитву духам, которые исполняют все мои желания. Нужно будет принести им жертву, чтобы отблагодарить за все дары.

Почувствовав, как моих ладоней коснулись пальцы Деф-тара, я подняла глаза.

— Помни о своём обещании, — прошептал он так, чтобы слышала только я.

— Пусть этой ночью нас будет только двое, — гневно сверкнула я глазами. — И я свои обещания всегда выполняю.

Под звуки труб и бубнов нас проводили в украшенный шатёр, где я впервые за все ночи с этим красавцем не боялась быть придушенной.

Зная, что он любит, я полностью отдала ему власть над собой, превратившись в послушную кошечку. Он смог выместить всю свою злость, и обиду, и горечь. Не понимая, что затягивает шнурок на своей собственной шее. Потому что такая любовь связывает крепче, чем самая прочная верёвка. И с овечкой Игнур он не сможет достичь таких же высот страсти, сдобренной болью и властью. Но он пока этого не знает...

Глава 6

2025, Самара

Алёна

Я проснулась с головной болью и тут же схватилась за запястье, за то место, которое только что, во сне, ещё саднило и сочилось сукровицей. Но кожа была чиста, и только голубая венка пульсировала неглубоко под ней, просвечивая и пересекая руку пополам.

Эти сны начинали сводить меня с ума. В венах всё ещё пульсировала энергия этой странной женщины, Арги, которая упивалась своим могуществом и умом. Я будто наяву ощущала пьянящее чувство превосходства, которое служило её топливом. Такая страшная и такая великолепная женщина!

Закрыв глаза и сделав пару вдохов, я, наконец, избавилась от наваждения. Последние три ночи я будто бы смотрела невероятный сериал, но, к сожалению, просыпалась разбитой и в дурном настроении.

Включив телефон, я увидела три сообщения от Невского: «Ты, скорее всего, отключила телефон. Поэтому я пожелаю тебе доброго утра»

«Алёна, я готов сделать что угодно, чтобы искупить свою вину и заслужить твоё доверие. Назови цену»

«Я попробовал всё в этой жизни. Я богат, успешен, я был

на вершинах гор, нырял на огромные глубины, охотился на львов в саванне, ел ядовитую рыбу фугу. Ничего не помогает. Мне нужна ты»

Сердце забилося, пока я злостно тёрла эти сообщения. Скотина ты, Невский. Ты всегда знал, что мне говорить. Умешь лить мёд в уши, в этом равных тебе я ещё не встречала. Найдёшь кнопки, рычажки, щёлочки, через которые твой яд проникнет в организм жертвы и отравит его.

По тому, как билось сердце и как кровь прилила к лицу, затылку, ушам, я понимала, что его слова достигли цели. Единственное, что я всегда хотела — это быть для него незаменимой. Чтобы он дышал мной, хотел меня, не отходил ни на шаг. Чтобы я значила для него больше, чем жизнь. Но когда мне казалось, что вот оно — он всегда сбегал, уходил, унижал. Заставлял чувствовать себя никчёмной. И я годами после него собирала жизнь по осколкам.

Камбэка было три, считая этот. И нет, я не готова его простить и вернуть. Только не в этот раз. Только не сейчас, когда я в свои тридцать девять снова одинока и отчаянно боюсь встретить свою старость в обществе одних лишь кошек. Поэтому хрен ты получишь от меня ответ.

Я поднялась с кровати и первым делом расстелила коврик для йоги у окна. За долгие годы без тебя, Данила Олегович, я освоила неприлично много способов самопомощи. Больше, чем кто-либо другой. Сейчас мне нужна йога, потом пранаяма, а потом питательный завтрак. И я выкину тебя из головы

хоть на немного.

После порции кофе и яичницы с грибами я, схватив телефон и позвонив руководителю, малодушно проямлила:

— Евгений Борисович, с добрым утром! Вчера переговоры прошли успешно и Данила Невский ждёт от нас проект договора. Пусть девочки подготовят и вышлют на его почту. Я что-то немного подпростыла и следующие три дня буду отлёживаться. Поэтому не теряйте меня, а все встречи я попрошу Оксану перенести.

Тот согласился, пожелал выздоровления и отключился. В сухом остатке — йога и осознанное дыхание привели меня к мысли спрятаться от Невского у мамы с папой. В сражении с ним и самой собой я проиграла.

Наскоро покидав вещи в сумку, я вызвала такси и поехала на вокзал, чтобы успеть к электричке. Машину специально оставила у дома, чтобы хоть немного сбить Данилу со следа. Пусть думает, что я лежу дома и лечу насморк. А вот к маме мой он не сунется — кишка тонка.

Пока электричка ехала мимо покрытых золотой листвой Жигулевских гор и огибала Волгу, я открыла ноутбук. Из головы не шёл утренний сон, который продолжался уже три дня и поражал своей реалистичностью. Мне захотелось поискать информацию, что за племена кочевали по степи между Чёрным морем и северными широтами. Почему-то я была уверена, что действие происходило в степях Причерноморья или в каких-то соседних районах. Крым? Южная Украина?

«В регионе Северного Причерноморья обитали кочевые племена, которые играли важную роль в истории региона. Среди них — скифы, сарматы, гунны и хазары».

Так, это уже интересно. Скифы были древним ираноязычным народом, которые занимались скотоводством и которые к III веку до нашей эры остепенились и стали земледельцами. Так.

Сарматы тоже были кочевыми племенами, которые говорили на языках иранской группы и кочевали на обширных землях от Дуная до Каспия. Хм, а может быть, море во сне было Каспийским?

Главным богатством сарматов был скот, и они не имели поселений, постоянно кочуя с места на место. Племя из моего сна подходит под это описание.

Гунны, хазары... Нет, они не подходили под описание. Оставались сарматы и скифы. Имена у них такие странные... Я не знала иранского языка, но характерное окончание «-нур» было характерно скорее для тюркских языков, родственных современному татарскому, казахскому, киргизскому языкам. У них тоже есть такие имена: «Айнур, Гульнур, Нурлан».

Я вздохнула. Не зная ни периода, ни даже того, как они сами себя называли, я не смогу натянуть кота на глобус. Да и с чего я вообще решила, что мне снится какое-то реальное племя? Возможно, это просто красивая сказка напрямую из моего подсознания. Та, где добыча — не я.

Когда я сошла на нужной мне станции и легко пошагала к маминому дому, солнце уже было высоко. Близился полдень и воздух прогрелся настолько, что мне стало жарко. Я сняла худи, повязав его на талии, и осталась в лёгкой футболочке и штанах. Удобные кроссовки после офисных шпилек показались благословением небес. Я шла и бездумно пинала шуршащие листья, наслаждаясь последними тёплыми денёчками.

Спустившись с высокого обрыва вниз, я оказалась в дачном посёлке, где на постоянной основе, будучи на пенсии, поселилась мои родители.

Скромный домик из белого кирпича. ухоженный зелёный двор, убранные на зиму грядки... Дома я всегда чувствовала себя в безопасности. Даже больше — едва переступив родительский порог, я становилась подростком, и ощущала себя также, как и двадцать лет назад. Немного своевольной, в меру капризной. Но неизменно — любимой и желанной.

Папы дома не было — он был на смене. Работал техническим специалистом на железной дороге, подрабатывая на пенсии. Мама что-то делала на кухне и очень обрадовалась, когда я вошла в дом.

— Алёнушка, что-то случилось? — встревоженно спросила она, оглядывая меня с ног до головы.

— Неа, — улыбнулась я ей и обняла. — Просто мне надоело работать и я сказалась больной. Отдохну у тебя пару дней, отключу, наконец, телефон.

И я легкомысленно вытащила из сумки смартфон, выключила его и положила на полку.

— А ноутбук — для сериалов, — пояснила я на её недоумённый взгляд.

Накормив меня домашним супом и салатом из поздних помидор, она отправила меня отдыхать в комнату наверху.

Бывшая детская так и не стала взрослой спальней. Тут стояла кровать с персиковым пледом, небольшой диванчик. Письменный стол, книжные стеллажи — все вещи из нашей городской квартиры, где была моя настоящая комната, пока я росла и училась в школе. Потом, когда я выросла, родители продали свою трёшку, чтобы купить мне свою квартиру, а себе — домик в деревне, чтобы провести старость поближе к земле.

Так мы и жили: они на берегу Волги возделывали огород, а я — в городе, в собственной однушке в престижном районе. Зато мне было, куда приехать, чтобы отдохнуть от мегаполиса и подышать свежим воздухом.

Готовая запрыгнуть на диван и включить сериал, я внезапно зацепилась взглядом за фотографию, стоявшую на книжной полке. Это было наше свадебное с Невским фото. На нём я в длинном белом платье держала скромный букет из ландышей, который стоил кучу денег. А Данила Олегович обнимал меня за талию и счастливо улыбался в объектив. Его светло-серый костюм и элегантный зелёный галстук придавали ему вид серьёзный и чуть более взрослый, чем он был

тогда. Разница между нами составляла семь лет.

Взяв фотографию в руки, я невольно вспомнила нашу свадьбу. Я была против пышной церемонии, но будущий муж настоял, чтобы «всё было как у людей». Он уже тогда был на хорошем счету в юридической фирме и только-только сдал квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката. Невский детально планировал свою будущую карьеру на несколько лет вперёд, и женитьба была необходимой ступенькой к получению статуса партнёра в адвокатской конторе.

Я же летала в облаках. Шутка ли — самый завидный жених университете, молодой и перспективный преподаватель, серьёзный юрист, дико привлекательный мужик сделал мне предложение!

— Везёт тебе, Алёнка, — вздыхала Наташка, любуясь моим помолвочным кольцом. — Если рано не залетишь, то он и тебе карьеру обеспечит.

Я же сама никак не могла поверить своему счастью. В моих глазах Невский был полубог. И как я умудрилась привлечь его внимание, мне самой до конца не было понятно. Наша история походила на сказку про Золушку, когда принц заметил невзрачную принцессу. При этом сам принц говорил:

— Алёна, ты недооцениваешь свою красоту! Если бы ты взялась за ум, то уже была бы сногшибательной красоткой! Ну почему ты не сделаешь себе нормальный маникюр? За-

пишишь в зал, подкачай попу... И с волосами надо что-то сделать!

Его слова уязвляли меня в самое сердце. На профессиональный маникюр у меня попросту не было денег — моя стипендия и деньги, которые ежемесячно подкидывали родители, позволяли мне покупать продукты, платить за проезд и изредка баловать себя новой помадой. Поэтому ногти я красила сама, и вообще все уходовые процедуры были исключительно домашними.

Абонемент в фитнес-клуб, который стоил как самолёт, я тем более не могла себе позволить. Да и моя попа нравилась мне и такой. И волосы тоже! Да, чуть пушистые, пористые. не лежат гладкой волной, как в рекламе шампуня. Но зато они объемные и отлично держат форму!

Я позволяла себе иногда поэкспериментировать с краской, то осветляя их, то перекрашиваясь в брюнетку. Но в общем и целом тоже выглядела недурно.

Только вот сказать своему благоверному, что хочешь ухаживаемую невесту — плати — мне духу не хватало. Как это — просить у него деньги на маникюр? Да наши женские дела вообще должны быть для него тайной! К тому же, после свадьбы, я надеялась, что эти вопросы снимутся сами собой. Данила неплохо зарабатывал и должен был догадаться, на какие скромные финансы я живу.

Поставив фотографию на полку, я отвернулась. Сериал смотреть расхотелось, и я решила прогуляться. Пока погода

тёплая, надо было ловить солнечные часы. Уже в семь вечера солнце зайдёт и резко похолодает. Поэтому я нацепила кроссовки, тёмные очки, взяла с собой худи и отправилась в лес, откуда надеялась выйти к Волге.

Воздух пах летом. Высокие сосны, спускаясь к самой воде, шумели где-то в вышине, но глазу были видны только их янтарные стволы. Иголки мягко пружинили под ногами, и идти по чистой лесной подстилке было приятно. Скоро польют дожди, и тут будет море грибов.

В укромном месте, у самой воды, лежал огромный валун. Я любила залезать сюда и подолгу смотреть на воду. От огромной реки веяло прохладой и тиной. Волны неустанно накатывали на берег, а потом откатывались обратно. Вода дышала спокойствием и энергией одновременно. Я верила, что если долго стоять лицом к волнам, то напитаешься их силой и уверенностью.

— Ты правда думала скрыться от меня вот здесь?

Обернувшись, я сразу считала его настроение. Невский стоял в расслабленной позе, запустив руки в карманы. Голова лениво клонилась набок, в глаза лезла непослушная длинная чёлка, которую он обычно убирал назад. Светлые глаза с любовью смотрели на меня. Как будто бы и не было всех этих двадцати лет, с их болью и обидами, предательством и рваными ранами. Он улыбался нежно и чуть снисходительно, а я таяла от его взгляда.

Я молча отвернулась и опять уставилась на воду. Он знал

меня, как облупленную. Все мои укромные места, моё поведение в критических ситуациях. Я не знала, как ещё можно скрыться от этого человека.

— Каждый раз, когда ты не знаешь, что делать, ты убегаешь к маме, — я скорее почувствовала, чем увидела, как он присел рядом. Чуть позади. Так, чтобы я не могла рассмотреть его лицо. — Правда, сейчас ты сделала это чуть лучше, чем обычно. Предупредила на работе, прикинулась больной. Взрослеешь.

Я прикрыла глаза, наслаждаясь плеском волн. И, что уж греха таить, его голосом. Само его присутствие будило во мне воспоминания, о которых я очень хотела забыть. Я почувствовала, как он трогает мои волосы. Осторожно, готовый отдернуть руку, если я зашиплю. Просто лёгкие прикосновения, пропустить между пальцами белокурую прядь. И во всём этом столько непритворной нежности...

Очень хотелось расслабить прямую спину и отпустить прошлое, за которое я сейчас держалась, как за спасительную соломинку. Только оно не позволяло мне раскиснуть и вновь растаять в его объятиях. То, что было, и что уже никогда не сотрёшь из памяти.

После свадьбы мне казалось, что он специально ко мне придирается. Всё во мне раздражало: как я одеваюсь, как готовлю обед, как дышу по ночам. Он словно бы невзначай бросал фразы о том, что борщ какой-то безвкусный, а мои руки слишком сухие — нужно почаще мазать их кремом.

А я изо всех сил старалась исправиться. Выливала борщ в унитаз, делала маски на кожу рук из подручных продуктов, пыталась ему понравится. В какой-то момент, после очередной ссоры, я задала себе вопрос: зачем он женился на мне?

Я была не такой, как ему хотелось. Я раздражала. И в один вечер я вдруг узнала, почему. Была ещё одна — другая. Которая была именно такой, какая ему нужна. Случайно прочитав переписку в его телефоне, я в ответ улышалась: «С ней я чувствую себя мужиком. Мне надоели твои восхищённые глаза. Она ставит мне планку, и заставляет до неё расти. С ней я буду успешным. С тобой — нет».

Эти воспоминания, как пощечина, отрезвили мою ослабившуюся душу. Иногда приходится вызывать те слова в памяти, чтобы не позволить себе поддаться на очарование мужчины с внешностью актёра и харизмой президента. Даже сейчас, пытаясь показать, насколько хорошо меня знает, он меня унизил.

Я судорожно вздохнула. На языке вертелись разные слова, которыми я бы могла его унижить в ответ. Тем более, было за что. Но я просто промолчала. Как только он увидит, что зацепил меня, раскрутить ниточку не составит никакого труда. Я тоже хорошо его изучила.

— Алёна, я изменился. Правда. Я перепробовал всё: у меня были женщины, были острые развлечения. Я подсел на адреналин и перепробовал всё, что было доступно за деньги. Я прыгал с гор, я зависал в мёртвой петле с пилотом истре-

бителя, я даже заходил в клетку с тигром. Ничего не работает. Меня тянет к тебе, и я ничего не могу с этим поделать.

Я по-прежнему молчала, разглядывая Жигулёвские горы. Заставляя глаз зацепиться хоть за что-то: необычное дерево, крышу избушки, столбы с проводами, я боялась пошевелиться. Нет, только не сейчас.

Он говорит то, что любая хотела бы слышать на моём месте. Что я единственная в его жизни, что он всё понял и осознал, что жить без меня не может. Что он всего достиг: стал миллиардером, ловеласом, спортсменом и королём мира — но не чувствует вкуса жизни без меня. Нет, я не поверю ему. Это очередная манипуляция...

— Ты можешь мне не верить, но это правда. Ничего не помогает. Мысль найти тебя и вернуть бьётся в моём мозгу больше года. Я боролся, как мог. Но у меня всё посыпалось: отвалились самые крупные клиенты, в квартире случился потоп. Я разбил свою любимую тачку в глупейшем ДТП, и не по своей вине. Что-то начало происходить такое, что я понял: больше не управляю своей жизнью. Всё, чего я с таким трудом достиг, стало обрушиваться в одночасье. И в голове стучит только одна мысль: ты. Только с тобой я смогу вернуть себе свою жизнь.

Он замолчал, переводя дух. Потом набрал в лёгкие побольше воздуха и продолжил:

— Да посмотри ты на меня, чёрт возьми! Изображаешь тут из себя истукана! Я впервые в жизни не знаю, что делать.

Ты сломала мою жизнь! Это ты во всём виновата!

Повернувшись к нему, я отшатнулась: злые слова исказили черты его лица, рука напряглась и вцепилась в моё запястье. А в глазах сверкали золотистые искры на светло-бирюзовом фоне.

В голове словно взорвалась ослепительная вспышка: точно такие же глаза смотрели на меня во сне, со злобой обвиняя во всех грехах. Этот мужчина уже говорил мне точно такие же слова, где-то в Причерноморских степях неизвестно в каком году какой эры. Это был он, и не он. Не было той звериной силы, но была злоба. И сумасшедшие бирюзово-акварельные глаза с золотистыми искорками.

Глава 7

Три дня и три ночи мы не покидали свой брачный шатёр. Еду и питьё нам оставляли у входа, благоразумно закрыв глаза и уши. Всё это время над степью свирепствовал ветер, выдувая клубы пыли из-под копыт лошадей. Люди прятались под войлочными куполами своих шатров и шептались, что это духи степи злобствуют, наказывая людей за греховную свадьбу.

Я же впервые в жизни чувствовала, что значит взлететь на волну судьбы. У моих ног корчился мужчина, мучимый страстью. В его бирюзовых глазах была похоть и мольба, и мука, прорывающаяся изредка сквозь пелену наслаждения.

Что может простой смертный мужчина против женщины, искущённой в ласках? О чём он думал в эти моменты? Вспоминал ли свою овечку Игнур? Нет! Его золотистые искры в глазах светились только для меня, и только я могла дать ему то, о чём он даже мечтать не смел. Страсть, власть, исполнение всех желаний.

На четвёртый день жрица Сульнур вызвала меня на порог шатра и велела возвращаться к обычной жизни. Дела племени требовали немедленных решений. И одно из дел было самым неотложным.

— Ты не посмеешь! — вскричала я надкушенными Дефтаром губами, врываясь в свой шатёр, где на тюфяке, наби-

том конским волосом, корчилась презренная Игнур. — Я отрежу твои чёрные косы и выколю твои чёрные глаза!

Но затуманенные от боли зрачки не видели меня. Игнур рвало, изо рта её шла пена. Вокруг тюфяка разлились зловонные лужи, а сама она уже, казалось, отдала душу духам.

— Кто допустил? Что она съела? — отрывисто спросила у служанок, но те попятились. Две мои тени перекрыли им дорогу, и у глупых девок перекосило лица от страха.

— Похоже на степную траву-дурман, — проговорила Сульнур. — Воды, живо! И выйдите все вон!

Служанки в страхе разбежались, а я, морщась от зловония, спросила:

— Она отравила себя? — и жрица еле заметно кивнула.

— Да, она не хочет жить. Три дня и три ночи она молилась о том, чтобы духи забрали её в своё царство. А потом что-то съела... У неё сухая кожа и впалые щёки, жидкость не держится в её теле. Она не доживёт до утра.

Отчаяние захватило меня жаркой волной. Только не это! Дефтар не останется со мной, если крючок в виде этой безмозглой овцы исчезнет. Она должна жить! Хотя бы сейчас, чтобы у меня было ещё немного времени, чтобы надёжнее привязать его ко мне.

— Ты слышишь меня, Игнур? — Я кинулась коленками прямо в вонючую грязь, образованную степной землёй и рвотой. — Дефтар обещал жениться на тебе! Я поклялась ему, что отпраздную вашу свадьбу! Ты станешь второй женой! Ты

слышишь меня?

Мутные глаза Игнур распахнулись, и я увидела в них безнадёжность.

— Я не верю тебе, — прошептала она, и её снова вывернуло. Меня передёрнуло, но это было неважно. Всё в мире было неважно, потому что...

Додумать мысль я не успела, потому что требовалось действовать быстро. Я схватила нож, висевший на поясе, и полоснула себе руку там, где ещё не успела зарости полоска крови после брачной церемонии. Потом проделала то же самое с её рукой и крепко прижала рану к ране:

— Я клянусь тебе кровью, что ваша свадьба состоится! Ты станешь женой Дефтара! Только живи!

Глаза Игнур распахнулись, неверяще уставившись на самую сильную клятву, которая только могла связать двоих людей. Потом её голова опустилась, и она чуть заметно кивнула.

— Воды! Быстро! — но мне уже не нужно было командовать, потому что Сульнур была начеку — она застыла рядом с большой пиалой жидкости, перемешанной с какими-то растёртыми в пыль травами. Она перехватила голову умирающей и по капле начала её поить.

Я же, почувствовав облегчение, выбежала из шатра и устремилась к морю. Рвота и кровь перемешались на моём теле, а в душе всё ещё разливалась тревога. Теперь я повязана кровью не только с Дефтаром, но и с Ильнур. И придётся

исполнить данное обещание. Но сейчас — прямо сейчас — нужно очиститься и собраться с мыслями.

Холодные волны обступили ступни, волнуясь. Пена хлестала колени, пока я скидывала с себя грязные одежды. Ничего, волна смоем всё, и море примет мою кровь как свою. Рану на руке зашипало, и я невольно поморщилась, но мысленно призвала духов моря испытать нашей с Игнур крови. Да будет так!

На море поднялся ветер, волны бушевали, но две мои тени бесстрашно полезли за мной в воду и цепко следили, чтобы море не проглотило слишком много. Даже ему не дано меня переварить!

Когда спустя вечность я выходила из моря, чистая и дрожащая, на берегу уже стояли служанки с тёплой одеждой. Ничего! Кто не проиграл битву, тот не выиграл войну. Я ещё возьму своё, и никто в этом мире не сможет помешать мне!

Солёный ветер колыхал мой платок, закрывающий волосы, и плечи, и грудь. Я гордо вскинула подбородок и посмотрела на своего мужа. Он, статный и красивый, гордо сидя на лошади, громко подбадривал воинов. Проклятое море снова принесло мне беду. Почему в степи, далеко от солёного берега, всё всегда было хорошо? Но стоило нам расположиться на зимнюю стоянку у буйного берега, как обязательно что-то случалось?

За мою юбку цеплялся трёхлетний Сагнур, а к груди боль-

шим полотнищем был примотан маленький Асар, второй мой сын, рождённый в браке с Дефтаром. Чуть поодаль стояла Игнур, замотанная в платки по самые глаза. Она обнимала спящего младенца, который тоже был сыном моего мужа. Как и полагалось второй жене, она молчаливо ждала своей очереди проститься.

Наконец Дефтар отдал последнюю команду, и настала пора прощаться с семьёй. Настоящий воин никогда не опозорил бы себя проявлением нежности, поэтому наши мужчины прощались, не спешиваясь со своих скакунов.

Я, не удержавшись, всхлипнула и притянула его за шею к себе:

— Возвращайся с победой, моя любовь! — и поцеловала в холодные губы. Дефтар сверкнул глазами и нагнулся, чтобы поцеловать крошечный лобик сына. Потом нагнулся, подхватил на руки Сагнура и что-то ему прошептал.

Поставив ребёнка на землю, он протянул руки к Игнур, и эта паршивка с воем прильнула к его лицу. Их поцелуй неприлично затянулся, и он крепко обнял их обоих, чем вызвал шёпот среди тех, кто ожидал отбытия на поле боя.

Невыносимые бирюзовые глаза сверкнули последний раз, скользнув по горестному лицу Игнур, и Дефтар, развернув коня, скомандовал войску двигаться вперёд. Спустя полчаса от нескольких сотен мужчин не осталось даже пыльного облачка в степи.

— Презренная сука! — отшвырнув кулёк с её младенцем в сторону, я налетела на Игнур, едва вошедшую в шатёр. — Как ты посмела опозорить его слезами! Как только додумалась украсть у меня его поцелуй! Ты забыла своё место?

Игнур, защищаясь от удара, поползла за своим пищащим недоноском и заметалась по шатру, не зная, куда от меня спрятаться.

— Он мой муж! Ты сама так хотела! — она уже не блеяла, как раньше, от страха, а всё чаще решалась возражать мне. — И я всё равно не рядом с ним! Ты отвела мне всего одну ночь из семи рядом с ним, а днём не пускаешь его к нам с сыном! Чего тебе ещё надо? Ты и так первая жена!

По лицу бывшей служанки текли слёзы, и она бегала по шатру, как степной хорёк, умеющий вставать на задние лапки.

— Ты забыла, чья ты дочь, презренная потаскуха? — давно подавляемое чувство гнева выплеснулось наружу, и я ощутила, как мои пальцы сжимаются, желая передавить её жалкое горло. — Ты рабыня и дочь рабыни, и только моя воля возвысила тебя! Ты убирала за мной грязь в шатре и спала на полу!

— Это не ты меня возвысила, Арга! Это любовь Дефтаравозвысила меня! Он не хотел быть твоим, и только ради меня согласился на вашу свадьбу! — огрызалась она, уворачиваясь от моих пальцев с когтями, нацелившихся ей в глаза.

— Да много ты знаешь, дочь ослицы! Да мы с ним... — и

тут я осеклась, потому что врождённое чувство осторожности дало о себе знать. Не стоит кричать на всё племя о том, что была неверна первому мужу. Даже ради минутной мести!

Игнур, воспользовавшись задержкой, выскочила из шатра и убежала прятаться. Каждый раз, когда я накидывалась на неё с проклятиями, её спасали только быстрые ноги и умение разозлить меня так, что я себя не помнила от гнева.

Шайтан заberi эту войну! Дефтар уехал именно тогда, когда был нужен мне больше всего. Игнур любили в племени за её кроткий характер и ласковые слова, я же всегда плевалась ядом, как змея. Всё потому, что этот паршивец — мой муж — отнимал последние силы.

Любовь к нему превратилась в проклятие. В наваждение, в постоянный страх потерять. Какой шайтан послал его ко мне? Почему он один умеет вынимать из меня душу? Даже теми ночами, которые он был вынужден проводить рядом со мной, я не чувствовала его тепла. Тело трясло от холода его невозможных глаз, а душа требовала любви, чтобы заглушить навязчивую жажду. И мозг вынашивал планы мести этой ослице Игнур. Только она одна стояла между нами! Она и её выродок!

И сейчас, впервые за долгое время, она осталась в моей полной власти. А я ведь клялась Дефтару, что позабочусь о ней и о её ребёнке. Ха!

Пыльное облако появилось на горизонте, возвещая о на-

двигающихся переменах. Кто это? Враги или наши воины?

Если наши мужчины пали, то это полчища чужих кочевников, что разорят наши гнёзда. Если это наше войско — значит, мы победили и предстоит славный пир. Только бы это были свои...

Я молчаливо вглядывалась вдаль, вознося молитвы небу. За моей спиной стояло молчаливое племя — женщины, дети, старики. Даже овцы, которых мы были вынуждены охранять без мужчин, перестали блеять.

Жаркое солнце начинало слепить глаза, но оно ещё не достигло той беспощадности, которая вынуждала нас сниматься с места и переезжать на летние пастбища. Долгие три лунные цикла жили мы в ожидании вестей. Сульнур каждую ночь раскидывала свои камешки, но духи застили ей глаза. И вот, наконец, момент истины настал.

Когда впереди пыльного облака появился конь Дефтара, обгоняя ветер, я издала почти неслышимый вздох. Победа!

— Победа! — вскричала я, и оглушительная тишина исчезла. Визжали дети, кричали женщины, и все вместе бежали в пыль встречать наших воинов. Взревели рожки, которыми мужчины приветствовали своё племя.

По моему лицу текли слёзы. Духи снова вняли моим молитвам и вернули мне его! С победой! Значит, всё, что я делала, правильно!

Грязные лица мужчин светились от счастья. Они спешили и распахивали объятия своим жёнам и детям. Стари-

ки смахивали слёзы, дети взбирались на могучие плечи отцов.

Дефтар, кинув поводья коня прислужнику, подхватил на руки Сагнура и шагнул вперёд, пристально глядя на меня. Моё лицо, припорошенное пылью от копыт их коней и процерченное бороздками слёз, осветилось любовью:

— Ты победил, мой повелитель! — и я обвила шею мужа руками, прижимаясь к нему соскучившимся телом. Младший сын тихонько спал на руках у моей матери, которая приехала ко мне из своего племени доживать свой век и умереть рядом с родными.

Дефтар коротко поцеловал меня в губы, не выпуская из рук Сагнура. Потом осенил благословляющим жестом спящее среди галдящей толпы личико Асара и оглянулся в поисках Игнур.

— Где она? — требовательно спросил он, и его бирюзовые глаза сменили цвет на серые. В нём было что-то новое — какая-то властность и новая, незнакомая мне уверенность.

— В шатре, — пробормотала я и впервые оробела, сделав шаг назад.

Дефтар опустил на землю сына и широкими шагами, расталкивая ликующих людей, устремился прочь.

В тёмном шатре, постояв мгновение, чтобы привыкли глаза, он опустился на колени перед ложем Игнур, где её посилившее лицо навсегда застыло в маске безумной боли. Рядом в защитном коконе её рук покоился бездыханный ребёнок. У

их ног лежали иссохшие куски изрубленной степной гадюки, чей яд не знает противоядия.

Истошный вопль огласил шатёр, и безумное лицо мужа повернулось ко мне. Он подскочил ко мне и схватил меня за косу, короной заколотую на голове.

— Это ты их убила! — страшно вскричал Дефтар и неуловимым движением достал острый кривой нож из ножен. В ту же секунду отравленные клинки упёрлись ему в шею, как много лет назад. Мои тени не дремали.

Но Дефтар даже не дёрнулся. Безумная ярость лилась из его расплавленных глаз, чей блеск пугал даже в темноте.

— Я так и знал, что тебе нельзя верить! Ты! Хитрая, лживая тварь! Я был честен с тобой и выполнил все твои условия! Ты же погубила то единственное, что было мне дорого! — прошипел он, не отнимая лезвия от моего горла.

— Ты не был честен со мной! Ты обманул меня, поклявшись быть моим мужем! Ты пренебрегал мною и нашими детьми!

— Я женился на тебе и показывал тебе уважение, дочь шакала! А взамен ты обещала защищать Игнур и моих детей! Ты клялась на крови! Твоя душа навеки проклята!

— Ты должен был любить меня, а не просто показывать уважение! Я же не получила даже тысячной доли той любви, которую ты отдавал ей!

— Я не клялся тебе в любви! И ты знала, что я люблю её! Будь ты проклята навеки! Я убью тебя, такая тварь недо-

стойна жизни!

И тут я захохотала. Безумие прорвалось сквозь тонкую ограду самообладания и затопило весь разум, если он ещё был.

— Ты можешь делать всё, что хочешь! — сквозь слёзы хохотала я. — А ну, уберите от него свои ножи. Даже если ты убьёшь меня, она тебя больше не получит! И ты её тоже! И ты не можешь винить меня в её смерти — в шатёр с твоей второй женой вползла змея, и я ничего не смогла сделать. Мы нашли их сегодня утром вот так — и одна из моих прислужниц зарубила змею, ещё вонзающую зубы в тело твоей ненаглядной Игнур! Я чиста перед небом и перед тобой!

И я захохотала ещё сильнее, уже не ставя преград на пути к своему безумному веселью.

Дефтар медленно отвёл клинок от моего горла и проговорил:

— Нет, я не стану убивать тебя, шайтан тебя заberi! Ты будешь жить одна, зная, что нарушила клятву на крови, и воспитывать своих детей. Я ухожу из племени! Я буду искать смерти, чтобы соединиться с той, кого я так люблю! А ты — ты проклята, и никто никогда больше не коснётся тебя! Ты больше не узнаешь, что такое любовь, потому что ни одна душа на свете не может насытить тебя!

И он вышел из шатра, обдав меня запахом терпкого мужского пота и едкой мелкой пыли от сапог. Я повалилась на пол у ног Игнур и забилась в конвульсиях.

Пятьдесят зим прошло с момента, когда я в последний раз видела Дефтара. Его конь вернулся спустя три полных луны один, а на его попоне были засохшие следы крови. Сердце чувало — Дефтар сумел в бою покинуть наш мир и где-то там соединился со своей презренной Игнур.

Много зим после его ухода я пыталась оживить Дефтара. Самые чёрные ночи были наполнены колдовским пламенем, запретными ритуалами и магией настолько мерзкой, что потом сутками из меня выходила не то тёмная кровь, не то протухшая слизь.

Но духи молчали. Дефтар ни единого раза не явился ко мне во сне. Он мерещился мне днём — в спинах его людей, других мужчин племени, в повадках его сыновей, которые росли день за днём и становились сильными и ловкими. Моя мать, которая вырастила сильной меня, свою единственную дочь, сумела сделать и из них отважных воинов, пока я в безумии бродила по степи и искала своего Дефтара.

Я больше не встречала людей с невозможными бирюзовыми глазами, так пленившими мой разум. Мои сыновья были так же темноволосы, как их отец, и темноглазы, как их мать. Магия исчезла из нашего племени вместе со смертью жрицы Сульнур. Ей некому было передать Дар, а отдавать мне то, что передавалось в племени из поколения в поколение, она не захотела. Она проклинала меня за то, что я подговорила её устроить нашу свадьбу с Дефтаром, и твердила о том, что

всё племя теперь проклято.

Но грязная колдунья ошибалась. Племя выжило, и спустя много зим им правили мои сыновья — сильные и прекрасные. Я же отсчитывала луны и приливы, сидя в своём шатре или на берегу моря, которое я и ненавидела и любила одновременно. И ожидала, когда же за мной, старой и дряхлой, придёт дух смерти на чёрном, как ночь, коне. Чтобы увидеть на той стороне Луны Дефтару и плюнуть ему в лицо.

Глава 8

Открыв глаза, я ещё несколько минут восстанавливала дыхание в темноте. В носу стоял запах старости и отчаяния, которые исходили от Арги, ждущей смерти. Сама же я прислушивалась к привычным звукам леса и Волги, убеждая себя, что я дома, в безопасности.

С этими снами нужно что-то делать. Они были настолько реалистичными, что я уже почти поверила, что всё происходит наяву. Я чувствовала вкус пыли от копыт лошадей на языке, а кожа всё ещё горела от палящего южного солнца. Запахи овец и немых тел преследовали меня в этом состоянии между сном и явью.

Что это?

И может ли быть совпадением то, что у Дефтар из видения и у Невского из моей жизни совершенно одинаковые, невозможно-бирюзовые глаза?

Почему я никогда не видела их такими? Для меня Данила был всегда голубоглазым шатеном, но этот особенный бирюзовый оттенок и золотистые искры никогда не появлялись в его глазах. Или я просто не замечала...

Сердце билось как сумасшедшее, но я не хотела, чтобы этот сон уходил. Он пробудил во мне что-то первобытно-дикое, древнее. Я всем телом чувствовала злобу и страсть, сжигающую эту Аргу. Она хотела власти, и она получила её спол-

на. Только вот никто не сказал ей, что к власти необязательно должна прилагаться любовь. И как же жаль, что Дефтар ей не сдался... Он боролся с ней до последнего, хотя, если честно... Слабачок он какой-то. Не хотел бы с ней жить — ушёл бы от неё сразу же, своровал бы эту свою Игнур, и только его и видели!

Но неееет, Арга поймала его на обычный мужской крючок — амбиции и секс. И он трепыхался на нём до последнего. Все мужики такие — можно заставить его плясать под свою дудку, крепко зажав в руке писюн и помахивая перед носом яркими картинками великолепного будущего. Вот и Дефтар не удержался — променял свою любовь на власть и постельные утехи с женой своего повелителя. Так ему и надо!

Вот и Невский такой же! Вчера я позорно сбежала от него, бесцеремонно оттолкнув с дороги и сверкая пятками. Если понадобится — я прокачаю свои навыки в беге и буду держать дистанцию самым простым и древним способом. Я ни на секунду не поверила в его болтовню о том, что он жить без меня не может. Он же как-то жил без меня все эти десять лет? Значит, дело не в этом. Только тело по-прежнему реагирует на него, как у собаки Павлова. Но если держаться подальше, то и это пройдёт.

Мысли о Невском стряхнули с меня остатки сна. Дикая первобытная страсть уступила место жизни здесь и сейчас. Я любила это время перед рассветом — летом я выходила на берег Волги и встречала яркий солнечный диск, который

поднимался из-за города, если смотреть на него с моего берега реки. Я приходила на пустой пляж в купальнике, плескалась в холодной воде и чувствовала себя счастливой.

Жаль, что сейчас уже осень и в стылую воду я не полезу ни под каким предлогом. Но прогуляться я могу — тем более что в такую рань я точно не встречу Данилу.

Натянув кроссовки, собрав волосы в хвост и накинув худи, я спустилась по длинным ступеням к воде и повернулась лицом к воде. Огромная, ленивая, но мощная — река всегда давала силы. Я вдохнула всей грудью и прикрыла глаза. Внезапно вспомнилась сцена из сна — когда разрезанное запястье щипало от морской волны. Эхо той боли прокатилось и сейчас, и я невольно поглядела на руку. Там и вправду тянулась голубая венка, которая перерезала руку поперёк. Хмыкнув, я потёрла светлую кожу и занялась зарядкой.

Память снова услужливо подкинула сцену из прошлого. Момент, когда я узнала, что у Невского есть другая женщина там, в Москве, куда он готовился перевезти и меня. Я сдавала госэкзамены и готовилась к защите диплома, а он уже работал в адвокатской конторе и жил на два города.

Я уже плохо помню причину, по которой взяла в руки его телефон. Последующий шок смыл всё, что было прежде. Переписка, романтическая и мерзкая, навсегда запечатлелась в мозгу. Она ждала его там и готовилась к его приезду, пока тут он «завершал все дела». Она знала, что он женат, и подшучивала над его «деревенской Пенелопой». А он писал ей

нежные слова и обещал, что «скоро всё уладит».

Меня уладит.

Я плохо помню, что наговорила ему тогда. Невский вышел из душа, подтянутый и с капельками воды на загорелой коже. Он, как большой кот, стряхивал с себя капли большим полотенцем и выглядел довольным.

Всего один взгляд на телефон в моих руках и на лицо — и Данила Олегович всё понял.

— У нас ничего не было! — повторял он, как будто бы это имело хоть какое-то значение.

Он думал, что мне важно, трогал он чужую женщину или нет. Ему казалось, что пока его упругий второй мозг надёжно заперт в штанах, то ничего противозаконного не происходит. Чёртов юрист!

Мне было больно оттого, что другая женщина была в его мыслях, в его переписке. Что он думал не обо мне! Она воровала его время у меня, моё место в его голове и в его жизни. Он обсуждал меня с ней, вместе они насмехались над бедной студенткой, которая «втюрилась в препода, с кем не бывает?».

Тогда я сразу же порвала с ним. Я первая подала на развод и выкинула его из своей жизни. Точнее, сделала вид, что выкинула, потому что следующий год был самым худшим в моей жизни. Сейчас он казался сплошным чёрным пятном, который засасывал в себя все мои мысли, чувства и желания.

Каким-то образом я умудрилась сдать госы и защитить ди-

плом на «отлично». А после этого закинула документ в красной корочке в дальний ящик стола и навсегда о нём забыла. Путь «в юристы» отныне был для меня закрыт.

Мечты о том, как я в деловом костюме, на шпильках и со стильным строгим пучком на голове выступаю в зале суда, где все затаив дыхание слушают мои великолепные речи, теперь казались смешными. Без Невского и его одобрения всё теряло смысл...

Моя верная Наташка всё это время была рядом. Она приезжала ночами и оставалась у меня, невзирая на присутствие родителей. Из квартиры Невского я съехала сразу же, вернувшись в свою детскую комнату в родительской квартире. И мама молча открывала Наташке дверь, когда она приезжала ко мне после работы и ночевала со мной до утра.

Она отбирала у меня алкоголь и придумывала невероятные сценарии, как мой муж разочаруется в своей московской пассии. Как их вместе унесёт ураган или они врежутся в столб и покинут этот бренный мир вместе. Мы с ней смеялись до колик, а потом плакали вместе, и она снова таскала мне успокоительное с кухни, стараясь не шуметь среди ночи.

Если бы не она, я бы не выжила.

И теперь я тоже думала о подруге и уже жалела, что выключила телефон и оставила его в доме. Очень надо было просто поговорить, выслушать её спокойные дельные советы и взять себя в руки. Наташа бы помогла понять, что на самом деле нужно Невскому и зачем он опять вернулся в мою

жизнь.

С этими мыслями я поднялась и побрела в дом, на ходу обдумывая, что же мне делать дальше. На работе — он. В городе — он. Даже сюда приехал, рискуя шкурой. Если он попадётся на глаза моим родителям, то может уехать отсюда с переломанными ногами — по крайней мере, папа мне это вполне ясно обещал.

Калитка скрипнула, и серая бетонная плитка под ногами приглушила шаги. Где-то у соседей вовсю кукарекал петух, а в воздухе пахло осенней сыростью. Скорее бы уже пришла зима — чтобы проскочить всю эту серую хмарь и укрыть землю белым снегом. Будто бы ничего и не было...

Мама уже встала и поставила чайник. На газовой плите ровно горел голубой огонь, и металлический динозавр еле слышно потрескивал, грея для нас кипяток. Я помыла руки и принялась сооружать завтрак. Родители любили основательно поесть с утра — яичница, бутерброды с маслом и сыром, овсяная каша на молоке и сырые овощи. Это тебе не мой круассан и кофе перед работой...

Мы заварили крепкий чай и уселись друг напротив друга, намазывая бутерброды. Я на свой положила ещё и листик салата с помидором — так любила с детства.

— Что случилось, Алён? — как бы между прочим спросила мама. Она всегда всё чувствовала, и я всегда удивлялась этой её способности.

— Невский приехал, — вздохнула я. Скрывать не было

смысла — она всё равно об этом узнает.

За столом воцарилась тишина. Мамина рука с ножом застыла над маслом, а сама она задумалась. Но потом отмерла и спросила:

— И зачем он приехал?

— Говорит, что за мной, — кисло улыбнулась я и погрузила ложку в ароматную дымящуюся кашу. Не глядя сыпнула туда горсть орехов и изюма и сделала вид, что ничего важнее в моей жизни сейчас нет.

— И ты сбежала от него к нам? — утвердительно спросила она, и я не стала отвечать. Всё и так очевидно.

Мы молча завтракали, и я отметила, что у меня даже не пропал аппетит. Прогресс!

— И зачем ты ему понадобилась? — продолжила допрос мама.

— Говорит, что любит и жить без меня не может, — пожала я плечами и взяла хрустящий огурец.

— А ты разве не об этом мечтала? — тонко спросила она, отпивая горячий чай и привычно морщась оттого, что снова обожгла язык. Такое с ней всегда.

— О чём? Чтобы он приезжал раз в пять лет и помогался? — не поняла я её вопроса и впервые за утро посмотрела ей прямо в глаза.

— О том, что где-то в глубине души он любит только тебя, но вот только признать этого не может, — сказала она. Надо же!

— Ты правда думаешь, что я мечтаю об этом? Что он живёт где-то там свою лучшую красивую жизнь, потихоньку мечтая обо мне и орошая ночами подушку скупыми мужскими слезами? — хмыкнула я, но голос дрогнул и выдал меня с головой.

— Конечно, иначе бы ты так усердно не пряталась от него и от себя самой. Он сейчас женат? — безжалостно допрашивала мама, и я втянула шею в плечи.

— Да откуда я знаю! Я последние три года честно за ним не слежу! Меня нет в его соцсетях, и я удалила все его номера. Честно, мам, — сказала я и почувствовала себя как в детстве, когда мама ловила меня на том, что я перетаскала все конфеты из верхней полки шкафа.

— А Наташа твоя что говорит? — отрезала она все пути к отступлению.

— Наташа говорит, что был женат. А как сейчас — непонятно, в соцсетях ничего нет, — сдалась я.

Мама метнула на меня непонятный взгляд и снова отпила глоток из белой чашки с веткой сирени.

— Ну и что ты планируешь делать дальше? — поинтересовалась она светским тоном. Будто бы мы сидим в гостиной и обсуждаем погоду.

— Избегать его. Не подпускать к себе. Не верить его речам. Держаться подальше. Вариантов много, — ответила я и пожала плечами. Я и правда собиралась делать именно это.

— И как долго ты будешь от него бегать? Может быть, уже

стоит принять бой лицом к лицу и решить всё окончательно?

Я встала и отнесла пустую тарелку в раковину. Плохо, что у мамы тут нет посудомоечной машины, я уже очень привыкла не портить маникюр мыльным раствором на губке.

— Ну какой бой, мам? Какое лицо к лицу? Я всё это уже проходила, и ты помнишь, чем всё кончилось в прошлый раз! Как сильно он должен накосячить, чтобы ты поняла, что самый лучший выход для меня — просто с ним не встречаться?

— А ты не думаешь, что ты просто убегаешь от проблемы? Жизнь раз за разом сталкивает вас носом, чтобы вы разрешили наконец то, что происходит между вами. А ты просто убегаешь и тянешь за собой эту проблему на новый виток, — мама спокойно смотрела на меня, и её взгляд мог прожечь дырку во лбу.

— А что происходит между нами? Уважаемому Даниле Олеговичу просто в очередной раз стало скучно, и он вспомнил о той, которую всегда мог дергать за верёвочки. Так это и работает, мам! — я распалялась всё больше, выплескивая всё то, что наболело в душе. — Ты же знаешь, как это бывает. Когда в жизни что-то не ладится, ты вспоминаешь о том, кто тебя всегда любил и, быть может, любит и сейчас. И тогда достаёшь его из старой коробки, стряхиваешь пыль, и он тебе напоминает о том, что всё ещё тебя любит. Или любил. Такой, какая ты была когда-то — молодая, красивая, глупая. Тешишь своё самолюбие, убеждаешься, что кто-то

в этой жизни всё ещё к тебе равнодушен, и снова убираешь его в коробку до момента, когда тебе снова станет плохо. Разве не так это работает, мам?

Она смотрела на меня, вытирая тарелки, и не перебивала. — И я отказываюсь снова залезать в его коробку! Да, я его любила. Очень. Восхищалась, боготворила. Он казался мне тем самым, посланным судьбой. Я думала, что он самый умный. Да что там — гениальный юрист, который всегда найдёт выход и сможет научить меня тому же. И что потом? Он вытер об меня ноги и исчез, чтобы снова появиться, когда ему станет скучно. А потом ещё. Кто я для него? Альбом с ностальгией? Или, может, это у него кризис среднего возраста и он решил явиться, чтобы вернуть себе ощущение молодости и «я ещё ого-го»? — я остановилась, чтобы глотнуть воздуха. Ещё немного, и я точно заплачу. — Нет уж! У меня своя жизнь, которую я ещё сама не устроила. И я не разрешу лезть в неё грязными лапами и снова всё портить! Не теперь!

Я развернулась и вышла из кухни, удержавшись от подростковой привычки хлопнуть дверью. Почему в отчем доме всегда так — чувствуешь себя снова ребенком, и вновь появляется потребность что-то доказать родителям? Снова появляется детское ощущение беспомощности и что тебя никто не понимает.

Нет, надо уезжать. Срочно к Наташке — вместе мы придумаем, что делать. Может, мне уехать в отпуск? К морю. Как в моём сне — степь и море. И будь что будет.

В пустой электричке я бездумно смотрела в окно и размышляла. Побег к родителям ничего не дал — я только снова разозлилась сама на себя и поняла, что помощи ждать неоткуда. Наверное, мне хотелось защиты — чтобы, как в детстве, мама надрала зад любому, кто меня обидит. Я даже не дождалась папу со смены — побросала вещи в сумку и уехала первой же электричкой, извинившись перед мамой. Зря я с ней так — ещё давление поднимется. Не девочка уже, пора решать проблемы самой.

Немного подумав, я всё же включила телефон, потому что ехать было долго, и мне стало скучно. Открыв приложение с Алисой, я спросила у нейросети:

«Почему снятся яркие сны, в которых ты будто бы проживаешь целую жизнь и всё чувствуешь, как наяву?»

В ответ получила длинную простыню текста о нарушениях сна и его фазах. Причинами может быть стресс и психоэмоциональное напряжение. В конце мне посоветовали обратиться к сомнологу, неврологу или психотерапевту. Да уж, спасибо.

Но я не сдалась и принялась пытаться виртуальную Алису дальше:

«А если рассмотреть паранормальную точку зрения?»

Тут уже стало интереснее. Предупредив меня, что мы встаём на дорожку ненаучных знаний и верований, нейросеть всё же выдала, что сам факт таких снов может означать:

«Путешествия души/сознания

Связь с «высшим Я» или духовными наставниками

Прошлые жизни

Предсказание будущего (пророческие сны)

Взаимодействие с иными сущностями

Параллельные миры

Энергетическая работа по очищению тонких тел»

Возле каждого пункта шло пояснение, но взгляд скользил по ним мимо. Если моё видение ещё хоть сколько-нибудь напоминало путешествие души, то уж пророчеством не являлось точно. А вот за «прошлые жизни» глаз зацепился, и я неосознанно почесала запястье там, где его перерезала голубая венка. Хм.

Где-то глубоко внутри теллась догадка, что мой сон может означать воспоминание из прошлой жизни. И я бы легко от неё отмахнулась, если бы не бирюзовые глаза Невского. Могли ли мы встречаться в прошлой жизни?

И почему я раньше никогда не замечала тот самый оттенок его глаз, который сводил с ума Аргу в моём сне? Может быть, сознание само подтянуло его образ и дорисовало золотистые искры и всё такое? Почему-то мысли о видении не отпускали, и мне хотелось снова погрузиться в сон, чтобы разобраться в этом подробнее. Почему-то это казалось очень важным, и даже мой прагматичный разум в этот раз молчал. Что-то тут нечисто!

Глава 9

Глава 9

Карпаты, XIII век

Трава пела. Неровное гудение, похожее на издаваемое ро-
ем пчёл, поднималось из высоких зарослей ввысь и сплета-
лось в светлеющем небе с редкими криками проснувшихся
птиц.

Ноги промокли от росы и чуть выше сапог неприятно хо-
лодили кожу. Конь, которого я привязал чуть поодаль, нерв-
но прядал ушами и перебирал тонкими ногами. Я чувство-
вал его тревогу и хотел немного разогреть кровь, успевшую
остыть за долгую ночь в лесу.

Давным-давно меня уже должны были найти, но знакомые
звуки охотничьих рожков потерялись в лесу уже несколько
часов назад, а я впотьмах заблудился и вышел к незнакомым
местам совсем один. Хотя опасность мне не грозила — за
спиной был лук со стрелами, на поясе висел острый кинжал,
а верный меч то и дело бил по ногам длинными ножнами.
Скорее была усталость и лёгкая досада от того, что ночь при-
шлось провести в стылом лесу, а не в удобной постели.

Вибрация воздуха, которая отдавалась в ушах и будила
лёгкую дрожь в теле, усилилась. В гудении, исходящем от
травы, я начал различать отдельные слова и уже было повер-
нулся в ту сторону, чтобы подойти и разглядеть поближе,

но, повинуюсь инстинктам, быстро присел за валун и вытаращился во все глаза.

Из высокой травы встала девушка — тонкая фигурка и длинные красные волосы. Это от неё исходила непонятная вибрация, потому что девица простёрла тонкие руки к солнцу и запела. Высокий голосок взлетел, как птица, и все остальные певунии в лесу замолкли. А девица, осторожно ступая по высокой траве, всё ускорялась, а потом понеслась по лесной поляне, обнимая высокие травы руками и купаясь в холодной утренней росе. Но не это привлекло моё внимание. Девица была совершенно обнажённой — я видел её белую кожу и покрасневшие на прохладном ветерке щёки, коралловые сосцы и нежную округлость зада, который так и притягивал взгляд.

Что она делает? Будто кошка, она ластилась к траве и обтиралась утренней росой. Вся её манящая кожа покрылась капельками прозрачной влаги, и вся она, как бриллиант, переливалась в лучах рассветного солнца.

Почувствовав, что лёгким не хватает воздуха, я наконец осторожно вдохнул, и мне почудилось, что это был один с нею воздух. Красные завитки волос ласкали спину чуть повыше соблазнительных полукружий и скрывали её лицо, умело обрамляя его густой завесой.

Тело уже давно не слушалось меня. Мыслями я был где-то рядом с ней, скинув ненужную одежду и обтираясь студёной росой. Мои руки касались белой кожи, наматывали на кулак

копну ярких волос и безостановочно гладили стан. На самом же деле я чувствовал, как напряжено моё тело и боролся сам с собой, чтобы не выпрыгнуть из своего укрытия, не догнать и не растерзать юное тело.

— Каррр! — сзади меня в вышине раздалось требовательное воронье возмущение и я отвернулся, силясь рязглядеть чёртову птицу. Крупная ворона сидела на нижней ветке и сверлила меня своим глазами-бусинами.

— Пошла вон! — зашипел я на неё, а рука непроизвольно потянулась перекреститься, что я и сделал. Вроде бы утро уже, петухи должны были пропеть, поэтому опасаться некого... Разве что вороны да голой девчонки.

Только вот от девицы уже и след простыл. Солнце приветливо освещало лесную поляну жёлтыми лучами, но та уже была пуста. Проклятье!

Я поднял лук, достал стрелу и прицелился в ворону, так некстати отвлекшую меня от пленительного зрелища. Но та вспорхнула с ветки и улетела, громко разнося по лесу своё «Каррр!»

Поздно уже. Опустил лук, огляделся. Придётся выбирать самостоятельно, да по дневному времени труда не составит.

Княжий терем гудел от голосов и дыма. В пиршественной зале, где вокруг очага поставлены деревянные столы, набилось куча народу. Домочадцы и ближняя челядь, воины из

селения и уважаемые люди города невежливо толкались и проливали напитки. В деревянных мисах лежали крупные куски солонины: оленьи окорока, отмоченные после зимы в пиве и потом долго запекаемые в печи, издавали умопомрачительный аромат. Тут же стояли братины, полные кислого бледного вина с виноградников, растущих на южных склонах карпатских предгорий, и кувшины хмельного пива. Тусклые факелы на железных держалах коптили потолок у стен, и всё вместе давало легко узнаваемый смрад и дымный полумрак, свойственный любому затянувшемуся пиру.

— Давай же выпьем, сосед Яромир, за мир! — провозгласил пьяненький князь Добромысл, потрясая серебряной братиной — единственной ценной вещью за этим столом — и заржал над остроумной шуткой.

Я же, нехотя отвлёкшись от утренних воспоминаний, кивнул ему и веско добавил:

— И чтоб никаких нахлебников с востока! — и одним махом опрокинул в себя остатки кислого вина. Поморщившись, закусил корочкой ароматного хлеба и поднялся, покачиваясь от выпитого. — Устал я с дороги, князь, не вели гнеться, поживать мне пора!

— Иди, княже, отдыхай. А мы тут продолжим. Ежели проснёшься до утра — приходи, снова напоим! — и Добромысл опрокинул в себя ещё одну полную братину вина, отворачиваясь и ища себе следующего собеседника.

Ко мне из полумрака метнулся мой верный друг Миро-

слав:

— Какие будут приказы, князь? — но я помотал головой и хлопнул его ладонью по плечу:

— Отдыхай, Мир, я тоже пойду. Ты знаешь, куда нас поселили? — запоздало понял, что не успел как следует разузнать, где предстоит ночевать.

— Знаю. Изба отдельная, на самом краю городка. Вроде и хорошо — выбираться легко будет, а вроде как и без уважения, — омрачился трезвый Мир.

— Да будет тебе! Мы с дружбой приехали, а то, что от любопытных глаз подальше, так то даже лучше. Веди, — коротко скомандовал я и почувствовал, как от кислого вина противно ноет желудок. — И поскорее!

Мирослав и трое его друзей проводили меня по тёмным улицам городка прямо под самые стены — к высокому чаштоколу притулилась крохотная избёнка, окружённая невысоким заборчиком и с несколькими строениями вдоль него. Я ввалился в тёмное нутро дома и, не раздеваясь, рухнул на широкую лавку вдоль стены, подложив под голову собственный плащ, и тут же провалился в сон.

Чья-то ласковая рука гладила меня по волосам, по русой бороде, и в уши лился нежный шепоток:

— Не спи, Яромир, судьбу свою проспишь! — и смех её звенел, как тонкий колокольчик, удаляясь от меня к небесам. Я открыл глаза и будто бы снова очутился на той поля-

не, где красноглазая дева купалась в утренней росе и бегала нагишом по лесу. Только теперь она убегала от меня, а я гнался следом, путаясь в высокой траве. Меня вёл древний инстинкт охотника, который упрямо гнал вперёд, повелевая догнать, повалить и утащить под ближайший куст.

Я размахнулся и саданул кулаком по мешающей ветке, и руку пронзила острая боль. Открыв глаза, я с раздражением заметил, что разбил костяшки в кровь о деревянные бока гостевой избы, где уснул вчера, не раздеваясь.

В окошки лился утренний свет и больно резал глаза. Тяжёлая голова раскалывалась от боли каждый раз, как я её поднимал. Сухой язык наждаком резал щёки изнутри, и, казалось, не помещался во рту. Чёртово вино, не стоило столько пить!

Крутнувшись на скамье, я неловко сел и зажал голову между ладонями, низко опустив её над коленями. Переждав приступ тошноты, поднялся и вышел вон в поисках прохладной воды.

На крыльце, сразу за дверью, укутавшись в шерстяной плащ, спал Мирослав. Стукнув его хорошенько створкой, я подошёл к перилам и оглядел двор. Мир потёр спину и подошёл следом.

— Воды? — угадал он. Я пробормотал невнятное «угу», и он пошёл вперёд к колодцу, стоящему посреди улицы. Вокруг былолюдно — небольшую площадь с колодцем окружали такие же дворы, как и наш, и у него уже толпились ба-

бы с пустыми вёдрами.Я

Я ухмыльнулся, проходя вдоль стройного ряда свежих по утреннему делу бабёнок, услужливо расступившихся перед знатым господарем. Мир ловко подхватил ведро на цепи и поднёс напиться. А потом без предупреждения опрокинул его содержимое мне на голову.

— Ах ты ж... — выругался я от неожиданности и накинулся на него: — Какого лешего ты мне одежду намочил?

— Ничего, княже, сымай, — проговорил он и стянул с меня камзол и рубашку, оставив в одних штанах да кожаных сапогах, в которые по счастливой случайности не попала вода. — У тебя и свежая есть, а пред княжеской семьёй негоже в грязном появляться.

Я согласился и скомандовал:

— Тогда давай ещё лей! — и приготовился к порции колодезной водицы. За спиной слышались смешки и игривыенамёки:

— Айда князь, каков, а?!

— А силища-то какая, видали? Вон как мускулами играет!

— Чай ночью не в ту избу забредет, да ко мне под бочок, — и я услышал хохот, полетевший над утренней площадью. Незаметно улыбнулся и напрягся сильнее — а пусть любуются, от меня не убудет.

— Вот какой муж должен быть у Златки нашей, не чета старому Ждану, — проговорила какая-то бабёнка, а вторая

хохотнул в ответ:

— А чё это Златке? Он бы и мне сгодился!

В этот момент на мою голову с красными ушами вылился целый каскад воды, и я перестал слышать вольные смешки, втянув сквозь зубы воздух и удерживая грязную ругань. Ну Мир, ну зараза!

Развернувшись, я молча устремился в избу, не преминув ущипнуть ближайшую бабёнку за мягкое место. А пусть за языками следят, больно распоясались!

Спустя несколько часов, которые я провёл, избавляясь от мучительного похмелья, настало время идти на княжеский двор — там предстояла церемония заключения договора и знакомства с владетельной семьёй. Сегодня зван был не только я, но и несколько соседей Добромысла. Его маленькое княжество со всех сторон окружали такие же крошечные, но условно независимые земли, и каждый так и норовил урвать себе кусочек от края соседа.

Мы с князем Добромыслом заключили устное соглашение о том, что он будет пользоваться серебряным рудником на моей земле, а я за то буду иметь право провозить через его земли металл и соль беспрепятственно, не оплачивая никаких пошлин. Сомнительное предприятие, но у меня была тайная цель, о которой никто не должен знать.

На великом подворье уже была толпа. Прямо перед высоким крыльцом постелен ковёр и вышитая дорожка, в конце которой восседал Добромysl, который, несмотря на вче-

рашнюю пьянку, был свеж и собран. Сбоку от него, на резном деревянном кресле, покрытом тонким сукном, восседала девушка.

Когда мы со свитой пробрались на первый ряд, толпа неожиданно расступилась и образовала проход.

— А вот и князь Яромир собственной персоной! — радужно провозгласил Добромысл и слегка привстал над своим тронным креслом. — Мы с ним заключаем сегодня союз и надеемся мирно соседствовать ещё долгие годы!

Хорошо поставленный голос князя разносился над толпой, а девушка по правую руку от него чуть выше приподняла подбородок и увела взгляд куда-то над толпой. Было видно, что нарочно не хочет смотреть на меня и моих соратников.

— Князь Яромир, позволь представить тебе мою дочь. Златослава, поприветствуй соседа! — торжественно вещал Добромысл и с любовью поглаживал дочку по руке. Она была настоящая красавица — открытое ясное лицо, тяжёлые каштановые косы на груди богато украшены лентами с бусинами. Округлый носик, прозрачные карие глаза и чётко очерченные губы. В ушах серёжки, которые покачиваются при каждом движении. Тонкую рубаху с богатой вышивкой натягивает полная грудь, из-под подола виднеются стройные лодыжки. Ничего общего с тучным Добромыслом — как такая фея могла уродиться от такого рыхлого толстяка?

Я с удовольствием улыбнулся красавице и галантно по-

клонился, приветствуя в соответствии с её положением и красотой. Златослава надменно кивнула и улыбнулась одними уголками губ. И всё равно осталась красавицей — высокомерная холодность её совсем не портила.

Следом за нами подошёл князь Радомир и князь Ждан, что прибыли сегодня утром и не застали вчерашний пир. Церемония приветствий и обмена соглашениями закончилась, и началась самая любимая часть — развлечения.

Нечасто хорватские князья собирались вместе, чтобы поохотиться и напиться от души, а оттого все были веселы от одного только предвкушения. По нашему уговору Мир и его дружинники должны были оставаться трезвыми, чтобы нести свою службу. Это потом, когда вернёмся домой, я отпущу их гулянуть как следует. А сейчас у кого-то должна быть трезвая голова и ясный ум.

На следующее утро была назначена охота, но я не хотел болтаться без дела и велел оседлать коня. Что может быть глупее, чем охотиться в незнакомом лесу? Я хотел лично осмотреть уголья и быть готовым ко всему, а главное — не ударить в грязь лицом.

И где-то в глубине души ещё тлела маленькая надежда встретить красноволосую деву, что привиделась вчера утром. Чем в этих местах чёрт не шутит?

Кто ходит по лесу ночами? Старая бабка, что качала мою колыбель, а потом пугала байками у горящего очага долгими

зимними вечерами, сказывала, что ответ один — нечисть. Ну а кто в здравом уме пойдёт в лес после захода солнца? Всем известно, что там леший тропинки путает, а кикиморы в болото увлекают. Баба Рога, что похищает детей, живёт как раз в самой лихой чащобе. А ещё моры и вештицы, что днём притворяются крестьянками, а ночью творят нехорошие дела под сенью леса — вылетают из тела, превращаются в животных, насылают морок. Оттого и нет дороги в лес после заката, и поэтому меня охватывает лёгкая дрожь, когда я в сумерках переставляю ноги по еле различимой тропинке. Мир до последнего рвался меня проводить, но не мог же я ему признаться, что иду искать голую девку?

Он и так уже прозрачно намекал, что пара шустрых бабёнок, что любовались мною у колодца, пытались его подкупить, чтобы «провёл до князя». Но мне было не до них — какой интерес брать то, что само идёт в руки? То ли дело лесная фея, которая показалась, но не далась. Вот где настоящая охота, вот где азарт!

Мой конь был привязан на знакомой поляне, а сам я блуждал по здешним местам уже несколько часов, одновременно страшась и желая продержаться до сумерек. Но вот и голубоватые тени окутали лес, а лесной девы всё не было. Уж не привиделась ли мне она? Не пора ли покинуть лес, пока не набрёл на вештицу или не свернул на тропинку лешего?

Но кровь бурлила, а возвращаться ни с чем не хотелось. Азарт гнал вперёд — мимо тропинок, через поваленные де-

ревья и покрытые мхом пни.

Когда над лесом взошла полная Луна, а желудок забурлил от голода, нос вдруг уловил аромат жареного мяса. Во рту набралась злая слюна, а инстинкт повёл вперёд, переставляя заплетающиеся ноги. Дымок вёл вперёд, и я уже не успевал замечать знаки, по которым надеялся вернуться назад, к городку.

Дым стал гуще и я услышал звуки чужого веселья. Сквозь шершавые стволы деревьев были видны языки пламени, слышалось голоса. Я пригнулся и постарался не дышать, чтобы не спугнуть ненароком гуляющих, подбираясь как можно ближе.

Поляна была мне незнакома — она располагалась рядом с пещерой, от которой был отодвинут валун. В самом центре горел костёр, чьи языки рвались высоко вверх и освещали лица женщин. Дух захватило от сцены, открывшейся перед моими глазами.

Вокруг костра, извиваясь и хохоча, танцевали пятеро женщин. Их тела были полуприкрыты, но я не понял, что на них было надето. То тут, то там в танце мелькало то гладкое плечо, то голая коленка. Одна из девиц, прогнувшись в спине, сверкнула белой грудью с красным соском, и, жарко хохоча, крутнулась вокруг своей оси. Другие тенями двигались по кругу, и костёр выхватывал их обнажённые тела с блестящей кожей и длинные распущенные волосы с запутавшимися в них травами. Не сразу я различил, что ритм их танцу прида-

вал какой-то мерный стук, издаваемый от натянутой на деревянную раму шкуры и палки, опускающейся на неё с завораживающей частотой.

Девыцы хохотали и по очереди прикладывались к чаше, наполненной какой-то жидкостью. Их лица были расслаблены, движения плавны и горячи, и я почувствовал, как моё тело напряглось и ответило на их зов. Подобравшись ещё ближе, я разглядел знаки на их лице, нанесённые тёмной краской. Ритм танца стал быстрее, движения — лихорадочнее, и я увидел, как лесные ведьмы поскидывали остатки тряпья с тел и остались совершенно обнажёнными. Тёмные треугольники между их ног бесстыдно выставлялись напоказ, бёдра призывно виляли, и всё вместе являло собой самое греховное зрелище из тех, что я видел.

Тело само понесло меня вперёд — туда, где в безудержном пороке извивались стройные тела. Мне показалось, что у одной из них я разглядел красные кудри, и дыхание сбилось. Что я делаю? Зачем выхожу к костру?

Заливистый смех, тонкие руки, обвивающие шею. Разум туманится и я понимаю, что совершенно не владею собой. Вот в руках одной бесстыдницы оказалась моя рубашка, а эта со смехом примеряет мой пояс с кинжалом. Лук со стрелами валится к ногам, и вот я уже освобождён от сапог и чувствую, как свежий ветер шевелит волосы между ног.

Вокруг меня лесные ведьмы, их маленькие ручки поглаживают кожу, дразнят, кусают, заставляют восставать плоть

и смеются, обдавая запахом пота и металла. Вот снова красноволосая — и я узнаю её стан, её манеру двигаться. Кожа её светится сильнее других, и я теряю голову от похоти и необъяснимого счастья.

Но она ускользает, хохоча, и я уже продолжаю дикий танец у костра вместе с ними. Девы дразнят, но в руки не даются. Стук палки о кожу становится всё быстрее, и вот я уже не могу дышать, в боку колет и живот сводит от необъяснимого голода.

Девы отходят от костра и подходят к алтарю, накрытому шкурой, вывернутой мехом наружу. Они танцуют, поют и произносят какие-то шумные заклинания. Воздух вокруг гудит, наливается силой и с бешеным упорством колет мою кожу маленькими молниями. Я и не думал, что можно так ясно чувствовать и одновременно испытывать восторг, тоску, голод, похоть и желание прикоснуться к чему-то запретному.

Девы меж тем расступились, сверкая гладкими ягодицами, и начали по кругу передавать чашу с жидкостью. Красноволосая, глядя прямо мне в глаза, пролила содержимое себе на грудь и, передав братину, начала размазывать по себе густую тёмную жижу, призывно отглаживая бесстыдно торчащую грудь, ровные ряды рёбер и треугольник плоского живота. Дыхание зашлось от животного ужаса, когда я понял, почему от неё пахнет металлом и сырым мясом. Это была кровь!

Бросив взгляд на алтарь, я увидел, что там лежит чья-то туша. Но чья?! Чью кровь они пили?! Ужас пронзил мою голову, колени подкосились и дальше я уже ничего не видел.

Глава 10

Самара, 2025

Невский

Я резко открыл глаза и уставился на стену. На нём неровным прямоугольником ползло отражение окна, освещённого уличным фонарём возле дома. Никак не привыкну, что здесь у меня нет ни блэкаут штор, ни защиты от звуков жизнедеятельности соседей. И то и другое досаждало, но не настолько сильно, чтобы отложить все дела и заняться этим незамедлительно.

На столе, придвинутом к дивану, всё ещё маячил открытой крышкой ноутбук, а рядом стояло три немытых стакана. Вчера, вернувшись из-за города, я до ночи просидел над свежими документами, но так и не смог сосредоточиться настолько, чтобы выработать мало-мальски внятную стратегию по решению этого вопроса.

Мельком глянув на экран смартфона, решил, что ложиться дальше нет смысла. На часах 5:30, а значит, есть время привести себя в порядок и подготовиться к рабочему дню.

В горячем душе долго отмокал, собирая мысли в комок. О вчерашней встрече с Алёной я подумаю после, сейчас было важно вовремя отправить в контору ту информацию, что успел собрать по земельным участкам, ради которых я вернулся в родной регион.

В холодильнике одиноко стоял пакет ультрапастеризованного молока и упаковка яиц. Да, обещал себе уже третий день заказать доставку, но всё как-то не с руки. А в шесть утра вряд ли какой-то курьер привезёт мне горячий завтрак.

А ещё хотелось кофе, чтобы прочистить мозги, которые будто заволокло туманом. Но даже растворимого кофе на пустой кухне не было, поэтому пришлось одеваться и идти до ближайшей забегаловки с завтраками. Рядом тут был только бывший «Макдоналдс», один из первых открывшихся в городе.

В три шага добежал до едальни, потому что она буквально была видна из моего окна. Помню, как мы студентами заваливались туда после пар и «шиковали», наскребая денег только на самый дешёвый гамбургер или порцию картошки фри.

Сейчас же прыщавый заспанный юнец принёс мне бургер с яичницей, горячий кофе и сырники. Резиновая еда показалась божественной, и я быстро почувствовал сытость. Но возвращаться в пыльную квартиру не хотелось, поэтому пришлось достать ноутбук из рюкзака, который предусмотрительно везде таскаю с собой, и углубился в чтение.

Дело было не из простых. Один влиятельный и в прошлом не самый чистый перед законом человек задумал построить коттеджный посёлок в одном из благодатных с экологической точки зрения районов Самарской области. И пути было два. Первый — узнать, какие участки отведены под ком-

плексную застройку, идти в администрацию района и подавать заявку. Чиновники разрабатывают документацию и организывают торги на право заключить договор о комплексной застройке территории. При этом на застройщика вешают обязательства построить всю инфраструктуру, выставляют условия по подключению к сетям и по созданию благоустройства. Дорого, долго и не факт, что ты выиграешь торги.

Но есть и другой путь — как правило, земля, интересная застройщику, находится в долевой собственности простых сельских работяг — тех самых, которые получили её после развала колхозов. И можно её быстренько купить, а потом в администрации подать заявление на изменение зонирования — чтобы установить там зону жилой застройки. И вуаля — ты собственник земли в удачном районе, с правом строить жилые дома. Дальше уже, как фантазия ляжет — можно нарезать участок на много маленьких, настроить коттеджей и продать. А можно образовать десяток больших участков и продать по своим — и устроить себе закрытое комьюнити в экологически чистом месте без лишних глаз и ушей.

Естественно, мы пошли по второму пути. И здесь нас ждала другая проблема — не все частники роняют тапки и спешат продать свою долю. Если действовать неосторожно, то местные пронюхают про то, что кто-то скупает участки и задерут цену. А то и вовсе откажутся продавать. И вот сейчас, судя по всему, произошла утечка информации. Один

из частников наотрез отказался продавать свою долю. Мне предстояло выяснить причину и провести переговоры. А заодно решить свои собственные дела, потому что в Самаре я не только занимаюсь делами конторы, но и отсиживаюсь, пока мой партнер пытается отмазать меня от одного мрачного дела, в которое я влип по собственной глупости.

Но даже такой несложный вопрос, как переговоры с бывшим колхозником, я не мог решить прямо сейчас. Слишком много нюансов было здесь завязано. Клиент конторы был очень влиятельным человеком и при желании мог продвинуть и решить вопрос на своём (я подозревал — силовом) уровне, но тогда он мог создать ещё больше проблем. А еще были отношения с ним Богданова — моего партнера и второго владельца конторы. Тут нельзя было налажать, но и подставиться тоже — нельзя.

Разглядывая результаты топографической съёмки, я не заметил, как толкнул ладонью картонный стаканчик с кофе и залил коричневой жижой половину клавиатуры.

Твою мать!!! Сладкий кофе с молоком! Непрерывно ругаясь, я перевернул ноутбук вверх тормашками, чтобы жидкость вытекала наружу, и начал спешно вытирать её салфетками. Так как в зале по раннему времени был я один, то на мои маты быстро прибежала молодая девочка в форменной одежде и с целой пачкой салфеток, и вместе мы попытались исправить ситуацию.

Я уже знал, что делать — это был третий ноут за послед-

ний год. Привычка есть за делами и пить литрами кофе по теории вероятности увеличивала мои шансы на заливание клавиатуры. Проклятье...

Выругавшись в последний раз, я поймал взгляд девчушки, вытирающей залитый стол. Она сочувственно посмотрела на меня и даже попыталась хлопнуть ресницами по привычке, но я был слишком зол, чтобы ответить на её интерес. Быстро собрав рюкзак, я пошёл греть машину, чтобы ехать в ближайший сервис по ремонту заморской яблочной техники. Схема была дорогая и отработанная. Самый важный вопрос был — где взять рабочий ноут на то время, что будут восстанавливать мой?!

Сев в ледяную машину, поёжился. Ночи стояли прохладные, но без отрицательных температур. Поэтому, дождавшись, когда обороты опустятся до тысячи, я стартанул по Ново-Садовой и через пару кварталов уже парковался у торгово-офисного центра. Никто в такую рань, естественно, ещё не работал.

У меня появилось время на подумать, но мысли, как ни странно, вертелись не вокруг земельного участка под стройку, а вокруг Алёны.

Мне было стыдно. Это чувство неизменно преследовало всякий раз, когда я о ней думал. За прошлое, за настоящее... Что за позёрство я перед ней устроил? Личный бренд, СМИ, бла-бла-бла. Порой я делал такие вещи, которые никогда в жизни не пришли бы мне в голову, если бы не она. Её присут-

ствие, да что там — просто мысли о ней толкали на необъяснимые поступки. Меня клинило, а потом я долго разгребал последствия всего, что наворотил.

И самое мерзкое было то, что в этот раз я не врал. Наша с ней история в последнее время высасывала из меня все силы. И почему-то именно сейчас, когда мне уже идёт пятый десяток, мне не дают покоя мысли о ней. Как баба, думаю над отношениями, вместо того, чтобы заняться делом!

Я выскочил из машины, хлопнув дверью, и решил побродить по центру, чтобы немного сменить направление мыслей. Алёна постоянно отталкивала меня, и этому есть много причин. Не лучше ли убраться из Самары и больше никогда не показываться ей на глаза?

Нарезая круги возле ремонтников, которые оформляли мой ноут в сервис, я злился на весь мир вокруг. Как же не кстати я остался без компьютера! Документы в облаке, тут всё нормально. Но окунуться с головой в работу — вот то лекарство, которое точно поможет отвлечься. Я не могу и не хочу думать о бывшей жене, которой свалился как снег на голову.

И одновременно не мог восхититься чувством охоты и азарта, которое испытывал. Оно зудело в ладонях — и заставляло караулить её в тех местах, где я точно знал, что она появится. Это развлекало и забавляло, а ещё заставляло чувствовать себя живым.

Внезапно зазвонил телефон — Богданов:

— Даня, ты чё там, охренел?! — взревела трубка и я, быстро убрав банковскую карточку карман, вышел из офиса. — Ты чё там удумал? Какой филиал, какой личный бренд? Рекламное агентство? Я тебя просил тихо сидеть!

— Счёт получил? — хмыкнул я, не удержавшись. Саня Богданов был финансовой основой нашей конторы, он всегда чётко контролировал расходы и именно он сделал нас состоятельными.

— Да! Чё ты ржёшь? Ты в Самару чё попёрся — посидеть спокойно, порешать вопросыки, полечить голову и оказаться подальше от... сам знаешь кого, — продолжал орать Саня, но именно его крик привёл меня в чувство и рассеял ту муть, которая крутилась в голове.

— Потихе, Дамблдор, я всё помню. Просто... решал как раз свои дела и немного увлёкся, — попробовал я его успокоить.

— Да пошёл ты! Увлёкся он! Сиди и не отсвечивай! Никакую рекламу я тебе оплачивать не буду! Найдёшь там местных клиентов — зашибись, фактуру ты знаешь, старые связи поднимешь. Не найдёшь — считай, в отпуск съездил. Ты документы по посёлку смотрел?

— Смотрел. Пока не решил, как будем действовать. К вечеру отпишусь и скину задачи студентам, — отрезал я, решив ничего не говорить про ноутбук. Череда неудач, которая преследовала меня в последнее время, тоже повлияла на то, что пришлось вернуться в родные пенаты.

— Давай, не тяни, там Воронцов копытом бьёт, как бы не прибил, — отшутился Богданов и отключился.

Чёрт. Некрасиво получится с рекламой. Кину Алёну с выгодным контрактом, получается. Ну что за шиза? Почему всё, что её касается, всегда получается через жопу? Чувство вины не отпускает, что бы я ни делал. Опять я выгляжу мураком.

Ну и как мне теперь с ней объясняться? Поржёт надо мной и как пацана выгонит.

Я тяжело вздохнул и набрал единственного человека в Самаре, кто мог мне помочь. Всегда помогал и выручал. Наверное, там я ноутбук на время смогу раздобыть.

К вечеру я успел подготовить план, по которому мы сможем безболезненно вырулить в вопросе с коттеджем посёлком. Студентам — так мы называли младших сотрудников в нашей юридической конторе, несмотря на то, что все они были дипломированные юристы — ушло задание разослать запросы по ведомствам, сам я связался с кадастровым инженером и попросил уточнить кое-какие детали. Проект письма клиенту и план действий тоже был готов. И я чувствовал себя на редкость паршиво.

Возвращаться в пустую квартиру не хотелось, но дальше злоупотреблять гостеприимством подруги было нельзя. Я взял то, зачем заезжал — ноутбук — и обещал вернуть его на следующей неделе.

— У тебя усталый вид. Ты не болеешь? — озабоченно спросила она и пощупала лоб. Я мотнул головой и быстро обулся, чмокнув её в щёку.

— Спасибо, не беспокойся за меня. Я тебе очень благодарен, — искренне сказал я и вышел за дверь.

— Да что уж там, — вздохнула она и я услышал, как лязгнул замок на двери.

На самом деле самочувствие и вправду было не очень. Мышцы ломило, а глаза будто засыпало песком. Хотелось лечь и не двигаться. Правда, что ли, заболеваю?

Доехав до двора, бросил машину у обочины и уже на последних оборотах зашёл в подъезд. В сталинке с высокими потолками не было лифта, и одолеть четыре пролёта пешком сейчас оказалось очень сложным делом. На третьем этаже дыхание сбилось и пришлось остановиться, чтобы опереться на стену. Странное дело, обычно я махом взлетал на свой этаж и проблем не было. На лбу выступил пот.

Внезапно дорогу мне перегородила кошка. Она была какая-то плешивая и требовательно мяукала, задрав хвост.

— Чего тебе, блохастая? — не удержался я. Когда-то в детстве у меня было много кошек, потому что жил я за городом и мама привечала всех хвостатых в округе. Две жили в доме, и ещё около десятка приходило кормиться каждый день.

— Мяу! — открыл розовую пасть этот кусок грязной шерсти и сел у меня на пути.

— Прости, корма нету. Мне бы самому закупиться, — развёл я руками и пошёл преодолевать последний пролёт. Блохастая увязалась за мной. Шла рядом по ступенькам, не оглядываясь. Потом проскользнула в дверь, стоило мне только приоткрыть её.

— Э, ты куда?! — возмутился я. — Давай назад, я тебя не приглашал!

Но драная кошка уже ушла вглубь квартиры, и я растерялся от такой наглости.

— Слушай, ну ты наглая, конечно. Я почти уверен, что ты баба, потому что только у них столько нахальства! Кис-кис-кис, — фальшивым голосом позвал её, чтобы выставить за дверь. — Эй! Мне самому хозяйка нужна, хотя бы чтобы борщ приготовила, опять жрать нечего! И для тебя тоже ничего нет!

Но киса не отзывалась. Пройдя по всем комнатам, я осмотрел и углы и понял, что она заникалась где-то под кроватью, или под диваном, или за шкафом. Квартира была полна вещей из прошлой жизни — именно в ней я жил до отъезда в Москву, а потом и в Питер. И не стал продавать, потому что в этом не было смысла. Сначала сдавал, а потом, когда съехали последние арендаторы, это потеряло смысл. Возникло больше, чем радости от дохода. Поэтому я останавливался здесь, когда приезжал в гости к маме и просто по делам — такая вот командировочная квартира.

Голова уже не просто гудела, а болела. Давило виски и лоб,

и хотелось лечь и не двигаться. Поэтому я плюнул на кошку и пошёл на диван. Включив телевизор фоном и взяв в руки телефон, первым делом открыл приложение доставки.

Судя по всему, я готовлюсь заболеть, поэтому мне понадобится еда, бутилированная вода и кое-какие лекарства. По-тыкав в экран, я заказал доставку продуктов и в аптечном приложении наполнил корзину ибупрофеном, витамином С и спреем от боли в горле — профессиональная особенность, простуда всегда начинается с фарингита. Немного подумал и добавил ещё ромашкового чая — мама научила.

Потом закрыл глаза и провалился в сон, пока в дверь не позвонил курьер. Чертыхаясь, дополз до двери и открыл — человек в розовой форме протягивал увесистый пакет. Я взял продукты и спросил:

— Чаевые хочешь заработать?

— Ну? — тот нехотя оторвался от телефона, в который уткнулся сразу же как отдал заказ.

— Сбегай в аптеку за заказом. Приболел. Держи сотню, ещё пять дам, когда принесёшь лекарства.

Тот посмотрел на меня долгим взглядом.

— Да ничего запрещенного! От простуды лекарства. Я в приложении уже всё оплатил, — заверил его я.

— Ну ладно, давайте, — решился курьер, а я вздохнул с облегчением. Телепаться до аптеки и снова подниматься на четвёртый этаж не хотелось.

— И это... захвати там кошачий корм, если будет. Я денег

дам, — вспомнил я про блохастую, сидящую под диваном. — Пакетиков пять.

Курьер ушёл, а я пошёл на кухню раскладывать продукты. Жить один я привык — с момента развода со второй женой прошел уже целый год. Самая первая простуда далась нелегко — рука сама тянулась позвонить бывшей и спросить, что делать. Но я вспомнил известный мем «Сперва ты ругаешься с женой, а потом берёшь из её рук таблетки, не перепроверяя» и позвонил маме.

Так я узнал, что делать и как лечиться, если простыл. Ну а в более сложных случаях просто вызывал врача. С готовкой было сложнее — еда на скорую руку уже не устраивала, но тратить силы на неё не хотелось. Поэтому я привык к полуфабрикатам в морозилке и обедам в ресторане. Ну а на завтрак и ужин выручали замороженные сырники, яичница и что-нибудь колбасное. Дорогая ветчина, хамон или премиальные сосиски. Снежана — бывшая жена номер два — сошла бы с ума от такого рациона. С ней мы питались листьями салата, семенами чиа и куриной грудкой.

Выгрузив базовый набор холостяка в холодильник, я пошёл открывать дверь курьеру. Он всё принёс как надо, и я взял у него номер телефона на всякий случай. Всегда полезно иметь помощь в городе, где уже успел стать чужим.

Вздыхнув, я достал чистую миску, выдавил туда паштет из пакета и поставил на пол. Потом, немного подумав, налил воды.

— Кис-кис-кис, — чувствуя себя немного идиотом, позвал я незваную гостью. — Иди ешь!

Но блохастая не появилась. Бойтся? Думает, поймаю и выброшу? Я бы, честно, так и сделал. Но сил на это не было. Я залил чайник водой, поставил кипятиться и достал ромашку. Пока ждал кипятка, выпил двойную дозу витамина С и достал телефон.

«Привет», — ждало меня сообщение от Алёны. Вот чёрт! Она сама мне написала?!

«Привет, Алён», — напечатал я и задумался. Что бы такое написать, чтобы не отпугнуть? Решил ничего не делать. Подожду.

Чайник засвистел и я плеснул кипятка в чашку с надписью «Лучший муж» и пакетиком ромашки. Запахло детством и домом. Бережно взяв горячую кружку и телефон, пошёл на диван. Ожидание ответа затянулось.

«Ты хотел поговорить? Давай поговорим», — высветилось на экране, когда я уже отчаялся ждать.

«Давай», — написал я и задумался. Потом добавил:

«Только я приболел и пока не выхожу из дома. Поэтому встретиться прямо сейчас не могу».

Берём курс на правду. Как бы стрёмно не было признаваться в слабости и прочей дичи.

«Я не готова к встрече. Ты можешь написать сейчас, что тебе от меня нужно»

Вот как, значит. Максимально дистанционный и безопас-

ный способ. Раньше мы переписывались днями и ночами, были на связи круглые сутки. Но как бы мне ни казалось, что я чувствую её через пространство и время, всё равно часто получалось так, что она неверно считывала мои эмоции и смысл фраз.

«Это плохая идея. Мы можем неправильно понять друг друга. Давай просто встретимся через пару дней, когда я приду в норму»

Она не ответила. Зря я бесцельно держал в руках телефон, ожидая ответа. Спугнул.

Тяжело вздохнув, я наконец отложил его, собираясь вздремнуть. Но тут услышал чавканье из кухни — кто-то торопливо поедал лакомство и запивал его водой. Ну что ж, все дела сделаны, теперь и правда можно поспать.

Но сон, как назло, не шёл. Голова болела, мышцы ломило, а в голове поочередно проносились отрывки фраз «проверить кадастровый номер», «сделать новый запрос», «заказать букет Алёне», «а вдруг у кошки глисты». Тяжело вздохнув, снова взял телефон и принялся заполнять календарь на завтра — не забыть то, не забыть это. Завтра позвоню Богданову и возьму самоотвод на пару дней, чтобы не закидывал работой. Сам сказал, что у меня отдых.

А потом позволил себе сделать то, чего стыдился и к чему тайно стремился почти каждый день. Открыл соцсети Алёны и начал в сотый раз листать её фотографии. Я был зарегистрирован под фейковым аккаунтом, состоящим из ничего

не значащих букв и цифр, и никогда не ставил лайки. Просто молча, как вuaiерист, подглядывал за её жизнью.

Отмечал, как меняется Алёнина причёска и цвет волос, уровень загара в зависимости от времени года. Скучал по улыбке. Смотрел, как развлекается с подружками и как кто-то дарит ей цветы. Облегчённо вздыхал, убедившись, что замуж так и не вышла. Значит, ещё есть дорога назад, даже если через крошечную дырку в заборе.

Всю жизнь, даже когда я ушёл и выбрал карьеру, а потом и Снежану, я в глубине души верил, что Алёна создана только для меня. Никто не оценит её по достоинству так, как я. Её глубину и ранимость, достоинства и даже недостатки. И то, что она столько лет остаётся одна — тоже косвенно это доказывает.

Возможно, кому-то это покажется эгоистичным, но моё самолюбие утешалось этим, пока я находился вдали. Я причинил ей много боли, но мне всегда казалось, что стоит только как следует объяснить и попросить прощения, как она поймёт и простит. И я хотел вернуться на коне — и кинуть к её ногам весь мир так, чтобы она не могла отказаться. А в итоге припёрся разведённый, больной и с проблемами на работе.

Но Алёна простит, я это точно знал. Просто поломается чуть подольше — и я это заслужил. Просто теперь я уверен, что мне нужна только она одна.

А чтобы немного ускорить свою победу, в голове возник

план. Я прокрался на кухню и схватил приبلудную кошку за хвост в момент, когда она закончила есть и была готова смотаться снова в своё укрытие.

Блохастая притихла, будто в ожидании наказания, и втянула морду в шею. Я же разблокировал телефон, щёлкнул наше с кошкой селфи и отослал Алёне с припиской:

«У меня тут форс-мажор приبلудился. Покормил. Что ещё с ней надо сделать, чтобы помочь кошке?»

Беспроегрышный вариант. Жалость и любовь к животным всё сделают за меня. Теперь есть безопасный предлог для общения, и я окажусь на шаг ближе к цели. Бинго!

Глава 11

Карпаты, XIII век

— Ну и тяжеленный ты, князь, — пропел тонкий голосок и я тут же открыл глаза. На меня смотрело умытое лицо молоденькой девицы с распущенными красными волосами. Дева из леса!

Я попробовал приподняться, но затылок ломило и от напряжения на лбу выступил пот.

— Не стоит так пить, коли не умеешь, — со скрытой усмешкой проворковала она и протянула руку, за которую я тут же ухватился. Пальцы будто обдало кипятком, но я только сильнее сжал тонкую ладонь и немного поморщился. С её помощью я сел, привалившись спиной к чему-то холодному и сырому. Да и вообще всё здесь было каким-то лишённым тепла и жизни. Ни солнечного света, ни ветерка. Только тонкие языки пламени от лучинки, вставленной в расщелину скалы. Э, да я в пещере!

Дева между тем потянулась через меня и достала кувшин с чем-то жидким. Протянув мне, хитро поморщилась, когда я недоверчиво понюхал содержимое и осторожно попробовал языком, чтобы убедиться, что там не кровь.

В кувшине оказалась самая обычная прохладная вода, которая всегда только выигрывала во вкусе от того, что хранилось в глиняном кувшине — глечике. Я осушил его почти

наполовину, и с каждым глотком в голове будто бы прояснялось.

Пока я пил, одновременно жадно разглядывал красную голову поверх обода глечика. Тонкие черты лица — остренький носик, рыжеватые брови и розовый румянец на бледном лице. Впалые щёки делали её чуть моложе, чем она была, судя по морщинкам в уголках глаз. Бледные пухлые губы были бескровными, хотя вчера, вымазанные густо-красным, выглядели почти хищными. Глаза переливались и были цвета жёлтого пламени — не то янтарные, не то цвета липового мёда.

Я напился, вытер рот тыльной стороной ладони и глухо спросил:

— А ты меня сама сюда притащила, что ли? — и невольно залюбовался свежим личиком. Хороша, ведьма!

— Ещё чего! Разве я утащу такого, как ты? — усмехнулась она, обнажив белые здоровые зубы. — Ты сам сюда спать завалился, как солнце взошло. Да и не потащила бы я тебя, голого, на себе.

Я опустил глаза на своё тело и присвистнул. Мать честная, да я в чем ты меня родила! Более того, по утреннему времени все реакции, присущие нормальному мужчине, присутствовали.

Ведьма снова усмехнулась, но глаз не опустила. Итак довольна насмотрелась, пока я спал!

— Одежда твоя в углу, князь. Идти тебе надобно, охоту

пропустишь! — голос её был тонок и мелодичен. И вся она была какая-то ладная да складная, так и манила потрогать. Но держалась на расстоянии, готовая при малейшей угрозе вскочить и убежать. Одежда на ней была самая простая — длинное просторное платье, прикрытое широким темным плащом с капюшоном. И только волосы — густые, кудрявые, отливающие закатным блеском, струились вдоль лица и по плечам, притягивая мой взгляд. Никогда таких не видел. Хотелось потрогать, но где-то внутри восстала природная стыдливость — негоже при девице нагишом ходить. Хотя она ночью, судя по всему, сама не придавала наготы никакого значения.

Красноволосая рванулась к выходу, но я ухватил её за хрупкое предплечье и прошептал:

Зовут тебя как, ведьма? — и под конец голос сел, выдавая волнение. Огнедарой кличут, — улыбнулась она и вырвала руку. — Не ищи меня больше, князь. День заветный прошёл, больше не будем с подружками плясать. Забудь!

И она юркнула к выходу, а я остался сидеть на земляном полу, где был подстелен мой плащ. В углу были свалены сапоги, пояс, ножны и лук с колчаном. Я быстро оделся и вышел из пещеры, надеясь догнать Огнедару.

Поляна при свете дня выглядела иначе. Ночную вакханалию выдавало только кострище, слегка присыпанное свежей землей. Глаза невольно скользнули туда, где в темноте возвышался алтарь. Сделав пару шагов вправо, я обомлел: на

месте камня был холм, а на нём росла высокая ель. Вполне себе живая и вкусно пахнущая ёлочка. Мда, дела...

Перекрестившись, я ещё немного потоптался на поляне, но не нашёл следов присутствия вчерашних ведьм. Будто испарились они с рассветом, сгинув навсегда. Вспомнив о своём коне, быстрым шагом пошёл на его поиски, искренне надеясь, что ночью его не задрали волки.

С охоты возвращались громко — радостный визг рожков перекрывал довольные смешки княжеской дружины и его гостей. Два кабана несли привязанными к шестам, и вокруг то и дело прыгали довольные собаки. Довольные охотники переговаривались, уже не скрываясь и не соблюдая тишину, которая предшествовала загону и забою.

Я отчаянно зевал. Успев к кульминации, не стал объяснять, где был. Да и Добромыслу было с кем провести время, помимо меня. Возле него так и крутился соседний князь Ждан, угодливо смеялся и тряс козлиной бородкой. Вспоминая разговоры у колодца, я понял, что он посватался к княжеской дочке и теперь всячески пытался угодить будущему тестю.

Наблюдать за этим зрелищем было забавно. Князь Ждан по летнему времени был без шапки, и стали видны реденькие волосёнки, успевшие изрядно полысеть на макушке. Ровные, прямые и жидкие, они спускались на плечи и вызывали безгловое отвращение. Каково будет надменной Златке ло-

житься с таким в постель?

Перед глазами возникла огненная копна моей ночной знакомой, и тело заныло, рванулось прочь, на поиски красноволосой Огнюши. Неожиданный визит обещал стать интересным, и, возможно, я ненадолго задержусь в гостях у князя. На его землях, оказывается, есть такие сокровища, о которых он и не догадывается.

За обеденным столом, накрытым в этот раз на свежем воздухе, на заднем дворе княжеского терема, тоже было шумно. Жарились части кабаньей туши на вертеле, капая расплавленным жиром прямо на горящие угли, и в воздухе разносился умопомрачительный запах сдобренного мяса. Виноград, персики, груши лежали медовыми горками на блюдах. На половинках караваем подавали тушёное мясо с овощами. Молодой овечий сыр лежал на мисах, сдобренный постным маслом и посыпанный травами. Скрюченными тушками лежали зажаренные перепёлки в окружении маринованного лука и огурцов, вымоченных в уксусе.

Я вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего пира, и желудок радостно булькнул. Но это застолье было не чета прежнему — тут на женской половине стала царствовала сама Златослава. Одета в яркое жёлтое платье, отороченное лиловым шёлком, она яркой птичкой главенствовала над тётушками — сёстрами князя, которые сидели тут же, закутанные в белые платки и украшенные разноцветными вуалями. Тонкие пальцы Златославы были унизаны колечками с разно-

цветными камнями, а на висках поблескивали мелкие речные жемчужины. Сами же волосы отливали яркими золотистыми искорками, оправдывавшими её имя.

Внезапно понял, что рассматриваю княжну слишком долго, и отвернулся, потому что она уже успела заметить пристальный взгляд и улыбнулась в ответ. Мамушки и тётушки зашушукались, а Ждан возмущённо заёрзал на своём сиденье. Улыбка против воли расплзлась на моём лице.

Закинув в себя яств побольше, я переключился на вино и ощутил, как мгновенно стало хорошо. Яркое солнце грело, отражаясь от полированных поверхностей кубков и украшений знатных гостей. Под столом то и дело прижимался собачий бок, когда охотничьи псы получали свои кости в награду. Захотелось веселья, музыки и ощущения гибкого девичьего стана под руками.

Гости уже разбились на группки и разбрелись. Кто-то обсуждал цены на шерсть и предстоящую зиму, женщины тихо хихикали и обсуждали незнакомых воинов, приехавших в свитах князей. Мне же хотелось поскорее покинуть это сборище и углубиться в лес, чтобы найти свою красноголовую Огнедару. Сердце трепетало при мысли о ней, и больше ничего меня не держало здесь, среди быстро пьянеющего сборища.

Внезапно щёку обожгло, и я схватился за неё ладонью, оглядываясь. На меня исподлобья смотрела девица, что прибирала со столов. Скромная рубаха, передник, босая. По са-

мые глаза завязан чёрный вдовый платок — так тщательно, что ни волосинки не виднеется из-под скорбной повязки. Мгновение — и она растворилась в толпе.

Я же, всё ещё ощущая лёгкий ожог на щеке, внезапно понял — исподлобья на меня смотрели медовые глаза Огнедары! Я бросился вперёд, невежливо расталкивая гостей и пытаясь угнаться за неприметной служанкой. Но она юркнула в подклеть, где располагались кухонные комнаты, и была такова.

Служанки, входящие и выходящие оттуда с подносами, странно глядели на меня и перешёптывались, поэтому пришлось всё же уйти, но я теперь весь собрался и краем глаза следил за тонкой фигуркой, сновавшей туда-сюда с подносами.

Значит, лесная ведьма работает на кухне у князя. Занятно. А остальные охальницы — тоже нам еду готовят? Они же туда и сыпнуть что-то могут!

— Мир! — подозвал я верного друга и прошептал ему в самое ухо: — Узнай, что это за служанка да где она живёт.

— Какая? — без лишнего удивления отозвался Мирослав. — Вдовушка?

— Ну та, с медовыми глазами, — нетерпеливо перебил его я и тем самым выдал себя с головой.

— С медовыми, говоришь, — хитро усмехнулся Мир и тут же среагировал на моё посуровевшее лицо. — Да узнаю я, не кручинься, князь. Иди лучше к Добромыслу, он тебя

искал. Вон он, с дочкой стоит и Жданом!

И я, положившись на верного соратника, поплёлся к князю. Гостю важно уважить хозяев, а уж потом убегать в лес в погоне за юбкой. Дело есть дело!

Златослава в этот раз вела себя иначе. Надменность сменилось любопытством — я ловил её взгляд на своём стане. Прищуренные глаза внимательно изучали цепь на моей шее и кожаные браслеты на руке с оберегом в виде коня. Потом опустились к поясу и богато украшенным ножнам. Видимо, увиденное пришлось ей по вкусу, потому что при моём приближении она улыбнулась и любезно проговорила:

— Добро пожаловать, князь Яромир! Не балуете вы нас своей беседой, — мягко упрекнула она и у меня даже хватило благоразумия покраснеть.

— Разве я могу отнимать внимание столь высокой особы от её жениха? — улыбнулся я князю Ждану, пытавшемуся незаметно выкинуть козявку, которую до этого сосредоточенно вынимал из носа. Ну что за болван!

Улыбка Златославы померкла, и она неосознанно коснулась пальцем огромного кольца на левой руке, видимо, служившего зарокom будущего брачного обета.

— А вы не думайте, вы действуйте, — одними губами проговорила она, причём выражение лица осталось нетронутым. — Мы всем гостям оказываем одинаковый почёт. Ходят слухи, что вы чуть не пропустили охоту? Понравилось бродить по нашим лесам?

— Занятные вещи происходят в ваших лесах, княжна, но мне нравится, — многозначительно произнёс я и увидел, как Мир издалека машет мне рукой. — Простите мою неловкость, но мне нужно отойти по совершенно неотложному делу.

И я, оборвав беседу, устремился к другу. Некогда мне тут раскланиваться да пустые речи болтать, когда уже сегодня ночью я смогу держать свою прелестницу в руках.

— Вдовушку твою зовут Лучемира, но все её кличут Лучинкой. Вдова, характера кроткого да скрытного. Живёт на окраине города, в доме с резными наличниками, где сова вырезана. И ещё у неё крыльцо белёное — такого больше ни у кого нет. Не перепутаешь! Овдовела зимой, когда муж перепился да и утоп в реке. Молодая, детей не нажили. Но её родня оберегает, тётушки. Там тоже одни бабы, но они держатся дружно. На княжеской кухне она только по праздникам помогает, а так живёт, как и все — с огорода да что в лесу съедобного найдёт. Легкая добыча, позвенишь монетами, да она и побежит за тобой, как привязанная.

Мир смотрел на меня весёлыми глазами, а я соображал.

— Точно Лучинка? Ты не ошибся? Может, не про ту мне наплёл? — я пристально смотрел в лицо другу. — А ну покажи, про кого разузнал!

Мирослав, не скрываясь, указал на девушку во вдовьем платье и с медовыми глазами. Я узнал тонкий нос, румянец и почти бескровные губы. Она!

— Хорошо, благодарю за службу! — пробормотал я и спросил: — А где тут можно подарок ей купить? Ну бусы там или цацку какую?

— Э, брат, да ты как на свадьбу готовишься! Пошли, покажу. А то до вечера уж недалече.

Кухонных девок отпустили поздно — но Лучинки среди них не было. Мог же я ошибиться? Вдруг у неё есть сестра Огнедара, и я зря провёл столько времени зря, дожидаясь конца дня? Может быть, скачет моя Огнюша в лесу, а я караулю её сестру?

Но когда я нашёл избушку с резными совами и белоснежным порогом, то отступать было уже некуда. Просто так постучаться в дом к одинокой женщине я не мог — мигом бы пошли слухи, что она принимает мужчин в вечернее время. Поэтому следовало дожждаться ночи и незаметно пробраться в дом, тихонько стукнув в окошко.

Я выбрал место наблюдения — за невысоким плетнем, на задках её огорода. Сразу же понял, что это дом Лучинки — она вышла во двор и сновала туда-сюда, заканчивая обычные крестьянские дела в птичнике и коровнике. Огород у неё был небольшой, грядки аккуратные. Но задняя часть была необработанной — ещё бы, одной бабе без мужика не осилить столько земли. Это же вспахать надо, посеять, потом рыхлить...

Пока я думал, внимательно разглядывал молодуху — спо-

рые движения, поворот головы, взгляд исподлобья. Чёрный платок портил прелестное личико, и мешал сопоставить его с тем страстным ликом, которым я любовался при свете костра. Она или не она?

Сорвать бы эту чёрную тряпку, смять да отбросить подалше — чтобы выпустить, наконец, волосы. Они-то мне и откроют правду, кто скрывается за маской скорбной вдовы.

Солнце всё никак не заходило за горы, а я уже весь извёлся, ожидая ночи. Скоро, скоро я докопаюсь до разгадки. И если Лучинка не та, кто был мне нужен, я дознаюсь у неё, где Огнедара и где её искать. Дайте только добраться до тощей шейки вдовы!

Когда плотная темень опустилась, наконец, на городок, я уже был на взводе. Кровь бурлила, кулаки чесались. И ещё одно место зудело, о котором и думать-то неприлично. Одни только воспоминания об округлом заде да оголенный груди заставляли скрежетать зубы да дёргаться глаз.

В момент, когда в избе потухла единственная свеча, поставленная на окно, я вскочил на ноги, которые успели порядком устать от сидения на одном месте. Разминая ступни, краем глаза уловил движение и повернул голову — избегая белоснежное крыльцо, в дом кралась фигура, по глаза закутанная в тёмный плащ.

Я остановился, а потом бесшумно подобрался поближе, но дверь, выходящая на задний двор, отворилась и фигура проникла в дом.

От возмущения всё во мне взыграло! Кто там посмел меня опередить?! Я зря что ли весь вечер тут околачивался, чтобы кто-то наглый перехватил мою добычу?

Почти не таясь, я подбежал к задней двери и осторожно заглянул в низкое окошко. Гостем оказалась девушка, и они вместе с Лучинкой склонились над чем-то, разложенным на столе. Одинок горела тонкая свечка, изредка бросая на лицо хозяйки светлые отблески. Чёрный плат всё также скрывал её волосы, а неуверенные движения гости выдавали её нервозность. Внезапно что-то блеснуло на её руке и я узнал дорогое кольцо, которое украшало руку новоявленной невесты.

Златослава? Это княжна Златка по ночам разгуливает по городку, пробираясь в домик простой служанки?

Внезапно за дверью раздались шаги и я только и успел, что присесть за выступом стены, чтобы не попасться на глаза хозяйки и её госте. Вихрем выскочив из избы, княжна обдала запахом каких-то цветов и растворилась в ночи. Дверка бесшумно закрылась.

Не успел я подняться и постучать, как створка снова открылась и в неё просунулась покрытая чёрным платком голова девушки:

— Чего тебе, князь? Ужели дня не хватило налюбоваться?
— она была неласкова, и по нахмуренным бровям я понял, что вызвал её недовольство.

— Я узнать хотел... — от растерянности позабыл все сло-

ва и мямлил, как безбородый юнец.

— Завтра узнаешь! Уходи! — но я поставил ногу в дверную щель и схватил девицу за руку, держащую дверь:

— Не уйду! Пусти в дом! — громким шёпотом заявил я. Лучинка подняла на меня глаза, неразличимые в темноте ночи, и прошептала:

— Чёрт с тобой, иди в лес. Приду, как Луна выйдет, — и неожиданно захлопнула дверь. Изнутри щёлкнул засов и я, как дурак, остался один посреди ночи.

Походив для приличия возле двери, больше не различил ни звука. Куда в лес идти? В какой? Где ждать?

Первая растерянность прошла и я, собравшись, потопал к опушке, которая начиналась прямо за домом. Что там делать молодой вдове? Разве и впрямь ворожить да скакать у костра, смущая голыми телесами случайных путников.

Увидев неприметную тропинку, я прошёл по ней вглубь леса. Было немного зябко, или то от страха зуб на зуб не попадал? Да ну нет, глупости. Просто плащ я не взял, а тут сыро и света белого не видно.

Почти споткнулся о ствол поваленного дерева, а потом обрадовался — сяду тут и подожду. Если обманет — вернусь к дому и забарабаню в окно. К чёрту её репутацию — сама виновата!

Но долго ждать не пришлось. Сначала я услышал лёгкое дыхание, а потом звук пяток, бьющих тропинку по утоптанной земле. Спустя мгновение передо мной стояла фигура,

закутанная в тёмный плащ с фибулой на груди в виде глазастой совы и в глубоком капюшоне. Такую и не заметишь в темноте — ни одного светлого пятнышка нет.

Я привстал и первым делом сбросил ткань с головы — и отшатнулся при виде густой волны волос, в которых отражалась Луна.

— Огнедара! — вырвалось против воли заветное, а девушка белозубо рассмеялась и поманила за собой:

— Пошли дальше, князь. А то увидит кто ненароком! — и увлекла дальше по тропинке. Я припустил за ней.

Сотни вопросов роились в голове, рождая хаос, но я послушно бежал следом, слушая её ровное дыхание. Даже не сбилось!

Наконец, за очередным поворотом тропинки показалась избушка. Будто из детских сказок, она была крошечной и покосившейся — без окон и дверей, крытая дёрном и совсем неприметная, будто сросшаяся с холмом, в которую была вделана. Землянка!

Огнедара вбежала внутрь, приоткрыв сливающуюся с травой дверку, и поманила меня за собой.

Внутри пахло травами и стены, выложенные тонкими брёвнышками, давали странное ощущение уюта. Как может быть приятно находится под землей, без единого луча света, но чувствовать себя как дома?

Всё дело, должно быть, в деде, которая легко дышала рядом, шаря рукой по невидимой для меня поверхности. Миг,

щелчок — и зажглась лампадка, и острый язычок пламени осветил красную прядь. Губы казались в темноте красными и наполненными жизнью, и я некстати вспомнил, как пахло от обнажённой кожи ведьмы кровью и рот сразу же наполнился её металлическим привкусом. Страх пополз по венам, парализуя волю, а девица обхватила мой затылок руками и приникла к моему рту.

Глава 12

Самара, 2025

Невский

Открыв глаза, я выдохнул от облегчения, что нахожусь дома, в своей кровати, а не в тёмной землянке с огненно-волосой красоткой, которая, кажется, захотела меня съесть. Или выпить мою кровь... Сон про князя продолжался вторую ночь, и я чувствовал себя так, будто попал на страницы любовного романа. Если по ночам я буду смотреть сериалы, то что буду делать днём?

Несмотря на яркий сон и на то, что часы показывали уже десять утра, я чувствовал себя паршиво. Веки царапали глазные яблоки, а в глотке было сухо, будто рот забит пылью. Организм звал в уборную, и пришлось вставать. На обратном пути щёлкнул чайником, достал убойную дозу витамина С. Сегодня буду лежать и пить, пить и лежать. Жаль, ноутбука нет, поискать сериалы или полистать ютуб.

Есть не хотелось, поэтому я налил кипятка в кружку, бросил туда пакетик чая и потопал на диван. При входе в гостиную серая тень метнулась из-под ног, и я вспомнил про кошку. Миска была пуста, в воде плавали шерстинки. Кряхтя и проклиная всё на свете, помыл миски и наполнил кормом из пакетика. Пусть жрёт.

В телефоне, который я ставил в режим «Не беспокоить»,

скопилось несколько уведомлений. Но первое сообщение открыл от Алёны:

«Невский, отнеси кошку туда, откуда взял. Меня этим не проймёшь»

Я улыбнулся. Догадливая, стерва. Но тут ты меня не переиграешь, это моё поле.

«Пожалей киску. Она сама залезла в мою квартиру и теперь не хочет уходить. А я прямо вижу, как её блохи расползаются по квартире. И глисты. Что делать-то?»

Ответ пришёл мгновенно:

«В Гугле поищи»

Ну ладно, Москва не сразу строилась. Она пишет и отвечает — и это уже прогресс. А блохастая всё равно мне поможет, пусть отрабатывает свой хлеб.

Остаток дня я провёл, изучая возможности моего телика. Диван, пульт, телефон и сериалы — я уже не помнил, когда так «круто» отдыхал. Подкосила меня родная сторона, ничего не скажешь.

Записался в ближайшую ветеринарку и оплатил доставку лотка для блохастой, с помощью пары звонков заказал клининг квартиры. Нашёл ближайший пункт выдачи маркетплейса и заказал себе несколько комплектов новых трусов и носков — как включать стиральную машину, я не знал. В Питере помощница занималась химчисткой моих вещей, а грязные трусы и носки я просто выкидывал последние годы, когда Снежана перестала заботиться о моём гардеробе после

развода.

Лежачий образ жизни и безделье сделали своё дело — спустя неделю был как огурец.

Забрав ноут из сервиса, первым делом вернулся к работе. В холодильнике, доверху забитом лотками с готовой едой «От Палыча», хранились теперь кошкины капли, которые выписали в ветеринарке. Там мне её помыли, причесали, стерилизовали и обработали от паразитов. В телефоне был сохранён график прививок и рекомендации по уходу. Сама виновница — уже не блохастая — отходила от наркоза и валялась в нелепой розовой попоне у батареи, по которой уже струилась горячая вода отопления.

В Самаре наступила промозглая осень. Влажность города на Волге делала порывы ветра хлесткими и безжалостными, и я с только что вылеченной простудой предпочитал сидеть дома и работать у горячего чайника и полного холодильника. Да и кошку сейчас оставлять было не с руки — на неё жалко даже смотреть, не то что бросить одну.

Ты, Данила, как всегда. Обрастаешь всякой хернёй на раз — и теперь уже не свалишь по-быстрому в Питер, придётся пристраивать животное. Но раз уж пожалел бродягу, то придётся выкручиваться. Не чудовище же я, верно?

Чашка с кофе стояла на относительно безопасном удалении от ноута, но полностью отказаться от дорогой привычки я не смог. Ритуал есть ритуал — чашка американо включала

мозги и настраивала на рабочий лад.

По всему выходило, что надо ехать в район и разговаривать с этим чудиком, который наотрез отказался продавать свой участок. Из-за него рушилась сделка по выделу долей в натуре, последующая сделка купли-продажи и вся стройка вообще. У него не было мобильного телефона и связь с ним держалась через соседку, которая тоже была заинтересована в продаже доли.

Вся эта схема издавека пахла чем-то мутным и нехорошим. Могла соседка что-то крутить за нашими спинами? Могла. А может быть, на землю положил глаз кто-то из местных застройщиков, которые знают тут все входы-выходы и еженедельно парятся с местными чиновниками в бане? Тоже вариант, причем, по моему опыту, самый вероятный.

Чтобы выяснить, что там и к чему, придётся разбираться на месте. Ленинский район находился не так уж далеко от города — каких-то 80 километров и ты в краю сосен и рек. Надо бы осмотреться на местности да навестить сам участок, вот и сгоняю, а заодно и проведу этого неуловимого колхозника. Пора.

Внизу мякнула кошка. Посмотрев на неё, я досадно вздохнул. Операция была вчера утром, и она до сих пор лежала на своей тряпке и почти не вставала. Доходила только до лотка и обратно. Еду и питьё я поставил ей у самого носа, и иногда она лакала, вытянув шею и не уходя с места. Врач говорил, что полное восстановление займёт месяц, но

уже через неделю надо было снять попону и следить, чтобы шов не разошёлся. И завтра нужно было везти её на осмотр и обработку раны.

Я тяжело вздохнул. Жалость сменилась расчетом — блохастой пора было отрабатывать мою заботу о ней. Я поднял телефон и набрал бывшую жену.

— Алёна, привет! У меня к тебе дело, — быстро сказал я, пока она не кинула трубку.

— Знаю. Твой договор всё ещё не подписан. Почему тянешь? — недовольно проговорила она, и я против воли улыбнулся. Лучшая защита — нападение. Насквозь тебя вижу, Алёнка.

— Договор в Питере, в конторе. Там пока согласования, пока бухгалтер посмотрит, — соврал я и, не давая себе времени ощутить чувство вины, продолжил. — Я о другом. Мне нужна твоя помощь, и тебе даже не придётся со мной пересекаться.

Пока я говорил по громкой связи, успел щёлкнуть жалостливую картину: серая полосатая кошка обессиленно привалилась к батарее. Под ней — старый шерстяной плед с непромокаемой пелёнкой. На самой пострадавшей — яркая розовая попона с синим пятном на пузе и грустное выражение на морде. Умница!

— Я тебе скинул фото моей проблемы. Вчера была стерилизация, и сейчас кошке до сих пор плохо. А мне надо по работе в район — меня не будет весь день. Не могла бы ты

завтра приехать и провести её? В моё отсутствие. Ключи я тебе оставлю у консьержки.

Алёна молчала. Наверное, открывала фото кошки и рассматривала.

— Так ты не врал насчёт того, что кошку подобрал? — наконец, сказала она.

— Нет, — улыбнулся я. Даже почувствовал облегчение. Брешь найдена! — И ей правда нужна помощь. А мне тут больше не к кому обратиться...

— Так уж и не к кому, — ухмыльнулась она. — Консьержку попроси.

— Эту старую каргу? Да ты что, она первая выбросит кошку с балкона. Нет, я этой Яге даже свой ботинок не доверю! — я мысленно извинился перед милейшей бабулей, что вязала носок на рабочем месте в двух случаях из трёх, что я проходил мимо. Интересно, куда она деваёт такое количество носков?

— Невский, не ври мне. Какой район в субботу? Завтра же выходной. Ты опять придумал какую-то дичь, — уверенно парировала Алёна.

А вот и нет. Я же решил бороться честно.

— Я тебе клянусь! Чем хочешь! Могу Земельным кодексом, а могу жизнью этой кошки. У неё до сих пор нет имени, но она уже проглистогонена, отмыта, расчёсана и стерилизована. И очень страдает рядом с таким бесчувственным болваном, как я. Ей нужна ласковая женская рука, она тогда

быстрее поправится! — я вдохновенно уговаривал бывшую и давил на все точки, какие только знал. Должно сработать!

— Тебя точно не будет дома? — уточнила она.

Дома. Когда-то она жила здесь со мной, и мне на секунду стало приятно, что по-прежнему называет квартиру именно так.

— Точно! Если я буду — ты можешь просто развернуться и уехать. За кошкой правда надо присмотреть, я не приду-мываю! — дожимал я её в лучших традициях деловых переговоров.

— Ладно. Во сколько ты уезжаешь? — всё, выиграно. Обсуждаем детали сделки, но сама она уже заключена.

— В девять утра меня уже не будет. Надо поймать одного колхозника, а они рано встают, — сказал я ей чистую правду. Мой расчёт был именно таким.

— Хорошо. Оставь корм на видном месте, и чем ты ей рану обрабатываешь. Я всё сделаю.

— Спасибо! Ты настоящая русская женщина, сострадательная и заботливая! — похвалил я её, чтобы оставить приятное послевкусие после нашей договорённости. — Мы с кошкой будем тебе очень благодарны!

И я отключился первым. Да! Получилось!

Я поднялся и выдавил свежую порцию паштета кошке — заслужила. И с лёгким сердцем продолжил работу, чтобы завтрашняя рабочая поездка не прошла впустую.

Рано утром, закинув в себя жареное яйцо с бутербродом и чашку кофе, я оставил на столе корм, ватные диски и хлоргексидин, погладил спящую кошку и ушёл. Оставив ключи консьержке, которая с утра была без носка, но с дымящейся кружкой, дал чёткие инструкции — отдать строго высокой блондинке по имени Алёна Бесчастнова, если понадобится, пусть у нее документы спросит. Так будет надёжнее — Алёнка быстрее расслабится от официальной процедуры.

Трасса по субботнему времени была пуста. Машина шла легко, но я опасался дождя. Тучи висели низко, загораживали солнце и создавали угрюмую осеннюю хмарь. Даже сквозь фильтры салона внутрь проникал прелый лесной запах от опавших листьев. Я любил осень. Пора увядания предполагала возврат к активной работе.

Летом, когда солнце светит ярко и есть множество дел намного интереснее, чем копание в законах и пыльных бумагах, я то и дело срывался и сбегал то на вейкборд, то на рыбалку, то на велозабег. Осенью же настроения развлекаться нет — и тут дела уже затягивают по-настоящему. Все свои карьерные прорывы я всегда делал с наступлением первых холодов. И сейчас будет также.

Через сорок минут показался поворот на Свободное — я мысленно хмыкнул над названием и резко повернул руль. Машину слегка занесло, но она вписалась в поворот и дальше поехала по неровной грунтовой дороге. Ну, хотя бы пыль прибита недавним дождём, и то хорошо.

По адресу прописки интересующего меня колхозника стоял деревянный дом и старый покосившийся забор. Серые доски были выщерблены ветром и солнцем, и на вид всем строениям было не менее ста лет. Но с первого взгляда было понятно — изба не жилая. Возле калитки по пояс росла трава, внутри не было никаких признаков жизни. Ни белья на верёвке, ни живности, ни грядки. Даже если допустить, что мужик сам ничем не занимался, то всё равно следы жизнедеятельности останутся. На калитке висел старый ржавый почтовый ящик, и я понял, что именно сюда мёртвым грузом складываются все наши официальные письма.

— Вы к Семёнычу, что ли, приехали? — услышал я сзади женский голос. Обернулся — у забора стояла соседка, окликнувшая меня со своего участка. Платок закрывал волосы, но по морщинистому лицу и плотному летнему загару было видно, что ей никак не меньше шестидесяти лет. — Так его нет. Он тут не живёт!

Ясные глаза смотрели пытливо, и мне захотелось её по-расспросить.

— Да, я из юридической конторы, по поводу земли. Хотел поговорить, — улыбаясь, объяснил я и продемонстрировал удостоверение адвоката. Любые корочки обычно действовали на людей магическим образом.

— Ой, да вы проходите в дом, я вас чаем напою. Небось, совсем горло с дороги пересохло? Заодно про Семёныч расскажу! — засуетилась хозяйка и гостеприимно распахнула

калитку. И я пошёл в её сторону.

В избе были крашенные коричневой краской деревянные полы и обои, наклеенные на неровные стены. Разувшись в сенях, я получил резиновые шлёпки и был приглашён к столу, накрытому клеёнкой в легкомысленный цветочек.

К моему разочарованию, чай она мне подала не из самовара. А я уже настроился на настоящее деревенскую романтику... Но нет, хозяйка будничным жестом щёлкнула электрический чайник и поставила на стол розетку с клубничным вареньем. А вот это я уважаю — сто лет не ел настоящего домашнего варенья!

— Я Евдокия Степановна, это ты, наверное, через меня общаешься с Семёнычем, — представилась она. И я кивнул. — Я ему письма передаю. И ответ его вашей конторе писала — что не будет он землю продавать.

— А где он сам? — спросил я, незаметно включив диктофон. Потом переслушаю в спокойной обстановке, по-любому услышу больше, чем сейчас. Детали разговоров со временем затираются, поэтому я всегда всё записываю.

— Дык в лесу он. Егерь местный, в сторожке обитает, — охотно пояснила Евдокия Степановна. — Почти не появляется здесь, и застать его можно либо в конторе ихней, либо только в лесу.

— Понятно, — пробормотал я, отхлёбывая ароматного чая. Он пах детством и бабушкой. — Смородиновый лист?

— Да, и ещё чабрец с земляникой, — улыбнулась хозяйка

и придвинула ко мне варенье. — Ты угощайся, угощайся. Зачем приехал-то? Переубедить Семёныча хочешь? Так он не передумает, я его знаю. Упрямый хрыч.

— А почему он не хочет продавать? Что он говорит? — попытался я вытянуть из Евдокии Степановны побольше деталей. Всегда лучше приходить на переговоры подготовленным.

— Да что он говорит, — хохотнула хозяйка. — Пусть, говорит, меня вместе с домом сносят, там и похоронят. Тут мой дед родился, отец родился и умер, я родился и тоже тут умру. А там пусть чё хотят, то и делают.

— Так нам же не его дом нужен, — резонно заметил я. — Ваше село никто не трогает, мы берём землю в поле, возле леса. Он что, не знает?

— Ну, допустим, землю вы хотите не просто возле леса. Там на участке лес неплохо так растёт уже полвека, — насмешливо парировала Евдокия Степановна.

— Так лес там саженный, в лесфонд его не включили, — парировал я, а у самого перед глазами возникла съёмка.

Это было самое тонкое место проекта, и хитрый дедок бил именно в него. По закону неважно, как возник лес. Посадили его пятьдесят лет назад, или он рос тут пятьсот лет. Земли лесфонда не подлежали изъятию и на них запрещено строительство капитальных объектов. Но кто-то — и я подозреваю, что за немаленькие деньги — «забыл» включить эту полосу земли в лесной фонд. Там так и осталось «сельхоз на-

значение» и все старательно делали вид, что никаких деревьев на участках не существует.

А вот тот факт, что Иван Семёнович Северский был егерем или лесником — для меня новость. И вот такие вещи лучше бы знать заранее. Среди их братии до сих пор попадаются идейные, которые костями лягут, но не разрешат стройку на землях лесфонда. И тут нужно было действовать осторожно.

— Ну, саженный, не саженный, а что-то у него там есть, у чёрта этого. Он же нелюдимый — всё больше один, как леший. По тропинкам бродит, с камнями болтает. Станный он. Жены и детей у него отродясь не было, добра не нажил. Ни к чему ему ваши деньги, вот он и заартачился.

Я задумался. Чай был допит, информация получена.

— А как мне его найти? — спросил я напоследок.

Евдокия Степановна выглянула в окно и запричитала:

— А никак ты его и не найдёшь сегодня. Вишь, дождь как зарядил. В лесу сейчас грязь непролазная, да и он в такую погоду отсиживается где-то, старый пердун. Ты ехай себе в город, да телефон мне оставь на всякий случай. Он как объявится, я наберу. Ты вон, на машине, чай быстро подъехать сможешь, да выловишь его.

Я согласно кивнул, обуваясь. Бродить по мокрому лесу точно не входило в мои планы, а тем более соваться в него без проводника.

— Только не переубедишь ты его, — уверенно прогово-

рила Евдокия Степановна. — Но раз начальству доложить надо, то ты попробуй. Попробуй.

Я поблагодарил её за варенье и она всунула мне в руки ещё одну баночку:

— На, держи, малиновое это. Осень же, вдруг заболеешь? Малинки поешь, пропотеешь как следует, и будешь как огурчик! — уверенно говорила она и я сдался. Сунул баночку в рюкзак и вышел в дождь.

Выезжал из Свободного по грязному месиву вместо дороги и радовался, что ливень не застал меня в лесу. Надо было подготовиться — одеться по-спортивному, взять рюкзак с документами и найти кого-то, кто проведёт меня к этому неуловимому леснику. Ждать, пока он сам объявится, мне было некогда. Клиент торопился.

На трассе уже было многолюдно — чужие авто мчали, окатывая водой из луж и всё лобовое то и дело становилось непроницаемым. Приходилось угадывать дорогу да полагаться на зрительную память.

В какой-то момент я поймал себя на том, что впадаю в какой-то транс от монотонности дороги и равномерных звуков от дворников. Тру-тру, тру-тру, тру-тру.

Внезапно колесо поймало обочину и машину занесло на мокрой дороге. Сделав оборот вокруг своей оси, авто остановилось поперек встречной полосы и я, повернув голову, увидел фары встречной газели. Дав по газам, я на диком адреналине рванул вперёд, к спасительному кювету, но сзади

всё равно раздался визг тормозов и резкий удар в багажник, который снова развернул меня и отбросил в кювет через целую полосу. Проехав десяток метров, машина накренилась и упёрлась носом во влажную землю. Я с силой ударился об руль и отключился.

Глава 13

Карпаты, XIII век

Нежные губы тёрлись о мой рот и я пропустил внутрь горячий язычок, мигом забыв о своих страхах. Она пахла травой и мёдом, будто только что пила ароматный отвар. Руки девицы смело гладили мой затылок, пальцы путались в волосах, а тонкое тело прижалось к моему мускулистому. Свободная, горячая, юная. Разум отключился сразу, и я отдался во власть плоти.

Скинув мантию, Огнюша осталась в одной тонкой рубашке, сквозь которую просвечивали острые соски. Разрез на ворота открывал точёные ключицы, и сама кожа в пламени светилась, словно расплавленный воск. Я оглаживал руками и эти плечи, и острые локотки, скатывая с неё рубашку. Она оказалась босой — и ступни её, переступившие через лужицу ткани, в ту же секунду взобрались по моим ногам вверх, и через мгновение она уже запрыгнула на меня, обхватив чресла обеими ногами. Жаркий поцелуй распалил кровь и полностью отключил разум.

Жёсткая ткань штанов мешала, и я отпустил деву, торопливо снимая рубаху, разрывая завязки портков и откидывая в угол землянки мягкие сапоги. Наконец мы остались оба в чём мать родила. Её грудь тяжело вздымалась, волосы вторили ей, колыхаясь мягкой волной вдоль тела.

Зарычав от жадности, я схватил её тонкий стан, облапил по-медвежьи и увлёк на топчан, будто бы специально ждавший любовников.

Такой страстной ночи у меня ещё не было. Её волосы пахли морем, нутро было жарким и жадным, будто засасывая внутрь себя. Она ловко перепрыгивала сквозь меня, седлая, а я вновь хватал её, кидал о ложе и нависал, вынуждая подчиниться моей воле.

Когда свеча догорела и с лёгким вздохом потухла, мы обессиленно откинулись на узком топчане и сплелись в нежном объятии. Я ни за что её больше не выпущу! Моя, моя, моя, — билось в голове, и я дал зарок непременно увезти её отсюда к себе.

Она же поглаживала тонкими пальчиками завитки волос на моей груди и хрипло рассмеялась своим мыслям.

— Чего? — удивился я, нежно повторяя рукой изгиб её шеи и плеча.

— А ты именно такой, каким я тебя и представляла. Не просто так бабоньки у колодца судачили, — и она хихикнула, как девчонка, обводя пальцами выпуклости на моей груди. — Знают толк.

Я приподнялся на локте и смотрел в её лицо — глаза привыкли к темноте и я уже различал не только силуэт, но и видел блеск глаз. Да и чувство было такое, что знаю её всю наизусть.

— Ты поэтому со мной пошла? Бабонькам рассказать? —

поддел я.

— И поэтому тоже. Ну ты видный, князь. Статный, гордый. Такого не грех и в блуд вогнать, — усмехнулась она и я снова почувствовал себя мальчишкой, которого задевает понравившаяся девица.

— А сама чего блудишь? — не удержался и вернул ей колкость.

— А чего мне не блудить? Я молода, сама по себе. Кровь кипит, надо же и крышку приоткрывать, не то остынет вся, высушит и тело, и душу, — беззлобно ответила она. — Вот и ты себе не отказываешь в шалостях. Настанет день, остепенишься, женишься. Деток заведёшь, и будешь ночами холодными вспоминать славные молодые дни. Я тоже хочу!

— Скажи-ка мне, Огнюша... Лучинка — это тоже ты? — задал я мучивший меня вопрос.

Огнедара расхохоталась звонким смехом и погладила меня по небритой щеке. Губы её шевельнулись, будто бы порываясь сказать, но промолчали. Вместо этого она наклонилась и нашла губами родинку на моей груди.

— Много будешь знать, Яромир, быстро состаришься, — лукаво проговорила она между поцелуями. Я же неожиданно почувствовал прилив похоти от того, как именно она произнесла моё имя. Ухватил её за волосы, навалился, и спустя время в землянке слышалось только наше дыхание да несдерживаемые стоны.

Сладкая была моя девица, не оторваться! До утра мы лас-

кали друг друга, пока каким-то внутренним чутьём она не почувствовала, что близится рассвет и не начала одеваться.

— Будь осторожен, князь. Лишнего не пей, да из чужих рук чего съедобного не бери. Иначе голову потеряешь!

Я круто развернул её, полуодетую, и спросил:

— Что ты знаешь? Говори? — и требовательно схватил за плечи.

— Немногим больше твоего знаю, князь. Ты сам Златку видел, что от меня выходила. Знаешь, зачем пришла? Зелье приворотное требовала. Невыносимо ей за старика сопливого выходить, мечется, бедная, да не знает, как судьбу свою изменить. А тут ты приехал — красивый такой да холостой. Вот и догадайся, кому-то зелье достанется!

— И ты пошла со мной, зная, что ваша княжна меня в мужья хочет? — спросил я первое, что пришло в голову.

Она отшатнулась и презрительно сказала:

— А что с того, коль так? Не моя она княжна, не я её выбирала. Ей и так в жизни повезло, так она ещё и тебя получит впридачу. Кто ж о простой крестьянке позаботится? Только я сама!

— А не боишься? Поперёк дороги у князей вставать? — нахмурился я.

— А кто о том узнает? Мне ребёночек нужен — девочка. Этот олух, мой муж, не смог после себя ничего оставить. А ты хорош, у тебя будут сильные дети. Почему бы и не у меня?

И она с хохотом отворила невидимую дверцу и убежала.

ла в голубоватый предрассветный лес. А я остался с дурным предчувствием внутри и кучкой одежды, которую предстояло найти, отряхнуть и нацепить на усталое, но счастливое тело.

Сегодня князь Добромысл придумал устроить танцы. Повелел зажечь огромный костёр на поляне за гордом, поставить столы с угощением и позвать скоморохов да карликов, чтобы развлекать народ. Тут же набежали лоточники, продававшую разную снедь да побрякушки, и я запоздало вспомнил, что так и не подарил Лучинке-Огнедаре бусы, заботливо купленные на развале у торговцев.

Страсть как хотелось её увидеть, а когда днем пришёл к её дому, то никто мне не открыл. Слишком поздно понял, что побеленное крыльцо — это оповещение любопытным, что кто-то приходил. На нём остался отпечаток и моего сапога, и он сообщал всем любопытным, кто хаживал к избе. Хитра, чертовка!

Прошлая ночь разлилась в теле сладкой негой, и не хотелось ни ходить, ни веселиться. Лучше всего сейчас бы захватить кувшин хмеля да увлечь мою любушку на сеновал, чтобы до утра не отпускать. Аппетит только разгорелся, а её уж и след простыл...

— Сходил бы ты к реке, Яромир, — догнал меня Мирослав и приноровился к моему шагу. — Окунулся, охолонул... Смотрю, удалось вчера свидание.

И он ухмыльнулся, поглядывая на меня из-за густо нависших век. Тоже приложился к вину, паршивец! А я ведь прошил!

— Удалось, не удалось... А ты, я вижу, тоже погулял на славу! — упрекнул я друга.

— Я-то, может, и погулял, да вот я о твоей любушке всё разузнал! От того и выпить пришлось, чтобы людям языки развязать.

— Не томи, а. Что узнал?

Жадный интерес вспыхнул с новой силой. Ореол загадочности вокруг Огнедары заставлял хотеть её ещё сильнее, да вот чуяла моя душа подвоха, и не зря.

— Сказывают, что всего шесть лун назад овдовела, да непонятно, как так мог убиться её муженёк. Жили тихо, неприметно... — начал издалека Мирослав.

— Как её точно зовут? — перебил я его, не дожидаясь, пока он разродится самым главным.

— Лучемира, я же говорил. Девка спокойная, работающая. Лучинкой все зовут, за нрав спокойный да светлый. Только шепчутся за спиной, что шастают к ней по ночам всякие.

Я развернулся и схватил Мира за ворот рубахи, притянув к самому лицу:

— Кто шастает? Кто рассказывает? — ревность совершенно неожиданно обожгла нутро, и перед глазами замелькали картинки с прошлой ночи. Коли со мной так легко пошла, так с кем ещё ходила? Захотелось встряхнуть Мирослава как сле-

дует, да наподдать, чтобы как баба слухи не разносил.

— Да все шастают — бабы, кто в колдовство верит, да непотребные девки за зельями от нехороших болезней...

Я похолодел. Про нехорошие болезни я слыхивал — после каждого похода мужики потом мучились, а у некоторых и вовсе носы проваливались. А что, если...

— Ты хочешь сказать, что колдует она? — буравил я взглядом друга, одновременно желая, чтобы он заткнулся.

— Прямо не говорят, но намекают. Её за руку-то, конечно, никто не ловил... Но нездешняя она. Много родни вокруг неё вертится — приходят, уходят, и всё тётки да сёстры. Бабы, в общем. Живёт-то она в хате мужниной, да не поздешнему крыльцо выбелила. Все мимо ходят, стороной её избёнку обходят.

Мир говорил прямо, не тушуясь от того, что я держал его за ворот да смотрел злыми глазами. Всё, что он говорил, складно ложилось на то, что я уже знал. Только Мир не ведал, что я с ведьмами всю ночь голышом танцевал, да не видел истинного обличья Лучинки, у которой совсем не кроткий нрав.

И казалось мне, что мужа она ненароком сама убрала, раз толку от него никакого. Хату получила, а вот хозяин ей был и не нужен, коли понести не смогла. И что теперь — она с каждым пригожим молодцем в землянку идёт, чтобы понести?

Нехорошие мысли вызвали холодок, который пополз по спине. Двойственная природы Огнедары, которая куталась

во вдовий платок, как в броню, от посторонних глаз, позволяла думать о ней сколь угодно плохо.

Бусы, припрятанные в кошеле, стали особенно тяжёлыми. И увидеть её хотелось, и разузнать как можно больше. Что за девица, чего добивается? Почему-то обидно быть мужчиной для утех на одну ночь...

— Яромир, ты чего? — тронул меня за руку Мир, от которого я успел отвернуться и уставился в одну точку. Солнце весело светило, поляна была полна народу, которые радовались свободному от работы дню. Урожай почти собран, но впереди ещё достаточно тёплых дней, чтобы порадоваться изобильному году и сыграть пару свадеб.

— Я пойду. Найдёшь её — свистни, — мрачно сбросил я его руку и пошёл прочь.

Краски будто чуть померкли, и всеобщее веселье вызывало тоску. Глаза безостановочно искали чёрный вдовий платок, и хотелось сейчас посмотреть в её глаза, убедиться вновь, что они не лживые. Подарить ей бусы и удержать подле себя. План потихоньку вырисовывался в голове, и я верил, что уеду отсюда намного более счастливым, чем приехал.

Внезапно я спиной почувствовал чей-то взгляд и обернулся. Но то была не скромная вдовушка, а надменная княжна. Златослава стояла подле отца и пригубливала из серебряного кубка. Рядом на деревянном столе небрежной горкой высились фрукты, и она отщипывала тонкими пальцами крупные виноградины. Глаза её неотрывно следовали за мной, и она

уже не прятала любопытный взгляд за тёмными ресницами.

На всем празднике не было девушки, одетой нарядней её. Какие-то бусы, блестящие побрякушки, браслеты и кожаные ремешки так красиво были нанизаны на части её тела, что я сразу и не понимал, отчего она так хороша. Бабье искусство ношения цацок и одежды поистине было колдовским. Добромысл, увидев, что я разглядываю дочку, махнул мне рукой и подозвал к себе. Наклонив голову от досады, я подошёл, успев натянуть на лицо доброжелательную улыбку.

— Князь Яромир скучает? — вперёд батьки влезла Златка, потупив глаза, и спрятала усмешку за кубком. Пей-пей, я-то знаю, за чем ты к ведьмам по ночам бегаешь. Я не удостоил её ответом, а повернулся к Добромыслу и похвалил:

— Балуешь ты свой народ, князь. Такие гуляния устраиваешь! Они за тобой хоть в огонь, хоть в воду побегут.

От Добромысла не укрылось пренебрежение, которое я допустил по отношению к княжне. Смерив меня тяжёлым взглядом, он проговорил:

— Верно говоришь, Яромир. Так скучно тебе на моём празднике, верно Злата говорит? — встал он на защиту дочери.

— Скорее я не нахожу себе интересной компании, княжна, — справил я оплошность и улыбнулся, огладив бороду. — Но до вечера ещё далеко, авось и исправится это недоразумение.

И тут за плечом Златки я увидел мелькнувший чёрный

платок. Вдаль удалялась стройная фигурка в просторном платье до пят. Чертыхнувшись, я коротко откланялся и пошёл за ней, держась на некотором удалении.

Решив проследить за коварной Огнедарой, я вдруг ощутил себя охотником. Вот она ставит на столы тяжеленные кувшины, а вот уворачивается от руки дебелого парня, который норовит ущипнуть её за зад. Кровь бросилась в лицо и я почти уже догнал наглеца, но она сама ловко уворачивается и идёт по своим делам дальше. Подбородок гордо задран, глаза скромно опущены, и ни единого огненного волоска не видно под платком. Что за сила кроется в её волосах, что она так яро их оберегает?

Вспомнив, как ночью погружал пальцы в густой шёлк, чувствую острую потребность поговорить, прикоснуться, убедиться, что помнит. Перегородив дорогу, громко говорю:

— А есть ли у князя ещё что-то, кроме кислого вина, или он потчует гостей только им?

Лучинка поднимает глаза, весёлое выражение мелькает в них и искра узнавания согревает мне сердце. Улыбнувшись, она коротко присела и ответила:

— Я могу принести вам что-нибудь покрепче, князь. Например, ядрёной сливовицы или чистой палинки, — и она стрельнула глазками. Помнит, желает. Сердце подпрыгнуло, и я мгновенно успокоился.

— Принеси, девица, — так уже громко сказал я и добавил уже намного тише: — Лучше всего в лес и после захода

солнца.

Она расхохоталась и убежала, расталкивая пирующих. Настроение поднялось, и я уже спокойнее присоединился к толпе, которая жевала, пела, плясала и выпивала, повышая градус веселья.

Остаток вечера я провёл, как во сне. Предвкушение сладкой ночи бурлило в крови, и я старался много не пить. Хотелось быть ясным, чтобы до дна испить чашу наслаждения, предназначенную мне. Когда на городок опустилась ночь, я достал из кошелья бусы и пошёл в сторону леса. Чувал, что найду вчерашнюю землянку и не ошибся.

Ноги сами вели по неприметным тропкам, и хотя мне по-прежнему было жутковато в чужом лесу, особенно когда над ухом неожиданно ухнула сова, я уже знал, что зла мне здесь никто не причинит.

На крыше заветной землянки сидела крупная ворона и косилась в мою сторону чёрным глазом.

— Каррр! — возвестила она и переступила с ноги на ногу.

— А ну кыш, проклятая! — ругнулся я не неё и поднял палку, чтобы прогнать.

Но ворона, не дожидаясь удара, вспорхнула и улетела. А я подёргал дверь и убедился, что она заперта. Ну что ж, ждать мужчине не впервой. Придёт моя зазноба, никуда не денется. Я прислонился плечом к двери и сложил руки на двери. Усилием воли успокоил сердцебиение, замедлил дыхание.

Огнедара не заставила себя ждать. Подкралась сзади, за-

крыла ладонями глаза. Её пальцы пахли молоком и мёдом. Я поймал их и крепко прижал к губам — один этот запах сводил с ума.

Она рассмеялась и предстала пред моими очами. В своём плаще, с распушенными космами. Манящая и далёкая, но полностью в моей власти. Толкнув дверку, она легко её открыла и увлекла меня за собой. Зажгла внутри свечку и я увидел, что это не просто место для встреч.

Вся длинная стена была увешана пучками трав, подвешенных на длинных верёвках. Плотными рядами они нависали друг над другом и издавали пряный аромат, который я в прошлый раз не распознал. На другой стене были полки, уставленные глиняными кувшинчиками с деревянными пробками. Там же лежали непонятные инструменты — крошечные ножички, резак, круглые иглы и самоцветные камни правильной формы — и загадочно поблескивали.

Оглядев её хозяйство, я повернулся к девице и протянул бусы:

— Я не знал, что тебе подарить... Но вот, купил бусы, — и я в миг стушевался. Нужны ли они ей?

Но хозяйка избушки легко рассмеялась и приняла подношение:

— Лучинке будут в самый раз, — и небрежно отбросила их на столик, притулившийся у топчана.

Потом зажала еще несколько свечей, пока внутри не стало светло. Пробормотала, стаскивая с меня одеяние:

— Хочу, чтобы было светло. Видеть тебя хочу, и чтобы ты видел меня! — и от этих слов зашлось что-то внутри, затрепетало. Её хриплый шёпот пробирал до самого сердца, и я схватил её в крепкие объятия, заглушая голос поцелуем.

На пол полетела одежда, а следом и мы. Топчан был забыт, свечи неровно освещали поле боя и некоторые детали схватки: полуоткрытые губы, блеск зубов, взмах руками и тонкие ноготки, вонзившиеся в кожу.

Огнюша не врала: страсть её была подлинной, животной. Она вгрызалась в меня, как дикий зверёк, и облизывала кожу, вдыхая трепещущими ноздрями её запах. Её повадки сводили с ума — так далека она была от стыдливых девиц и нарочито развязных вдовушек, зазывавших меня на своё ложе.

Мне казалось, что со мной рядом дикая кошка, которая не ведает стыда. Она умела брать от любви всё, что я мог предложить ей.

Когда через время, показавшееся вечностью, мы разомкнули объятия и перебрались на топчан, она счастливо вздохнула и распростёрлась, обессиленная, у меня на груди. Тихо перебирала завитки волос, дула на них и улыбалась. Свечи почти догорели.

— Я увезу тебя с собой, — сорвалось с моих губ только что принятое решение. — Ты будешь при мне, в неге и безопасности. Нечего тебе здесь делать.

— С чего ты решил, что я поеду с тобой? — насмешливо

пробормотала она и больно прикусила мой сосок.

— Ай! Кошка драная! — выругался я и отстранил её от своей груди. — Я мужчина, и я так решил.

— И что с того, что ты мужчина? Сегодня ты со мной, а завтра выгуливаешь свой отросток в другой пещерке, — вульгарно произнесла она и обнажила белые зубки. — Что мне делать подле тебя?

— Жить. Любить. Делать всё, что хочешь, — пожал я плечами. Нега всё ещё обволакивала тело, и ссориться не хотелось.

— Ты и жениться готов? — спросила она и хитрость коснулась её глаз.

— Жениться... Я ни на ком жениться не готов. Может, и не женюсь никогда, — увёл я разговор. Вопрос о свадьбе был болезненным и давнишним.

— Тогда зачем мне ехать с тобой? Здесь у меня есть сёстры и тётушки, люди меня знают. Работа опять же. А подле тебя что? Сиднем сидеть на задворках в избе, да терпеть насмешки — мол, потаскуха князя идёт. Ты этого для меня хочешь? — она пытливо заглядывала в глаза, и пламя свечей отражалось в её взгляде. В землянке противно запахло горелым воском.

— А если женюсь? — вкрадчиво спросил я, заново опускаясь к её рту. — Поедешь?

— Неа, — Огнюша помотала головой и ответила на поцелуй, заставив забыть о предмете разговора. — Не поеду. Ко-

ли женишься — пожалеешь потом. Не порти ночку, князь. Хорошо тебе? Радуйся и запоминай, после меня все тебе пресными будут казаться.

И Огнедара заскользила вниз по моему телу, показывая, как именно она заставит поблекнуть всех моих прошлых и последующих женщин.

Утром, когда я проснулся один, в голове уже созрел чёткий план. Я увезу её отсюда, хочет она того или нет. Привяжу к себе, если будет надо — женюсь. Никогда ещё не встречал я такой девы, и она права — после неё ни одна не будет мне мила. Пусть она всегда будет рядом, живёт подле меня, рождает детишек. Красивые дочки и сильные сыновья — именно такая женщина способна дать мне наследников, достойных продолжения княжеского рода. Просто она сама не понимает, как ей повезло.

Глава 14

Самара, 2025

Невский

Телефон завибрировал в руке и я скосил глаза на экран, поморщившись от боли. Фельдшер бинтовал мне голову и строго проговорил:

— Не дёргайтесь! Потом ответите, — и мне пришлось подчиниться.

Мигалки скорой и полиции освещали сумеречную трассу. Моя машина торчала задом вверх в кювете, а газель с развороченной мордой стояла на обочине с включённой аварийкой. По счастливой случайности на дороге больше никого не было, иначе пострадавших в ДТП было бы больше.

Водитель из газели выглядел хуже меня — у него был заплавленный глаз и большой кровоподтёк на лице. Я подозревал, что он был непристёгнут. Мужик со злобой поглядывал на меня, но я в ответ кидал на него такие же мрачные взгляды. Он ещё успел затормозить, не то бы въехал аккуратно в то место, где сидел я. Так что он спас жизнь и мне, и себе. Никто тут не виноват — погодные условия и стечение обстоятельств.

Голова гудела, глаза болели, но больше всего хотелось взять трубку, потому что звонила Алёна. Я порадовался, что предусмотрительно позвал её к кошке, потому что неизвест-

но, сколько я ещё проторчу тут с медиками и полицией.

Машины заберут на эвакуаторе, а меня обещали отвезти в город в приёмное отделение, где сделают ещё какие-то исследования и потом, если всё хорошо, отпустят домой. Я не стал возражать — чувствовал себя паршиво, да и до города надо было как-то добраться. А учитывая, что голова — этой мой основной рабочий инструмент, то проверить её следовало обязательно.

Поэтому я взял из машины документы, рюкзак с ноутбуком и вареньем (только бы не разбилось!) и погрузился в машину скорой помощи. Она тронулась и только тогда я перезвонил Алёне.

— Алёнка, привет! — начал я, но бывшая перебила меня рассерженным голосом:

— Невский, ты где? Сколько мне ещё тут торчать? Ты совсем оборзел? — накинулась она на меня, но по голосу я понял, что волнуется.

— Как там кошка? С ней всё хорошо? — начал я издалека, за что тут же получил по шапке.

— Ты мне зубы не заговаривай! Я уезжаю, смотри сам за своей кошкой!

— Подожди! Не бросай трубку! — я осторожно перевёл дыхание и радостно отметил, что она подчинилась. — Оставь ей корм и воду, и езжай домой. Прости, что отнял у тебя выходной. Я тебе очень благодарен! С меня подарок или ещё какая услуга. Я буду утром.

— Как утром? Почему утром? — как я и ожидал, она ухватилась именно за последнюю фразу. Люди всегда так делают.

— Меня везут в приёмное отделение в областную больницу, а отпустят, скорее всего, только утром. Но кошка до утра проживёт, всё нормально, — торопливо говорил я, тихонько улыбаясь.

— Что случилось, Невский? — строго проговорила она и я почти воочию увидел, как Алёна недовольно поджимает губы.

— Я в ДТП попал, на трассе. Немного ударил голову, но это пройдёт. Все живы, поэтому волноваться не надо.

В трубке раздался протяжный вздох.

— Я не знаю, как ты это делаешь, но ты специально! — совершенно по-детски запротестовала моя девочка и я прикусил губу, улыбаясь. Нельзя, чтобы она услышала в моём голосе самодовольство. — Долбанный манипулятор!

— Нет! Ты не переживай, врачи меня подлатают и буду как новенький. И спасибо за кошку! — и я отключился первый, чтобы оставить последнее слово за собой.

Я не знаю, как так получается, но все мои неприятности всё равно приближали меня к Алёне. Колдовство какое-то. Но я был этому очень рад.

Остаться на ночь в больнице я не стал. Дождался, пока сделают все необходимые исследования — по итогу всё све-

лось к проверке на сотрясение и скрытые гематомы — и подписал отказ от госпитализации. Врач сыпал какими-то ещё заумными терминами, но я понял, что жить буду. И этого было достаточно.

Тем более, что у приёмного отделения областной клиники меня ждала Алёна.

Я знал, что она приедет — не могла не приехать. При всей её предубеждённости против меня, бывшая жена всегда оставалась хорошим человеком — она помогала и делала то, что казалось правильным. И это всегда было её самым уязвимым местом.

Вот и сейчас я увидел её авто на парковке и против воли улыбнулся — я знал, что ещё не всё потеряно.

— Привет, — краешком рта улыбнулся я, открывая дверь и заглядывая в машину. — До дома подвезёте?

— Садись уже! — пытаюсь симитировать раздражение, прикрикнула она. Но я видел по расширившимся зрачкам и приподнятым бровям, что моя перебинтованная башка произвела на неё впечатление. — И как только тебя угораздило!

Он отвернулась и, вцепившись в руль, тронулась, чтобы выехать с парковки. Мы молчали всё время, пока мчались по пустому Московскому шоссе. В вечер субботы тут сновали в основном такси да припозднившиеся работяги. Город играл огнями и призывно демонстрировал свои самые привлекательные стороны. Яркие вывески, нарядно одетые девушки и парни, спешившие на тусовки. Я не скучал по этой жизни

— за последние пару лет таких вечеров в моей жизни были сотни. А вот вечеров с Алёной — ни одного.

Заезжая во двор, я спохватился.

— У меня, наверное, нет нужной тебе еды. Ты не проголодалась?

— Заткнись, Невский. Я просто довезла тебя до дому, и не собираюсь с тобой сюсюкаться. Мне было достаточно твоей серой Буси, чтобы закрыть потребности по общению на всю следующую неделю.

Мда, а вот хамить невежливо, Алёна. Но я сдержался и промолчал. Защитная реакция, она такая — бьёт любого, до кого дотянется. Пусть спустит пар и успокоится.

— Серой Буси? — мозг зацепился за что-то неестественное в её речи. — Ты назвала мою кошку Бусей?

Алёна впервые за последний час улыбнулась.

— Ей очень подходит. И тебе не помешает иметь рядом женщину с именем Буся. Пусть и пушистую, — мстительно произнесла она, а я расхохотался, и сразу же резко сморщился.

— Больно? — хамоватая блондинка тут же превратилась в заботливую мамашу. — Ты расскажешь, что произошло?

— Расскажу, если ты поможешь подняться в квартиру. Лифта же у меня нет.

Я увидел, как на её лице сменились сразу несколько эмоций — недоверие, страх, сострадание и сомнение.

— Ну давай попрошу консьержку мне помочь. Она бабуля

шустрая, резво доскачет до верха и обратно, — постарался пошутить я и возымел нужный эффект. Алёна чуть расслабилась. Сейчас не следовало давить, а надо было вызывать жалость. С пробитой головой это легко.

— Не надо. Ещё Бусю напугаете, — пробормотала она и заглушила машину. — Пошли!

Она держалась рядом, но ко мне не прикасалась. Косилась взглядом, как нахрапистый конь, и готова была шарахнуть-ся в сторону от одного прикосновения. Я же чувствовал, как возвращается забытое уже чувство — мне хотелось её схватить и зацеловать, а потом задавить и сделать больно. Моя любовь к Алёне напоминала западню — она раздражала так, что доводила до бешенства, а потом тут же переключала меня в режим секс-машины. Какая-то необъяснимая химия не давала связно мыслить рядом с ней.

В подъезде она следила, как я поднимаюсь по ступенькам, но сама держалась в стороне. Уверен, она чувствует что-то похожее. Ей хочется меня поцеловать и задушить одновременно. Адская смесь.

К порогу доковыляла Буся — впервые с момента стерилизации я видел, что она меня встречает. Хвост был приспущен, но лёгкого «мяу» я всё же удостоился. Голова начала болеть, но я не подал виду.

Вполне натурально пошатнулся в коридоре и Алёна уже протянула руку, чтобы помочь, но я схватился за стену и устоял.

— Бусенька, вот и твой хозяин пришёл, — проворковала Алёна и присела на корточки. — Ты больше не одна. Давай, восстанавливайся и проследи за этим забинтованным, пока он ещё чего не натворил.

Пора было действовать.

— Ох, Буся, как жаль, что я не могу съесть твой паштет. Сил на готовку уже не хватит, — пожаловался я кошке.

— Ой, не прибедняйся, Невский. Я видела твой холодильник. Там полно готовой еды. Щёлкнешь микроволновкой и вперёд, голодным не помрёшь.

— Не могла бы ты мне помочь? — сделал я жалобные глаза. — Я честно приставать не буду — видишь, я полностью недееспособен.

— Надо было тогда оставаться в больнице! — назидательно проговорила она. — Там бы тебя и покормили, и по головке погладили.

— Ну пожалуйста! — протянул я. — Мы сегодня без тебя не выживем.

Алёна начала разуваться и я понял, что это победа.

— Значит так, Даня. Я звоню Наташке и вызываю её сюда. Ты похерил наш вечер, который мы планировали за неделю. Она ждёт меня красивая, с бутылкой вина и готовая к душевным разговорам. А может и к походу в бар. Поэтому мы начнём у тебя, а потом, когда ты уснёшь, уедем дальше тусить. И благодари не свою башку или кошку, а то, что твоя квартира находится в центре. Не придётся ночью тратится

на такси!

Я кивнул, внутренне радуясь такой перспективе. Маленькая победа начинала превращаться в большую.

— Делайте, что хотите — моя квартира в вашем полном распоряжении. Я же приму таблетку и лягу спать. Потом, когда ты меня покормишь.

Пока Алёна в кухне хлопала дверцами и разогревала нам ужин, я быстренько заказал доставку закуски девчонкам и большой пакет кошачьего корма. Паштет заканчивался, а Бусе требовался теперь специальный — по крайней мере так меня уверяли маркетологи. Корм для стерилизованных кошек — каково, а?

На минутку прилёг, и вот уже Алёнка зовёт ужинать. На столе — красота. Умеет она красиво сервировать стол. Достала откуда-то салатницу, настругала помидор с зеленью, разогрела в нормальных человеческих тарелках готовый плов. Широким жестом пригласила за стол.

— Может, вина? — предложил я.

— Нет, с тобой наедине — никакого вина. Вот приедет Наташа, тогда и выпьем. А тебе точно нельзя, ты же больной. Спать пойдёшь, и без разговоров.

Я подчинился, радуясь в душе. Желание прибить упрямыцу никуда не делось, но рядом с ней было так, будто я вернулся домой. Моя Пенелопа.

Девчонки сидели на кухне уже третий час. Ни в какой бар

они, конечно, уже не пойдут. Пару бутылок хорошего вина, тишина и богатая закуска — залог хорошего вечера. Они что-то бубнили между собой, изредка смеялись. Я тихонько лежал в гостиной и не отсвечивал. Учитывая, что между кухней и мной была огромная арка и хлипкая дверь-купе, все их разговоры были мне отлично слышны. Но ничего интересного пока что я не подслушал.

В какой-то момент я провалился в сон и почувствовал, как кто-то из них осторожно проверил, сплю ли я, и прикрыл плотнее дверь. Я тут же очнулся и наострил уши.

— Слушай, Алён, ну ты даёшь, — шепотом проговорила Наташа. — Ты как тут оказалась-то?

Она приехала в гости в коротком платье и с праздничным макияжем на лице. Длинноногая, стройная, она выглядела сильно моложе своих лет, но была умницей. Она стала юристом и, насколько я знал, занималась бракоразводными процессами. Видимо, это и стало причиной того, что Наташа так и не вышла замуж — насмотрелась слишком многого на работе.

— Ты не поверишь! — прошептала в ответ моя и быстро рассказала, как она очутилась у меня дома.

— А чего ты вообще решила ему первая написать? Ты же знаешь, чем это кончается?

— Ох, Наташ... Понимаешь, я никак не могла выкинуть из головы мамины слова. А вдруг она права, и нам нужно решить с Невским всё раз и навсегда? Зачем-то же он воз-

вращается ко мне каждые десять лет? Что-то же ему нужно?

— Ну всем известно, что ему нужно, — хихикнула Наташа. — И ты уже зарекалась ему верить.

Алёна протяжно вздохнула и после паузы сказала:

— Мама сказала, что нужно перестать бегать от проблемы и встретить её лицом к лицу. Что она будет повторяться в моей жизни снова и снова, пока я не решу распутать этот клубок. Ты знаешь, сколько между нами недосказанностей! Мы никогда нормально не говорили, и я всегда только догадывалась, что же произошло. Почему он бросил меня после свадьбы? И почему испугался и уехал второй раз? Правда ли дело во мне?

Она помолчала и дополнила:

— Я боюсь, что так и буду бегать от него до восьмидесяти лет и потом дряхлой старухой буду жалеть о той жизни, которая у меня могла быть. С ним или с кем-то другим, если вдруг... нам не суждено быть вместе.

На кухне настала тишина. Я замер, впервые в жизни подслушав то, что на самом деле думала Алёна. Безусловно, я знал её как облувленную. Я умел надавить на больные точки и вынудить поступить так, как надо мне. Но что при этом думала она? Почему раз за разом велась и ни разу не дала мне отпор, мудаку?

Сейчас, прожив сорок с лишним лет, я понимал, что должен был найти кто-то, кто надавал бы мне по щекам и взвзвизнул. Но тогда мне казалось, что я всё делаю правильно.

Алёна никуда не денется, пока я развлекаюсь, строю карьеру и живу свою одинокую жизнь. И она никуда не делась — но теперь между нами слишком многое стоит.

Я затаил дыхание и прислушался. На кухне наступила тишина. Какая-то возня, звон бокалов. И тихий плач, который совсем неожиданно взорвал мне сердце.

— Наташа, я ведь ему так верила... Боготворила! Самый умный препод в университете. Мой первый мужчина! Взрослый, перспективный. Как я могла устоять? А потом, когда мы развелись и он укатил в Москву один? Зачем он вернулся?

— Алёна, не терзай ты так себя. Я же видела вас вместе — он любил тебя. Вы были счастливы! Я думаю, что в этой его Москве что-то случилось, что его сбilo с пути истинного. Бабу встретил, она ему в уши напела. Ты же её видела — холёная была, сучка. И он повёлся, захотел красивой жизни. Я думаю, что это просто по молодости...

— По какой молодости? Ему уже было под тридцать! — тихо возразила Алёна.

— Ну а ты себя вспомни под тридцать! Неужели была зрелая и умная?

— Нет... Под тридцать я снова на него повелась, поверила. А он, — и тут снова плач и неразборчивые слова.

— Не плачь... Давай завязывай с вином, совсем расклеилась.

— Я тебе не рассказывала, Наташ, я даже маме не говорила. Мне было так стыдно... Что я была такая дура... Снова

ему поверила... Он ведь испугался, Наташ. Он трус! У меня случилась задержка и я сказала ему об этом. Он собрался и сбежал обратно в свою долбаную московскую контору. Сказал, что он не планировал детей и не готов.

— И... что было дальше? С ребёнком? — прошептала Наташа, и я сам страстно хотел услышать ответ на этот вопрос.

— Да не было ребёнка. На следующий день после его побега начались месячные. Мне просто повезло, потому что если бы я вправду оказалась беременна, то я бы не смогла убить. Я бы родила одна, брошенная и несчастная.

Наташа принялась утешать Алёну, а мне хотелось сжаться до размеров комара и улететь. Я старательно прятал от себя ту историю, малодушно надеясь на то, что Алёна просто мне тогда соврала. Я поверил, что она решила нагло манипулировать мною с помощью вымышленного ребёнка и на психе уехал. А когда остыл, то оказался во всех чёрных списках и банах, каких только возможно.

Мне даже звонил Алёнин отец и угрожал переломать ноги, если я ещё раз покажусь на пороге их дома. А оказалось, что истинную причину она им так и не рассказала.

Да, наломал я дров. Таким болваном надо ещё постараться стать. Но правда была в том, что я не понимал, почему так поступаю. Меня словно бы тянуло причинить ей боль, всадить нож в спину и провернуть. Мне хотелось иметь её рядом и мучить, мучить, мучить, и чтобы это никогда не кончалось.

И сейчас, когда прошло столько лет, я верил, что всё про-

шло. Что эти игры перестали меня волновать и я смогу быть подле неё, не отвлекаясь на саморазрушение. И я пёр к этой цели так быстро, как только мог. Но прямо сейчас настала пора остановиться и решить для себя — а точно ли я переболел этим и больше не хочу наказывать Алёну, которая, очевидно, всё ещё меня любит?

Или, оказавшись рядом и завоевав её доверие, я сорвусь и снова примусь за старое?

Остаток ночи я провёл, вспоминая наше прошлое и испытывая огромное чувство вины. А под утро, наконец, забылся тяжёлым сном.

Глава 15

Карпаты

XIII век

Десять ночей провёл я в объятиях Огнюши. И каждую ночь страсть только распалялась, поднималась в такие выси и опускалась в такие пропасти, что мне становилось страшно. Моя ведьма показала мне бездну — в которую хочется свалиться, но в самом низу тебя ожидает безумие.

Моё решение увезти её с собой пошатнулось — раньше можно такую везти в родной терем, туда, где семья? Я начал бояться, что скоро ей станет мало одного меня и она перекинется на кого-то ещё, предварительно залепив мне очи магическим зельем.

Сомнения распаляла её двойственная натура. Как можно быть такой дьяволицей ночью и таким невинным агнцем днём? После восхода солнца чёрный плат будто смирял её огненный нрав, и скромно опущенные ресницы на юном личике обманывали всех вокруг. Кроме меня.

Моим любимым развлечением стало её преследование. Если она возилась в огороде — я появлялся рядом, и она шикала на меня, пугая соседями и приличиями. Если она шла в городок — на рынок или на подённую работу в княжий терем, то я всегда был где-то неподалёку. Делал вид, что мне очень интересны новые стрелы или подпруга для коня,

перебирал красные яблоки, слушал торговцев, с которыми переругивалась липовая Лучинка. И любил её и не доверял. Откуда я знаю, с кем она любезна, когда она в роли скромной вдовы? Кого ещё привечает, кроме меня?

Чёрные мысли кружили голову. Ревность напололам с недоверием снедали изнутри, и даже верный Мир опасливо спрашивал меня поутру:

— Яр, ты плохо выглядишь. Что с тобой делает эта ведьма по ночам?

— Ничего такого, что мне бы не понравилось, — хмуро отвечал я, не выпуская из поля зрения потаскушку под вдовьим платком.

— Одурманила она тебя зельями своими, — ворчал Мирослав, качая головой.

— Я не ел, не пил из её рук, — равнодушно отвечал я. — Я за этим чётко слежу.

— Ну так может нанюхался чего?

Перед глазами поползли ровные пучки трав в землянке. Может, и правда, там какой-то колдовской аромат? Хитро составленный?

Я оглянулся на друга и сказал:

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Мир. Но слаще ночей у меня никогда не было. Это как сойти с ума, но оставаться в яви. Я никому такого не пожелаю, но и никому не отдам мою... Лучинку.

Друг тяжело вздохнул и сказал:

— Надо отправляться по домам, князь. Визит затянулся, и все, кроме Ждана, уже загружают телеги. Ты же будто бы и не собираешься?

— Я увезу её с нами, — жёстко сказал я, внезапно решившись.

Пусть я потом пожалею об этом, но сейчас сердце отчаянно молило оставаться рядом с ней. Не выпускать из рук, как самое ценное сокровище. Не захочет ехать сама — увезу силой.

— Я покажу тебе секретное место, где ты должен ждать меня поутру. Поможешь мне скрутить девицу и спешно увезти к нам. Начинай грузить телегу, мы тоже собираемся во-свояси.

Завтра поутру, когда моя огненноволосая вновь от меня убежит, она угодит прямо в капкан к Мирославу. А я помогу ему завершить начатое, и к восходу солнца мы будем уже далеко.

Принятое решение немного вернуло мне уверенности и я успокоился. Позволил себе издалека проводить мою Огнюшу до её дома с лёгкой корзинкой еды, купленной на рынке. Она была необычайно оживлена и танцующей походкой двигалась по улице, приветливо со всеми здороваясь.

Причина её хорошего настроения стала понятна, когда я увидел, что изба её полна гостей. Задорные румяные крестьянки хозяйничали в её избе: кто-то колол дрова, кто-то носил воду, кто-то собирал овощи в огороде. По всему было

видно, что намечался праздник.

«Ведьмы», — пронеслось у меня в голове и я вдруг вспомнил, как танцевал с ними нагишом, пьянея от пламени костра и металлического вкуса крови, что растирали они по своим телам. По спине пронёсся холод, но эти округлые женщины были так мало похожи на страстных танцовщиц, изгибающихся в ночном лесу под звуки кожаного бубна, что я отмёл свои подозрения.

Разве стали бы колдовские отродья так открыто собираться на свой шабаш? На виду у всего города, и такие весёлые и задорные? Они такие аппетитные — как булочки! Так и тянет ущипнуть за зад и окунуться лицом в эти мягкие полукружья плоти в корсаже их платьев. Волосы у всех убраны под цветастые платки, шеи украшены монистами. У меня в княжестве полно таких же аппетитных селянок!

Рассуждая таким образом, я ещё немного полюбовался издали на праздник женской плоти и поплёлся в княжеский терем, откланяться Добромыслу и попрощаться со Златославой. До ночи хотелось управиться со всеми делами, чтобы спланировать похищение Огнюши, поэтому следовало спешить.

Княжеский двор встретил тишиной. После суеты на ведьминском дворе здесь было спокойно и пусто. На деревянном крыльце, безмятежно взирая на городок, сидела Златослава в гордом одиночестве. Замечательно, значит, попрощаюсь с ней, а потом с её отцом.

— Вы нас тоже покидаете, князь? — вместо приветствия проговорила прекрасная девица.

— Да, княжна, — отвесил я ей ответный поклон. — Пора и честь знать.

— Вы оставляете меня на злобное поругание князю Ждану? — она пытливо заглянула в мои глаза, и лицо её при этом было таким печальным, что мне захотелось заключить её в объятия и утешить.

— Он же ваш жених, княжна, — потрясённо проговорил я. — Неужели вы не хотите замуж?

— Я хочу замуж, — открытое лицо княжны порозовело и она устремила ясные глаза в пол. — Но не за старого пердуна. Я бы с удовольствием вышла за молодого статного князя, который и лицом пригож, и телом силён, и душою мне мил. Как вы!

Я слегка опешил и уставился на вольнодумную княжну. Чтобы кто-то из знакомых мне женщин вот так, напрямик, напрашивался замуж?! Князь мало порол свою дочь в детстве!

Хотя, на ум пришла одна женщина, которая тоже не боялась говорить то, что думает. Огнюша.

— Но я... — пробормотал я, лихорадочно раздумывая, что же ответить.

— Вы смущены, князь, я вижу. Но, поверьте, я хорошо воспитана и прекрасно знаю, где, что и кому можно говорить. С вами я говорю откровенно именно поэтому. Только

вы можете мне помочь, и другого шанса поговорить у нас не будет. Присядьте.

Она гостеприимным жестом указала на сиденье с противоположного края стола и я вынужден был присесть.

— Янка! — позвала она сенную девку. — Принеси князю кубок и кувшин с охлаждённым пивом.

«Ничего не пей из рук княжны Златославы, она приходила ко мне за приворотным зельем», — пронеслось у меня в голове, и я мысленно поблагодарил мою Огнюшу. Я буду начеку.

— Чем же я могу вам помочь, княжна? — проговорил я, не дожидаясь, пока Златка соблюдет все каноны гостеприимства.

— Возьмите меня замуж, — скороговоркой проговорила она. — Вместо этого... старикана.

— Увы, я не планировал этого, — поднялся я, жестом отвергая поднесенный мне кубок с пивом. — Я уже собирался уезжать, поэтому позвольте мне откланяться и попрощаться с вашим отцом. Даю слово чести, что этот разговор останется между нами.

Я поклонился, скрывая усмешку и неловкость в глазах. Странно, что унизилась она, а смущение чувствую я. Но пришлось быстро войти в терем и взбежать по высокой лестнице в поисках князя, чтобы у меня не осталось пути к отступлению.

Златослава могла бы стать примерной княгиней. Никто не

посмел бы усомниться в её непорочности и верности, она бы нарожала много наследников и отлично справилась с их воспитанием. Но перед глазами стояла огненноволосая ведьма, и смотреть на княжну как на жену я не мог.

Получив от Добромысла прощальное напутствие и слова благодарности, я быстрым шагом покинул терем. Княжны на крыльце уже не было, и я вздохнул с облегчением.

Вечером, подкравшись к избе Огнюши, я увидел ярко освещённые окна и звуки празднования. Захмелевшие женские голоса на удивление стройно пели весёлые песни и кто-то даже пустился в пляс.

Все распоряжения для отъезда были отданы, сопровождающие меня воины готовились ко сну, чтобы с рассветом сняться с места и догнать нас с Миром на выезде из города.

Мы же оседлали двух лошадей и приготовили тёплые плед и верёвки — я планировал связать непокорную ведьмочку и закутать, чтобы она не замёрзла и не поранилась, и перекинуть через седло. А как въедем в моё княжество, так посажу её перед собой и буду успокаивать и умасливать. Всё равно дело уже будет сделано.

Такие мысли подняли настроение, и я прогуливался у избушки, чтобы назначить Огнюше последнее свидание. Вдруг загуляет и совсем забудет?!

Когда время перевалило за полночь, и над лесом поднялся тонкий серпик убывающей Луны, моё терпение кончилось. Я

подкрался к избушке и кинул камешком в окно. Потом еще и ещё. Наконец, прямо из окна высунулась хмельная хозяйка — без чёрного платка, с непокрытыми волосами, собранными на затылке — и, увидев меня, шепнула:

— Иди на наше место и жди. Скоро приду. Прощаться будем!

Я только того и ждал. Припустил бегом по знакомой дорожке, всё также волнуясь перед первой встречей, как и в первый раз.

У землянки притормозил. Сел, достал кружевную ленту — самую дорогую на рынке, какую нашёл. Пусть думает, что дарю ей прощальный подарок и ничего не подозревает. Перебирал в пальцах тонкую паутину из ниток, представлял, как она пришьёт их себе на первое же платье, которое я для неё закажу в своём княжестве. У самой искусной портнихи из самого дорогого шёлка!

Спустя час, когда я уже начал терпеть терпение, почувствовал чьё-то присутствие. По тропинке лёгким шагом вышла моя зазноба — хмельная, в плаще на голое тело и с распущенными волосами. Тело пронзило стрелой желания — ничего сильнее я в этой жизни не испытывал. От одной мысли, что она бежала обнажённая по лесу, прикрытая только тонкой мантией, я терял голову. Разум перестал мне подчиняться и я смял её податливое тело тут же, в траве, не пряча в душной землянке. Пусть этот лес, и небо, и скупая Луна будут свидетелями нашей страсти и моей любви!

Потом мы всё же перебрались на наше ложе. Я подарил ей кружево, но она, как и в первый раз, не придала подношению никакого значения. Вонзалась в меня зубами и когтями, как дикая тигрица, выпивала всего до дна. Вынимала душу и вертела её в своих пальчиках так искусно, что мне хотелось остаться в этом мгновении вечно.

Я проснулся, словно от толчка. Свеча догорела, в землянке был уютный полумрак, потому что глаза уже привыкли к темноте. Огнюши рядом не было.

Чёрт! Как я мог уснуть?! Надеюсь, Мир её не упустил?

Быстро накинув порты, путаясь в сапогах и нашаривая на полу пояс с оружием, я проклинал себя. Стремглав выбежал из землянки, но никого не обнаружил. Безмолвно стояли деревья, покачивая длинными ветвями где-то там, в вышине. Всё также равнодушно светила Луна. Ветер стих и до меня не доносилось ни единого постороннего звука.

Я побежал за землянку, к месту, в котором Мир должен был прятаться, дожидаясь мою Огнюшу. Но там его не было — только смирно стояли два осёдланных коня, дожидаясь седоков. Возле них была немного примята трава, и я в поисках следов, по старой охотничьей привычке, начал обшаривать её руками. Сразу же ладонь наткнулась на что-то мокрое и холодное. Сердце охолонуло, а потом начало биться быстрее. Поднося пальцы к губам, я уже знал, что почувствую железный аромат крови и её солоноватый привкус.

— Чёрт! — выругался я и вполголоса позвал: — Мир!

Мир!

Но ответа я так и не услышал. Трава чудесным образом скрывала другие следы — такое ощущение, что мой друг бал ранен, а потом взлетел — потому что кроме моих следов, с полянки наружу не вели никакие другие. Я стал двигаться по спирали, ощупывая траву, но больше ничего не нашёл.

Наконец, понимая, что теряю драгоценное время, я отвязал коней и повёл их на выход из леса. Нужно оповестить других воинов и начать поиски Мирослава. Шестое чувство подсказывало, что с ним приключилась беда.

К моменту, когда я разбудил дружину и отправил их в разные уголки города, начало светать. Люди вставали и шли кормить скотину. Хозяйки доили коров, гремели воротинной колодца и вяло переругивались с домашними. Наступало такое же утро, как обычно. И это больше всего било в сердце — скорее всего, такого же обычного утра у моего друга уже не будет.

С нехорошими предчувствиями я прокрался к дому Лучинки-Огнюши, но там было темно и тихо. Наплевав на побеленное крыльцо, которое уже и так было истоптано ногами её родственниц, я распахнул дверь. Внутри было пусто — и никаких следов вчерашнего веселья. С лавки прыгнул чёрный кот, на столе и полу было чисто. Ни посуды, ни еды. Изба напоминала труп, из которого вынули душу. Печка была холодной.

Более не сомневаясь ни минуты, я помчался к князю Доб-

ромыслу. Мой друг и самый приближённый воин пропал, на месте его последней стоянки я обнаружил кровь. Пора было поднимать и его дружину, чтобы продолжать поиски.

— Доброго утра тебе, князь, — степенно приветствовал меня Добромысл, но, разглядев выражение моего лица и воинственно сжатые кулаки, тотчас поднялся. — Что случилось?

— Моего лучшего друга и самого умелого воина похитили на твоих землях, князь Добромысл. На правах соседа и союзника я требую, чтобы ты начал его поиски. Твои люди лучше знают эти места. Дорога каждая минута, потому что я обнаружил кровь на месте его пропажи!

Князь кивнул и быстрым шагом вышел из горницы, увлекая меня за собой. По пути нам встретилась бледная Златослава, но молча посторонилась, увидев наш воинственный настрой.

— Удачи тебе, князь! — неожиданно крикнула она с лестницы, и её доброе пожелание неожиданно тепло отозвалось в сердце. Я искренне надеялся, что самого страшного ещё не произошло.

До обеда мы прочесывали окрестные леса и горные тропы. Место, где я нашёл кровь, осмотрели несколько раз, но следов не нашли даже самые опытные охотники. К полудню на меня уже посматривали с жалостью — я видел на лицах одних, что они сомневаются в моих словах и в пропаже друга. Мало ли, может быть, я ищу повод для войны? На ли-

цах других я видел приговор Мирославу. Ни то, ни другое не утешало.

Я был голоден, зол и совсем отчаялся. В полдень на главной площади у княжеского терема пробил колокол и собрал жителей на сход. Звуки его отдавались в моих ушах погребальным звоном и я подумал, что это плохой знак.

— Уважаемые горожане! — прочистив горло, начал свою речь Добромысл. — С самого утра мы ищем...

Его слова были перебиты криками и волнением толпы, которая расступалась и пропускала кавалькаду всадников. Через седло одного из них был перекинут мешок с чем-то тяжёлым, и я, похолодев, узнал торчащие из мешка сапоги Мирослава.

— Мы нашли его у реки, — отрывисто бросил предводитель княжеских воинов. — Он уже не дышал.

Осторожно достав тело из мешка, он положил его на землю и сделал пару шагов назад. Лицо моего друга было бледным — и даже полные губы были белыми, как снег. Было видно, что вся жизнь ушла из него вместе с кровью. На шее виднелась глубокая рана — кто-то взрезал ему горло и... и полностью выпустил всю кровь.

Я присел возле безжизненного тела, которое ещё ночью было моим лучшим другом и соратником, и осторожно осмотрел его порез. Такого я ещё никогда не видел — в нём не осталось ни единой кровинки.

Поднявшись, я оглядел горестным взглядом площадь и

тут увидел её: чёрный платок Огнюши мрачным пятном выделялся среди моря голов. В её лице тоже не было ни кровинки, а в глазах застыл страх. И этот страх звучал как признание. Я тут же понял по её взгляду, что она причастна к смерти Мира. В голове тут же вспыхнули картинки, безжалостно впиваясь в сердце раскалёнными шипами: гибкие тела, ловящие кожей отблески костра, и красная жижа с металлическим вкусом, которую ведьмы растирают по шее и груди, плотоядно усмехаясь. Непонятный алтарь с тёмной обездвиженной массой, и нечеловеческий ритм безумия, раздававшийся в ушах.

Она тут же развернулась и убежала, расталкивая локтями зевак. На краю площади повернулась и уставилась в мои искажённые болью черты. Но я уже подписал ей приговор. Разум спорил с сердцем, но я слишком хорошо знал, на что способна эта ведьма и её подруги. Вчерашний праздник был лишь прелюдией к страшному торжеству, жертвой которой стал мой Мир.

— Я знаю, кто это сделал, — быстро повернувшись к Добромыслу, проговорил я, боясь передумать. — И эти люди не остановятся, если их не поймать! Седлайте коней, пока они не скрылись!

— Ты не можешь командовать в моём княжестве, Яромир, — жёстко сказал Добромысл. — Ты можешь указать нам на виновных, но я всё равно сам проведу расследование.

— Пока вы будете расследовать, они уйдут! — веско ска-

зал я, наступая на князя. Но тот неожиданно проявил твёрдость.

— Вы не смеете распоряжаться на моей земле! — и сжал губы в тверди линию. Вот уж не ожидал от него такой резкости в самый трагический момент.

И тут из-за спины отца вышла спокойная Златослава — единственная, кто сохранял хладнокровие и доброжелательность:

— Разрешите поднести князю сладкого вина, отец. Это охладит разум и позволит принять взвешенное решение, — любезно проговорила она и протянула кубок с розовым напитком. В её глазах я увидел спокойствие и уверенность, так необходимые мне сейчас.

На принятие решения потребовалось мгновение — и я махом убью двух зайцев.

— Благодарю, — улыбнулся я княжне одними губами и залпом осушил кубок.

Приворотное зелье сработало мгновенно — я забыл всю сладость Огнедары и почувствовал непреодолимое восхищение княжной. Отныне только она может стать моей женой — и только с ней я смогу быть счастлив. И благодаря этой любви я смогу отомстить той, что вынула из меня душу и убила моего друга.

— Князь Добромысл, я прошу руки вашей дочери, — твёрдо сказал я и увидел улыбку, расцветавшую на прекрасном лице Златославы.

— Пусть решает сама княжна, — удивлённо произнёс Добромысл, но удивления не высказал. — Я учту её искреннее желание.

— Я согласна, отец, — нежно проговорила Златослава и я невольно залюбовался мелодичностью её голоса. Она поистине прекрасна! — Пусть князь Яромир на правах моего жениха совершит возмездие!

В порыве нежности и благодарности я припал к руке княжны и нежно поцеловал. Дождавшись кивка Добромысла, я быстрым шагом покинул площадь, созывая воинов. Коротко объяснив им, кого и где мы ищем, я вскочил на коня и возглавил отряд. Отныне только месть стала моей целью.

Быстрые, как самые смертоносные стрелы, мы обшарили каждый уголок княжества и через три дня и три ночи на главной площади столицы корчились пять ведьм: четыре женщины, которых я видел на празднике, и Лучинка-Огнедара.

Люди ахнули, когда их, связанных, ввели на телеге и в деревянной клетке, как диких зверей. После первого оцепенения по толпе поползли шепотки, и вскоре одиночные голоса стали выкрикивать:

— Я так и знала, что она ведьма! Да ещё и вдова!

— А я говорила, что в избе этой Лучинки нечисто! Вечно они на шабаш собирались с тётками!

— И мужа своего она сама убила, я всегда это знала!

— Она моей соседке зелье продала, и мой муж ушёл к ней! Казнить этих и соседку-потаскуху!

— А у меня скотина передохла от такой соседки! На костёр её!

Толпа начинала закипать, и всеобщее волнение передалось и мне, пробуждая поутихшую было ненависть. Вид несчастных, заплаканных и перепуганных ведьм вызывал презрение и брезгливое отвращение, а потухшие глаза Огнедары и её красные космы раздражали.

— Князь Добромысл, — преклонил я колено перед будущим тестем. — Ведьмы, что выпили кровь из моего друга Мирослава, пойманы. Я привёл их на ваш суд.

— Вы уже приговорили их, князь Яромир? — холодно поинтересовался Добромысл, и в его глазах я прочёл разрешение на любые действия.

— У меня есть доказательства их вины, князь, — громко сказал я. — Я видел их шабаш, на котором они пили кровь.

— Человеческую кровь, князь? — уточнил Добромысл.

— Я не видел, чью. Но если они пили кровь животного, то что помешает им пить человеческую? — честно ответил я. Какая-то ведьма в повозке дёрнулась и громко всхлипнула, другие зашикали на неё.

— Я даю вам добро на суд и казнь, коли вы хотите отмщения.

— Сжечь их! — несмело крикнул кто-то из толпы, и уже через мгновение испуганные горожане требовали для ведьм самого страшного — смерти на костре.

— Нет! Четырёх из них мы обезглавим, а после смерти

вобьем в сердце осиновыя колы, как это предписано Святой Церковью. А пятую — самую главную — вон ту, с красными волосами, мы сожжём на костре.

Толпа заволновалась, раздались одобрительные крики. Кто-то из ведьм вскрикнул. За спиной у отца тонко улыбнулась Златослава.

— Приговор привести в исполнение немедленно!

На площадь спускались сумерки к тому моменту, когда четвёртая из ведьм была обезглавлена. Красная кровь залила помост для казни, а пень стал скользким от крови. Палач поднял над толпой голову за длинные космы, и последняя из оставшихся в живых ведьма тонко закричала. Какой контраст между давешним весельем и этим страшным криком, наполненным отчаянием и страхом смерти.

Слева от страшного помоста был сложен высокий костёр с деревянным столбом посередине — для ведьмы. Огнедару, с распущенными змеящимися по спине волосами, в одной сорочке, натянутой острыми сосками и рваной на одном плече, привязали к этому столбу.

Палач зажёл факел и я, ослеплённый яростью и местью, перехватил его и самолично подошёл к сложенным поленьям, на вершине которых была поймана в ловушку моя бывшая возлюбленная.

Подняв голову вверх, я поймал её взгляд, полный боли и отчаяния.

— Будь ты проклят, Яромир! — прокричала хриплым го-

лосом она, будто прокаркала. — Пусть будет проклято и твоё семя, и все твои потомки нынешние и будущие! Я невиновна! Ты пожалеешь об этом — я не оставлю тебя в покое никогда!

Но я только усмехнулся и подпалил костёр. Назад пути нет.

Внезапно ведьма запела. Языки пламени от тонкого хвоста начали лизать подножие её погребального ложа, а она освободила от рук путы и начала плясать на огне! Высоко взлетали тонкие руки, золотистые волосы, завиваясь от огненных языков, обнимали тонкое лицо. Страстная песня ведьмы взвилась высоко над площадью и самые впечатлительные горожане принялись неистово молиться.

Лопнули путы, удерживавшие тонкий стан, и невыносимый жар обдал моё лицо. Ведьма же продолжала кружиться, высоко задирая ноги, и пела смертельную песню, полную любви и горя. А потом, задрав лицо к небу, захохотала. Высокий столб пламени взвился вверх, издав громкий хлопок, и из центра костра взлетела чёрная птица, громким карканьем возвещая о своём присутствии.

Толпа резко поредела и горожане удирали со всех ног, напуганные этим зрелищем. Чёрная ворона, облетев площадь, издала последнее пронзительное «Карррр!» — и скрылась за горизонтом.

Я почувствовал, как тёплая рука легла на мою шею и Златослава нежно произнесла:

— Пойдём, князь. Месть свершилась, и тебе нужно отдохнуть. Я позабочусь о тебе.

В её глазах светилась любовь и спокойное тепло, и я подчинился. Отныне и навсегда.

Глава 16

Самара, 2025

Невский

Пламя гудело в голове, и щёки всё еще горели от нестерпимого жара. Сердце билось, как сумасшедшее, и ток крови по венам напоминал бурный поток. Я открыл глаза и невидяще пялился в потолок минут десять, прежде чем осознал, где я. И вспомнил, почему я на диване, а не в своей спальне на кровати.

Что за чертовщина происходит в моих снах? Почему я вижу себя средневековым князем? Почему чувствую себя так, будто бы живу его жизнью? И если это так, то кто живёт моей?

Тяжко вздохнув, я резко сел и охнул от боли. Голова загудела, и я сразу вспомнил весь вчерашний день: мокрую трассу, вылет на встречу, кювет. И то, что Алёна забрала меня из больнички и дала приبلудной кошке дурацкое имя Буся.

Вот в этом вся она! Совсем ещё девочка, маленькая и делающая милые глупости. Только ей уже сорок, а мне на семь лет больше. Мы больше не дети, и ломать комедию просто нет времени. Именно сейчас решается, будем ли мы счастливы до старости, или так и просрём эту жизнь, не попробовав жить по-настоящему?

Осторожно встал и, держась за стену, пополз в сторону

кухни. Вот ещё одно отличие девочек за тридцать — как бы сильно они не наклюкались, но после себя прибрали. Кухня блестела чистотой, а в раковине даже не было немытой посуды, чем частенько грешил я. Только две пустые бутылки, рядом стоящие у стены, напоминали о том, что ночью в этой кухне были задушевные бабские посиделки.

Воспоминания о признаниях Алёны, которые я услышал, вновь заставили сердце биться быстрее. В последнее время этот побочный эффект настигал меня всё чаще, и я подумал о том, что неплохо было бы провериться у кардиолога. Что там пьют для сосудов? Магний?

В голове немного прояснилась и я, залпом выпив воды и облизав пересохшие губы, двинулся к спальне — надо было выяснить, где девчонки. По пути меня совершенно неожиданно подрезала кошка — легла на спину, выставив затянутый в попону живот, и раскинула лапы стороне в древнем жесте «я сдаюсь!» При этом она издала какой-то странный звонкий звук, который никоим образом не походил на мяуканье. А когда я присел, чтобы почесать гостеприимно распахнутое пузико, она вдруг изогнулась, впилась когтями в мою руку и легонько куснула мягкое место между большим и указательным пальцем.

— Ты че, зараза! — против воли вскрикнул я и нарушил тишину дома. Кошка вразвалку встала и поплелась на кухню, где издала требовательный «мяв». — А вот жди теперь, когда еды дам. Нечего было меня кусать!

Я осторожно отворил дверь в спальню и умилился: Алёна с Наташкой спали одетые на нерасправленной кровати, и при этом они умудрились найти какой-то старый плед, которым обе укрылись и прижались друг к другу.

Разве думал я когда-то, что две мои сорокалетние студентки будут пьяные дрыхнуть у меня дома, а я с разбитой головой и кошкой умиляться этому зрелищу?

Хмыкнув, я поплёлся на кухню варить кофе. В Москве у меня была модная кофемашина, а тут — только одинокая турка. Но и она сойдёт. В доме и во дворе царила тишина — сладкое воскресное утро было, как и полагается, сонным. Горожане не спешили заводить свои машины, и на Ново-Садовой тоже было пустынно.

— Мяуууу! — завыло под ногами голодное животное и я вздрогнул, пролив часть кофейной жижи на плиту.

— Я теперь тоже раненый! — заявил я Бусе и даже показал язык. — Может, ты мне теперь сама завтрак сварганишь?

Но пакет с кормом открыл и насыпал ей полную миску. Пусть жрёт, чудовище! Потом ещё налил ей свежей воды и поплёлся в туалет убирать лоток — но там ничего не было. Ну и замечательно!

С первого же глотка кофе я понял, что зря это затеял. Желудок болезненно сжался и потребовал еды. Но я остался сидеть за столом и через силу глотал горькую чёрную жижу, потому что сил двигаться не было.

Внезапно из спальни донеслось хриплое воркование:

— Кисонька, ласкушенька. Ну что за шёрстка у тебя! Иди сюда, Бусенька, — это все, что я смог расслышать. Ласковое девичье воркование музыкой звучало в ушах, и я отчаянно захотел быть Бусей, а не Даниилом Невским. У Буси в жизни совершенно точно началась белая полоса!

Сонные голоса приближались, и на кухню всплыли ужасно помятые, но зато выпавшиеся девочки. Алёну не портила даже лёгкая припухлость после вчерашнего алкоголя.

— Хозяин, пить, — шутливо взмолилась Наташа и я улыбнулся. Она всегда была девчушкой-веселушкой, лёгкой и беззлобной. Наверное, лучшей подруги у моей жены и не могло быть.

Я налил им по стакану воды, вручил, и, дождавшись, пока они утолят жажду, проговорил:

— На правах раненого я прошу завтрака и ухода. Что-то совсем голова разболелась.

И это была правда — в мозгу будто молотом настучали.

— А к нам твоя кошка пришла в кровать. Правда, тяжело ещё прыгает, но немудрено, после операции она. Такая ласковая! — чтобы скрыть неловкость, сказала Алёна.

— Да? А я и не заметил, — буркнул я и посмотрел на предательницу в розовой попоне. Та улеглась на свою подстилку у батареи и прикрыла глаза.

Усевшись у стола, с удовольствием наблюдал, как мои гости шуршат на кухне. Через полчаса на столе была шкворчащая яичница с беконом, салат и бутерброды с тунцом. Вроде

все продукты покупал я, но вот так накрыть и приготовить не смог бы никогда.

С удовольствием поев домашней еды, я окончательно расслабился. Девочки тоже вроде не проявляли признаков беспокойства и спокойно болтали, допивая по второй порции кофе.

— Данила Олегович, — по старой студенческой привычке позвала меня Наташа. — А чего ты в Самару вернулся?

Я задумался. Надо сказать правду — иначе они и слушать не станут. Думают, что я не знаю об их девичьей хитрости — одна выспрашивает, а другая слушает и наблюдает за невербаликой.

— Есть тут важное дело по работе, которое нужно решать лично, — искренне сказал я. — Ну и семейное дело тоже есть, — и я быстро взглянул на Алёну.

— Какое? — не оставила Наташа.

— Личное. С Алёной хотел встретиться и прощения попросить.

Тут уже Наташа стушевалась и замолчала. Думала, буду юлить?

— Жизнь со временем учит понимать, что в ней было настоящего, а что... нет. И иногда хочется расставить все точки над *i*. Просто посмотреть в глаза человеку, о котором думал последние десять лет.

Я специально не смотрел на Алёну, беседуя так, будто в комнате есть только её подруга. Впрочем, это ещё вопрос,

чья она подруга. С самого знакомства мы с Наташей общались легко и непринуждённо — и частенько она вставала на мою сторону. Но всё это было в прошлом — после того раза, как я сбежал от Алёны в красивую холостую жизнь, пощады от неё ждать не приходилось.

— Давайте вы не будете говорить обо мне так, будто меня здесь нет! — резко оборвала мои мысли Алёна и продолжила: — Что за дело у тебя? Это из-за него ты... ранен?

— И да, и нет. Я действительно ездил вчера в Ленинский район к одному человеку на встречу. Но не нашел его и уехал ни с чем. А по пути меня развернуло на мокрой трассе и вот, — я показал рукой на голову и сделал страдальческий вид. — Теперь мы с Бусей оба раненые.

Кошка даже мяукнула в ответ со своего места.

— Точно, Буся! Ты ей обрабатывал рану? — вскочила Алёна и пошла к раковине помыть руки.

— Нет, а надо было? — удивился я.

— Конечно! Тебе что, не говорили? — возмутилась она и пошла искать аптечку по полам шкафа.

— Ээ, ну, наверное, говорили, — неуверенно начал я.

— Ну ты мне хлоргексидин оставлял! Значит, надо, — развивала деятельность Алёна, а я понял, что она прячет за лихорадочными действиями нервозность.

Девочки вскочили и ринулись к кошке, которая, к своему несчастью, ещё не могла бегать. В минуту животное было распластано на подстилке, попона снята, и две головы — од-

на белокурая, другая каштановая — склонились над раной.

— Невский, с ней что-то не так! — встревоженно позвала Алёна. — Шов мокрый и припухлый! Так точно не должно быть!

Я подошёл и глянул на соломенно-жёлтое пузико с большим синим пятном по центру. Шов и вправду выглядел странно. Коричневая жижа увлажнила сбритую шерсть, и кожа вокруг шва отекала и стала болезненно-розового цвета.

Схватив смартфон, я набрал ветклинику, где Бусе делали операцию, и получил инструкции срочно приезжать. Достал переноску, пока девочки завязывали попону обратно упирающейся от страха кошке, и начал искать ключи от машины. И запоздало понял, что я теперь лишился колёс. По крайней мере, на какое-то время.

Внезапно волной накатила усталость. Всё как-то сразу навалилось — проблемы с клиентом, авария, возня с кошкой. Какие-то мелкие неурядицы, а из колеи всё равно выбивают. Опять начинала побаливать голова, и я запоздало подумал о том, что, наверное, нужно менять повязку.

Я присел на табуретку и опустил голову вниз.

— Что, болит? — участливо поинтересовалась Наташа, пока Алёна запихивала негодующую Бусю в переноску.

— Ага, — пробормотал я. — И такси надо вызвать, машина же не на ходу.

— Точно! — вздохнула Наташка и принялась тыкать в приложение, подыскивая машину по вызову. Ехать было

недалеко, но тащить несчастную кошку в переноске по осеннему холоду было негуманно.

— Хорошо, я займусь твоей кошкой и после ветеринара верну обратно, — вздохнула Алёна и схватила переноску первой. — Но на этом всё. Моя помощь будет считаться оконченной.

Я кивнул, не в силах спорить с ней. Сначала нужно подлечить голову, а уже потом предпринимать следующие шаги. На сегодня побед достаточно.

Кошку после обеда вернула одна Наташа — сказала, что у Алёны появились какие-то срочные дела, и она уехала домой после ветеринарки. Ну что ж, спасибо и на том, что не оставили Бусю в клинике — мол, сам забирай.

Остаток воскресенья прошёл скучно. Голова побаливала, и таблетки, выписанные в приёмном отделении, слабо помогали. В этом вынужденном вакууме я понял, как сильно привык занимать голову постоянными делами. Если выпадала минутка отдыха — включал музыку и очередной боевичок, а может даже и подкаст с каким-нибудь крутым юристом.

Было невыносимо скучно просто смотреть на часы и ждать, когда же минутная стрелка перевалит за двенадцать, а потом ещё и ещё. Смотреть ничего не мог, глаза тут же слезились и горели. Да уж — хочешь наказать юриста, лиши его возможности читать.

Мысли против воли возвращались к вопросу Наташи. За-

чем я на самом деле вернулся в город? А я и сам не знал — это было что-то нерациональное. Я ухватился за возможность уехать из города, где всё вдруг стало чужим.

Холодная гладь каналов и вечная сырость. Наступающая осень предполагала, что совсем скоро в Питере наступит неофициальная полярная ночь. Это когда рассветает в десять утра, а темнеет в четыре часа дня. И ты проводишь свой день в офисе под лампами, практически не видя дневного света.

Когда ты молод и полон надежд, ты подпитываешься от неоновых вывесок баров и паров алкоголя, представляя себе, что зима в северной столице создана для тусовок. Ночами ты пьёшь, танцуешь, перемещаешься из бара в бар, цепляешь девочек, везёшь их на чью-то квартиру, где собираются небритые гитаристы и андеграундная публика, из которых ты знаешь ровно трёх человек. А наутро свежий и подтянутый идешь на работу, с нетерпением ожидая вечера. Хорошенькие секретарши строят тебе глазки, а ты таскаешь им шоколадки.

Потом сам становишься руководителем и при первых же признаках наступления осени в Питере летишь в жаркие страны. Греться, впитывать болезненно-серой кожей ультрафиолет и заливать в себя литры свежесжатого сока и не только.

Я ненавидел зиму в Питере так же сильно, как и температуру 37,2. Она скребёт тебя изнутри, как вирус, и не даёт

вздохнуть. Низко висящие тучи над городом давят на черепушку, а серость под ногами хлюпает с противным звуком и заставляет морщиться — потому что минуту назад ты начистил ботинки до блеска, а теперь всё зря.

И ни витые лампы в Пушкинском стиле, ни пастельно-одинаковые фасады исторических зданий, ни клумбы и кирпично-красный песочек дорожек не спасают от этой хмари. Ветер в лицо, моросящий дождь и отсутствие солнца ускоряют неудачи в твоей жизни, если ты уже вступил на их путь.

Неудачи начались со Снежаны. Эта холёная красавица, у которой папа служил в прокуратуре, с самого начала казалась мне удачным приобретением. До неё я уже обжигался — в первом браке с Алёной, во втором — с Кариной.

Снежана была похожа на меня: она занималась своей карьерой и не парила мне мозги, как Карина. Она тоже была красива и ухожена: загорелая кожа, худое полированное тело, эпиляция, маникюр, безупречный вкус во всём. Она не сильно рвалась замуж, но я настоял. Отчего-то меня никогда не устраивали отношения на один день — всех своих женщин я тащил в ЗАГС, да они и не сопротивлялись.

Вот только зачем? Над этим вопросом я никогда не задумывался, но сейчас понял, как мало я понимаю об отношениях с женщинами и о своей роли в них.

После того, как от меня ушла Снежана, на работе начались проблемы. Один из бывших клиентов, чьё дело я проиграл

ещё на заре карьеры, вышел на свободу и начал мною интересоваться. В самом начале, пока я не остановился на земельном праве окончательно, то брался за любые дела, кроме уголовных. В том числе и за заведомо проигрышные — просто я тогда об этом не знал. Посадили того клиента за другое, но ключевым стал суд, который проиграл я — и его признали виновным в экономическом преступлении в сфере недвижимости. Позднее у него отжали бизнес, подставили и упекли на нары — и всё это время он, оказывается, винил во всём меня.

Пришлось спешно собирать вещи и скрываться. Пока я работал удалённо в тихом загородном домике своего партнёра Санька Богданова, в питерской квартире произошёл потоп: прорвали старые трубы канализации и дерьмо всего дома вылилось аккурат на моём этаже.

Устранение последствий заняло кучу времени и ещё больше денег, но почти все мои вещи были испорчены безвозвратно, а стены пропитались запахом говна.

— Тебя кто-то сглазил, Даня, — выпалил мне Богданов, когда сообщал о произошедшем. — Ты бы там это... к бабке, что ли, сходи. Или к батюшке в церковь. Таких совпадений не бывает!

— Да пошёл ты! — беззлобно ругнулся я и рассмеялся. — Просто это говённый старый фонд подложил мне такую свинью. А ты мне всё пел в уши: центр, центр, бери квартиру, пока не подорожало!

Саня поржал ещё немного, каламбурия насчет дерьма в моей жизни, и повесил трубку. Я же второй раз за день вспомнил об Алёне. В тот раз, когда я ушёл от неё впервые, в съёмной питерской квартире, куда я привёл Карину — мою вторую жену — тоже прорвало трубы и нас по колено затопило горячей водой. Чудом мы не обварили ноги посреди ночи, а разгребать это всё пришлось вручную.

Когда я бросил Алёну во второй раз — то попал в сильную аварию, где чудом остался жив. Но ключица, сломанная тогда, до сих пор ныла в сырую питерскую погоду и напоминала о себе.

А в этот раз позвонила мама и сказала, что умер мой дедушка и нужно приехать, чтобы похоронить и разобрать его дела. Вступить в наследство, разобрать его вещи. Никого у дедушки, кроме нас с мамой, уже не осталось.

Тут же в конторе нарисовалась задача убедить некоего колхозника продать нам землю под стройку, и Богданов перевесил её на меня. И в ту же ночь мне приснилась Алёна — такая, какая она была в день нашей свадьбы. Нежная, тонкая, юная. От неё захватывало дух и тело сходило с ума, желая каждую минуту трогать её, целовать и обладать целиком, без остатка. Я вдруг почувствовал нечеловеческую тоску и желание её увидеть. Приехать и взять нахрапом — по старой памяти. Знал, верил, что помнит и любит. Такая любовь не проходит бесследно — а, значит, я смогу её разбудить. Настало время наладить свою жизнь и перестать бегать, как

бешеный заяц. И Алёна — единственная женщина из всех, кто до сих пор будоражил во мне чувства и заставлял биться сердце чуть быстрее.

И осмыслив всё это, я сам себе задал вопрос: так зачем я приехал?

Глава 17

Неаполь, Италия

Лето 1926 года

— Лаура, пожалуйста, сосредоточься, — донёсся до меня голос Анджело. Он раздражённо смотрел на мои попытки сосчитать столбиком цифры в бухгалтерской книге. Но непослушные закорючки плясали перед глазами и никак не хотели сходиться с контрольными суммами, записанными у него в отдельной тетрадке.

Несмотря на раздражение, выглядел Анджело расслабленно и непринуждённо. Белая рубашка была небрежно расстёгнута в ворота, обнажая загорелые ключицы. Закатанные рукава держались на локтях, открывая взору мускулистые руки, покрытые длинными чёрными волосами. Они были засунуты в карманы брюк, обманчиво простых, но великолепно сидящих на его ягодицах. Анджело Марино смотрел в открытое окно и курил, но я знала, что он цепко следит за моими перемещениями по комнате.

В гостиной было жарко — собственно, потому что на улице стояло знойное лето и обливаться потом было обычным делом. В углу сидела моя милая Нонна со стопкой шитья: она служила мне дуэньей и гарантировала, что я могу безопасно находиться с посторонним мужчиной в одной комнате.

Но у этого мужчины и в мыслях не было рассматривать

меня как объект страсти. Он хотел избавиться поскорее от нашего урока и рвануть к морю: мне казалось, что я могу читать его мысли. Вот он еле слышно вздохнул, подавляя зевок, и выкинул окурок в окно. Внизу было шумно — рабочий день кончался, и из порта группками возвращались усталые грузчики.

Были слышны голоса мальчишек, игравших в ножички, и крики разносчика, который предлагал вкусные лепёшки. У него сейчас самое удачное время — голодные работяги не всегда доходили до дома, где у многих не было никакого ужина. Они закидывали в себя ароматные лепёшки с сыром у старого Джузеппе и шли играть в кости во двор. Те, кто побогаче, шли пить в таверну и дожидаться вечерних танцев.

— Лаура! — окрик Анджело вырвал из задумчивости и я послушно уткнулась в свой листок. Огрызок химического карандаша уже окрасил кончик языка, и я, немного повеселев, покрасила им губы. Пусть будут красные, может, тогда он обратит на меня внимание по-настоящему?

Дурацкая бухгалтерия, она надоела мне хуже горькой редьки! Мать настояла, чтобы я училась на реальных книгах одной из её лавок, и Анджело, как самый главный по финансам в семье, должен был учить меня всему, что знал сам. Но пока дальше контроля расходов и доходов мы не дошли. Цифры никак не хотели мне подчиняться, и я нередко плакала над тяжелыми расходными книгами, каплями размывая свежие чернила.

Я всхлипнула и подавила звук, испугавшись, что Анджело снова назовёт меня маленькой девочкой. Он не замечал, как я выросла за последний год! Мать уже купила мне новые бюстгальтеры — первые, аккуратные и красивые. Моя грудь полностью заполняла чашку и я втайне гордилась тем, что уже доросла до них. Я тщательно затягивала пояс на тонкой талии и выбирала для платьев самые тонкие ткани — так, чтобы он видел каждый изгиб моего тела. Но проклятого Анджело интересовала только бухгалтерия!

— Ну давай, bambino, покажи, в чём у тебя сложность? — Анджело двигался бесшумно, и я даже не сразу поняла, что он уже стоит за моей спиной и поглядывает на листок со столбцами цифр.

Я вздрогнула и выронила карандаш.

— Сам ты bambino! — возмутилась я и вскочила. — Я устала! Даже грузчики уже идут с работы, а ты всё меня мучаешь!

— Мы не занимаемся даже часа, Лаура. Мать будет недовольна! — укоризненно сказал Анджело, и в его голосе слышалось только усталость от такой бестолковой ученицы, как я.

— К чёрту мать! — горячо сказал я и добавила: — Только не говори ей!

И я сложила ладошки в умоляющем жесте, повернувшись к Анджело и оказавшись с ним лицом к лицу: он был высок и моя макушка едва ли доставала ему до носа.

— Ну пожалуйста! — состроила я забавную рожицу и быстро чмокнула его в щёку. — Не выдавай меня, и я обещаю, что к следующему уроку всё досчитаю!

Анджело посмотрел на меня усталым взглядом и ничего не ответил. Выразительно глянув на Нонну, которая шила и делала вид, что не заметила моей шалости, он взял со стула шляпу, перекинул через локоть пиджак и резвым шагом спустился с лестницы, куда вела открытая дверь: так было хоть какое-то подобие сквозняка.

Я подбежала к окну и проводила его лёгкую фигуру внимательным взглядом — ни разу не оглянувшись, он быстро шёл по улице в сторону порта. Зачем ему туда? Неужели снова выведет яхту и уедет, взяв на борт девиц лёгкого поведения?

Почувствовав, как кровь прилила к щекам, я отвернулась и со злорадным удовольствием захлопнула книгу. К чёрту бухгалтерию!

Подняв шляпку, я танцующей походкой пролетела мимо Нонны и кубарем скатилась по лестнице.

— Куда поскакала? — донеслось до меня эхо её голоса. — А ужин? Мария приготовила пасту с мидиями и помидорами!

— Я на улице поем, — крикнула я ей с первого этажа. — Ты знаешь, я не люблю мидии!

— Неприлично молоденькой девушке вроде тебя есть на улице! — назидательно проговорила Нонна, перегнувшись

над перилами. Её тучное тело тоже изнывало от жары, о чем красноречиво говорили мокрые полукружья подмышек на просторном платье. — Вернись!

— Я ушла-а-а, — пропела я напоследок и выскочила на улицу, пока меня не остановил кто-то ещё.

Матери сегодня не будет, она уехала в дальнюю провинцию по делам семьи, и я наслаждалась редкими моментами свободы. Сегодня можно будет не только поест в таверне, но и сбегать на танцы! Побывать простой итальянской девушкой и забыть, в какой семье я выросла. Свобода!

Жара плотным одеялом накрыла меня на улице. Всё же толстые каменные стены дома сохраняли хоть какую-то прохладу, а здесь не спасало ничего, кроме редких порывов ветра с моря. Да и тот, долетая до центра города, успевал нагреться и дул теплом, как из печи.

Но в голове рефреном пело «Свобода! Свобода!» И я поскакала мимо чумазых мальчишек и торговца Джузеппе туда, куда рвалась душа — на Пьяцца Дель Плебисцито, туда, где с наступлением ночи начиналась настоящая жизнь.

В крошечной сумочке, надетой через плечо, было достаточно денег, чтобы гульнуть как следует. Может быть, я даже встречу там Розу — самую красивую девочку в школе, которая уже второй год гуляла на Виа Толедо и даже цепляла там парней. Все остальные ей завидовали, но никто не обладал её свободой.

У Розы не было матери, а её отец днями и ночами пропа-

дал на работе, давая дочери полную свободу действий. Местные мальчишки шептались, что Роза уже давно не девушка и путь ей уготован один — на панель. Но я не хотела этому верить, потому что она была неизменно добра и мила к остальным, а сердце её было открыто для всех.

Из открытых дверей уличных кафе доносились дразнящие ароматы еды: острого чесночного соуса для креветок и кислого запаха томатной пасты с базиликом, сливочного тягучего расплавленного сыра и сладковатого запаха ледяного лимонада.

Столики, вынесенные на улицу и поставленные под выгоревшие на солнце зонтики, были заполнены наполовину. Я ещё помнила времена, когда они пустовали, потому что у итальянцев не было денег, чтобы сидеть здесь и есть за деньги. Каждая вторая хозяйка умела готовить не хуже поваров в этих кафе, были бы продукты. И посиделки за столиками заменили совместные ужины внутри тесных дворики.

Пока женщины накрывали на стол и гремели посудой, мужчины резались в домино и шумно смеялись, смоля самодельные папиросы. Я сама участвовала в таких застольях, где собиралась вся наша семья. Мать всегда сидела во главе стола, а остальные жители нашего большого дома боялись и нос высунуть на улицу, пока во дворе шумели «эти каморра».

Сейчас же нарядные женщины и чисто одетые мужчины лакомились горячей пиццей с тягучим сыром и запивали домашним вином из глиняных кувшинчиков, запотевших от

капель воды. Тут же рядом чумазные беспризорники, как голодные воробьи, сидели у обочины, поджидая момент, когда гости расплатятся и уйдут. Стайками налетая на стол, они хватали оставшуюся еду — если таковая была — и запихивали чёрными от пыли пальцами в рот.

Контрасты Неаполя давно уже не удивляли меня. Раньше, когда я была ребёнком, я тайком таскала куски хлеба на кухню у Марии и притаскивала детям с улицы — видеть голод в глазах им было невыносимо. Но мать объяснила мне, что жалость не приводит ни к чему хорошему. И нужно давать людям не рыбу, а удочку. Тогда я научила их искусственно пускать слезу и петь жалостливый псалом из Библии, чтобы они могли качественнее попрошайничать.

Солнце, нещадно палившее весь день, начинало клониться к закату. Местами оно уже спряталось за высокие башенки некоторых домов, а тени от деревьев удлиннились и делали дорогу приятной, отбрасывая на каменную улицу кружевную тень листвы.

Нос привёл меня к Марио — трактирщику, который по утрам и вечерам продавал пиццу на вынос, и прилавок его помощника стоял прямо на узкой улице. Здесь не было места для столиков — улица в ширину составляла не больше двух метров и считалась одной из самых старых в Неаполе. Перед прилавком уже скопилась небольшая очередь — потому что Марио готовил самую вкусную пиццу на Виа Дей Трибунале.

Отстояв очередь и получив свой конвертик со сложенной

вчетверо пищей, я с наслаждением вонзила в неё зубы и тут же отдёргнула руку — лепёшка была невыносимо огненной и оттого ещё более желанной. Солоноватый вкус оливок и сливочный вкус расплвленного сыра наполнили рот и я застонала от удовольствия. Намного лучше, чем корпеть над бухгалтерскими книгами.

В сумочке ещё оставались деньги на лимонад и мороженое, и я довольно быстро расправилась с пищей, стараясь не запачкать белое платье. К вечеру ветерок усилился, и мне пришлось завязать шляпу под подбородком, чтобы она не улетела. Толпы людей заполнили узкие улочки, и кровь в моих жилах начала течь быстрее.

Но, выйдя она Пьяцца Дель Плебисцита, я разочарованно вздохнула. Шум и крики толпы был вызваны не весельем, а очередным скучным собранием сторонников Муссолини. На помосте выступал тучный громкоголосый мужчина, вокруг и позади него волновались красно-зелёные флаги. Толпа внимательно его слушала, а в некоторых местах мужчины ревели и потрясали кулаками.

— Италия — наследница Древнего Рима! — орал толстяк, и люди одобрительно гудели. — Мы достойны звания Империи!

Опять эти крикуны, — раздражённо подумала я. Из каждого угла орут про этого Дуче, ну что за скучные люди! Скорее бы уже закончили свой митинг и начали вечерние развлечения!

Я обошла площадь в поисках мороженого, но всех торговцев как ветром сдуло. Странно. Но возвращаться домой — глупо. Ещё глупее ждать тут, слушая эти непонятные лозунги. Пойду к дому Розы — если кто сегодня и поможет мне развлечься, то это она. Душу наполнило предчувствие скорого веселья.

Вечеринка было в самом разгаре. В шумном ресторане было душно — но я всё равно танцевала и веселилась от души. Ночь уже опустилась на Неаполь, но летом она хоть и короткая, но кажется, что бесконечная. Я кружилась в весёлом танце вместе с Розой, и за нами наблюдали четверо её друзей. Они сидели за столиком в углу, где щедрой рукой было разлито красное вино по бокалам и на тарелочках нагревались недоеденные пирожные.

Роза была красива той знойной красотой, которой славятся неаполитанки. Смуглая кожа её рядом с моей казалась сильно загорелой, да так оно и было. Это меня мама берегла от солнца и заставляла носить шляпы, Роза же была дитём улиц. Тонкий гибкий стан, две толстые косы так и взлетали, когда она кружилась в танце. Её полные губы то и дело смеялись, и я завидовала их цвету тёмного коралла, который не требовал никакой помады.

Я же по сравнению с ней казалась себе слишком домашней и слишком невзрачной. От отца мне достались синие глаза и бледная кожа, что было нетипичным для наших жен-

щин. И я чувствовала себя бледной молю, недостаточно красочной для этого праздника жизни.

Находиться в ресторане вот так, без Чезаре и в компании молодых мужчин, было для меня в новинку. Мать пришла бы в ужас, если бы увидела меня здесь. Она тщательно отгораживала свою единственную дочку от реального мира и постоянно напоминала, кто я есть. Но так хотелось вырваться из тисков её дома и опеки, что мне это, наконец, удалось.

И сейчас, чуть хмельная от вина и танцев, я пыталась почувствовать себя счастливой, но ощущала только смутную угрозу и неприятное сосущее сомнение внутри тела, что поступаю неправильно.

Старая Нонна наверняка волнуется, а Чезаре уже оббегал все улицы, чтобы найти меня. От тотальной облавы меня спасает только отсутствие в доме матери и толика везения.

— Роза, — я дёрнула подругу за рукав и потянула её к столику. — Давай уйдём отсюда! Мне пора домой!

Хмельная Роза взглянула на меня и кивнула:

— Хорошо, я уже тоже хочу в место, где потише. Давай мы проводим тебя до дома и дальше пойдём развлекаться сами, — простодушно сказала она, а я почувствовала благодарность к ней. Мне на минуту показалось, что она поднимет меня на смех и откажет, но Роза была выше этого.

— Тогда пошли! — и я потянула её к выходу, но подруга кошкой рванулась к столику, чтобы позвать своих друзей.

На улице наконец-то стало прохладно. Свежий воздух

остудил разгорячённое лицо и позволил отдышаться. Из дверей ресторана шумной толпой вывалилась Роза с мужчинами, и мы медленно пошли по площади в сторону дома.

Один из мужчин — кажется, его звали Робертино, словно невзначай приблизился и приобнял меня. Я удивлённо на него посмотрела, но руку не убрала. Украдкой разглядывая лицо парня, я отмечала, что он высок и слегка сутулится, словно стесняется этого. У него не было горделивой осанки, как у Анджело, а штанины его брюк в самом низу были припорошены пылью. Кожаные туфли давно не знали крема и были изрядно изношены. Анджело никогда бы не позволил себе одеть такие!

Но сам парень был приятным — он белозубо улыбался и оказывал мне знаки внимания. Через несколько минут мы мило шутили и до самого дома я разговаривала в основном с ним. Роза с другими парнями чуть подотстали и тоже вели себя потише.

Я слышала, что чернорубашечники и милиция Дуче по ночам патрулирует улицы и всех, кто нарушает порядок, забирает без разбора. А попасть в их поле зрения — значит, очутиться под тотальным надзором. Заставят вступить в профсоюз, если ты работаешь, или пойти в какую-нибудь общественную организацию, где будут промывать мозги и заставлять заниматься полезной социальной работой. Мне и в школе хватало пропагандистских речей и общественной нагрузки.

К моменту, когда подошли к моему дому, там горели все окна. Я хотела быстро взлететь по лестнице и тайком пробраться в комнату, но у меня это вряд ли получится. Повернувшись, чтобы махнуть на прощание рукой, я почувствовала, как Робертино схватил меня за предплечье, подтянул к себе и поцеловал. Причём сделал это не как смущённый юнец — он уверенно просунул свой язык в мой рот и несколько мгновений там шуровал. Фу!

Мне захотелось прополоскать рот после такого, и я с силой его оттолкнула, а потом влепила пощёчину, которой он не ожидал. Я почувствовала, как на лице застыло выражение безразличия, а я вытерла рот тыльной стороной руки.

— Ты что! — бросилась к нему Роза, удерживая от ответного удара в мою сторону. — Ты разве не знаешь, чья она дочь? Успокойся! Нашёл, к кому с поцелуями лезть!

Потрясённый Робертино всё ещё держался за щёку, а потом поглядел на меня и сплюнул на землю:

— Коли такая чистоплюйка, сидела бы дома! Чего с нами попёрлась? И мне плевать, чья ты дочь, но за удар ты мне ответишь!

Роза зашикала на него и принялась что-то объяснять, я же забежала в дом и попала в руки Чезаре, который спускался по лестнице. Почти расплакавшись от облегчения, я шёпотом попросила у него прощения, а он невидяще рассматривал меня под лампой угрожал убить любого, кто посмеет довести меня до слёз.

Но плакала я не от того, что меня кто-то обидел. Мне было жаль первого поцелуя, который украл этот грязный Робертино. Я хранила его для Анджело.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.